

ВОЙНА И МЫ

Юрий МУХИН

ЖЕРТВЫ БЛИЦКРИГА

**КАК ИЗБЕЖАТЬ
ТРАГЕДИИ 1941 ГОДА?**

Война и мы

Юрий Мухин

**Жертвы Блицкрига. Как
избежать трагедии 1941 года?**

«Яуза»

2014

Мухин Ю. И.

Жертвы Блицкрига. Как избежать трагедии 1941 года? /

Ю. И. Мухин — «Яуза», 2014 — (Война и мы)

НОВАЯ КНИГА от автора бестселлера «Блицкриг: как это делается?».

Продолжение исследования самой грозной стратегии XX века.

Переосмысление практики «молниеносной войны». Феноменальные триумфы гитлеровских Блицкригов объясняются не столько силой агрессора, сколько слабостью жертв, трусостью и подлостью их «элиты», выродившейся в «пятую колонну». Именно по вине своего руководства панская Польша, в военном отношении почти не уступавшая Вермахту, рухнула всего через пару недель боев. Именно из-за предательства и вопиющего непрофессионализма советского генералитета кадровая Красная Армия была разгромлена в Приграничном сражении, а враг дошел до Москвы. Почему же сталинский СССР не повторил судьбу Польши и Франции? Благодаря чему была сорвана «молниеносная война» против Советского Союза? И какие уроки необходимо усвоить нынешней России, чтобы не повторить трагедию 1941 года и опять не стать жертвой Блицкрига?

© Мухин Ю. И., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Германо-польская война	9
Феноменальная быстрота	9
Опять по польскому счету	10
Много разных данных	12
Боевитая шляхта	14
Идеология и арифметика	16
Кавалерия на поле боя	17
Как сосчитать?	20
Мобилизация	21
Польский счет	22
Арифметика	25
Куда подевались генералы?	27
Передовые военные идеи	29
Шляхта	30
Немного о мемуарах	32
Оборона Польши глазами участника	34
Солдаты как солдаты	42
Поляки после разгрома	44
Гадюшник в эмиграции	46
На службе немцам	49
Правительство предателей	51
Глава 2. Генералы для прошедшей войны	59
Русский плен	60
Подготовка офицеров	67
Оружие	69
Роль артиллерии	72
Опыт Первой мировой	75
Артиллерийская тактика «блицкрига»	77
Технические и количественные аспекты артиллерии	80
Тактика в числах	84
Ельнинская операция 1941 года	87
Полковник и Сталин	90
Энтузиасты тактики 1918 года	96
Цена тактики 1918 года	98
Глава 3. Предатели, ставшие «ероями»	105
Версия	105
Стратег Жуков	107
Буденный и Киев	111
Проблемы окружения	114
Отход	116
Саботаж	118
Дезорганизация войск фронта	121
Топтание на месте	123
Избавление от честных	125
Немцы все испортили	128

Позорный конец	131
«Пассажиры» штаба 25-го стрелкового корпуса	133
Вязьма	140
Комсомолка и генерал	145
Бросающаяся в глаза разница	149
Глава 4. Вопросы вопросов	152
В голове не укладывается	152
Генералы и штрафная рота	153
Склонить к предательству руководителя	155
Не в первый раз	157
Дефект власти большевиков	163
XIX съезд	166
Коллективное руководство	170
Куда девались «закрытые пакеты»?	175
Вместо послесловия	178

Юрий Мухин

Жертвы Блицкрига. Как избежать трагедии 1941 года?

Предисловие

В предыдущей книге «Блицкриг: как это делается? Секрет “молниеносной войны”» были рассмотрены теоретические основы проведения молниеносных (очень коротких) войн, заканчивающихся либо полным разгромом и капитуляцией противника, либо его сдачей, с достижением целей войны агрессором. Теория вопроса привела к следующим выводам:

1. Молниеносная война («блицкриг», быстрая победа в войне) невозможна только военными силами, как бы ни превосходил агрессор жертву в области военных сил.

2. В любой войне моральные силы граждан данного государства являются главными факторами победы в войнах.

3. Молниеносность войны достигается деморализацией жертвы, перефразируя прусского генерал-фельдмаршала А. Шлиффена, побежденный должен внести свою лепту в дело победы над собой. Причем с помощью деморализации победа в войне может быть достигнута без применения вооруженных сил либо с ограниченным их применением.

4. Чем больше граждан данной страны готовы и способны отдать долг делу защиты общества, тем выше моральные силы общества в военной области. В основе долга обществу лежит стремление людей обеспечить будущее своих детей, и долг обществу – это, по сути, долг потомкам.

5. Способы деморализации противника:

– внушить жертве мысль, что сопротивление бесполезно и посему бессмысленно, соответственно, не приведет ни к чему, кроме гибели сопротивляющихся при незначительном ущербе агрессору;

– разделить общество на части, и эти части если и будут исполнять долг, то только по отношению к своей части, а само общество останется беззащитным;

– склонить к отказу от исполнения долга перед обществом посулами материальных благ;

– подмена долга обществу долгом начальству и различным идеям.

6. Государство-жертва само может подготовить свою гибель уничтожением собственных моральных сил всего лишь пассивным наблюдением, как в обществе множится количество людей трусливых, делящихся по различным признакам, с неудовлетворенной алчностью, охваченных различными идеями, входящими в конфликт с долгом перед обществом.

7. Оценить моральные силы общества сложно, в подобной оценке возможны как переоценка этих сил, так и их недооценка.

8. Сопротивление агрессору необходимо оказывать с момента, с которого замечен его интерес к агрессии. Помимо укрепления экономических и военных сил, главное сопротивление необходимо оказывать укреплением собственных моральных сил и подрывом этих сил у агрессора.

9. Органы пропаганды (СМИ всех видов) обязаны быть главным видом вооруженных сил страны.

10. Никаких военных концепций или теорий молниеносной войны не существует и не существовало. Собственно военное дело ограничено разработкой способов быстрого уничтожения вооруженных сил противника боем, а не побед в войнах. Сам термин «молниеносная

война» введен журналистами для описания быстротекущих событий начала Второй мировой войны и не имеет под собой военного обоснования.

11. Для победы в бою необходимо иметь:

- большую, чем у противника, мощность огня;
- большую, чем у противника, эффективность огня;
- лучшую, чем у противника, защищенность от его огня.

12. Тактическое и военное искусство полководцев и командиров заключено в маневре своими войсками с целью обеспечения победы в бою указанными выше способами.

13. Победа в бою – это уничтожение войск противника, никакой захват местности или рубежей, за исключением особых случаев, победой не является и не может быть целью боя.

14. Моральная сила армии является главной ее силой, поскольку позволяет достичь победы в бою даже с большими потерями для себя.

15. Ни одно дело не требует для своего осуществления такого объема творчества, как дело победы над противником.

16. Понимание военными своего дела заключено в подготовке и вооружении армии, способной максимально раскрыть творческие способности ее полководцев, командиров и рядовых бойцов.

17. Сила немецкой армии времен Второй мировой войны была заключена, помимо большой моральной силы, в максимальном раскрытии творческого потенциала максимального количества ее военнослужащих. В управленческой терминологии – в воспитании максимального количества единоначальников.

18. Воспитание единоначальников – процесс тяжелый и длительный, немцы готовили кадры не в училищах и академиях, не педагогами и теоретиками, а строевыми командирами и полководцами, отбирая в командиры тех солдат, кто способен был быть единоначальником, кто способен был творить на поле боя.

19. Воспитание такого командного состава армии позволило немцам разработать для войны соответствующую времени тактику уничтожения войск противника и обеспечить армию оружием и техникой, максимально соответствующими выбранной тактике.

20. Большие потери СССР в Великой Отечественной войне обусловлены негодным воспитанием кадрового состава командования Красной Армии, вызванным, в свою очередь, переносом в Красную Армию паразитических традиций массы дворянства и офицерства конца монархии в России:

- отказом советского офицерства быть единым целым с солдатами, выделением себя в особо ценную касту, а солдат в расходный материал войны;
- рассмотрением воинской службы как доходного промысла с высокой пенсией, требующего нехитрых упражнений в мирное время, и с уверенностью, что правительство как-то избежит войны, а в случае ее неизбежности как-то удастся от войны отвертеться.

21. Подобные кадры командного состава РККА привели к:

- выбору уже век как негодной тактики захвата местности и рубежей;
- выбору под эту тактику вооружения армии;
- отсутствию самоподготовки командного состава РККА к реальным боям (такое впечатление, что командирская масса была уверена, что доживет до пенсии или тыловой должности без войн).

22. Победа над Германией в Великой Отечественной войне обусловлена совокупностью многих факторов, но главным является то, что моральная стойкость советского народа превзошла тот уровень, с которым могло справиться нацистское государство с союзной Германией Европой.

Написать теоретическую работу вообще без примеров – это написать заведомо нудное чтиво, поэтому и в теоретической части выводы обосновывались примерами, но короткими,

поскольку невозможно было переполнить книгу сведениями фактического характера и объемом этих сведений помешать читателю проследить за формированием выводов.

И я решил, что будет полезно в отдельной книге в развернутом виде с достаточным количеством подробностей дать несколько примеров обоснования приведенных выше выводов.

Глава 1. Германо-польская война

Феноменальная быстрота

Напомню, что никаких военных концепций или теорий молниеносной войны не существует и не существовало. Собственно военное дело ограничено разработкой способов быстрого уничтожения вооруженных сил противника боем, а не побед в войнах. Что касается собственно генералов, то да – они всегда стремились достичь победы с максимальной быстротой, для них это естественно, поскольку кому нужна длительная война? Фридрих Великий писал в своей «Секретной инструкции»: *«Наши войны должны быть быстрыми и краткими, ибо не в наших интересах затягивать дело; долгая война мало-помалу ухудшает нашу прекрасную дисциплину и приводит только к опустошению...»* Наполеон всегда стремился одним ударом решить кампанию: *«В Европе много хороших полководцев, но они видят слишком многое одновременно. Я вижу только одно, именно главные силы противника. Я стараюсь раздавить их»*.

Повторю, что сам термин «молниеносная война» (blitzkrieg, «блицкриг») – это изобретение журналистов, а возник этот термин только после победы нацистской Германии над Польшей в 1939 году, и возник потому, что (с учетом общих сил вступивших в войну государств и численности их вооруженных сил) кратковременность этой войны была действительно феноменальной. Ранним утром 1 сентября 1939 года немецкий бронепоезд сделал первый выстрел в этой войне, а уже 17 сентября 1939 года правительство Польши и командование ее вооруженных сил бежали из страны, так сказать, не попрощавшись ни с народом, ни с вооруженными силами. А ведь вооруженные силы Польши считались в Европе одними из самых сильных!

Вот и давайте посмотрим, что определило этот первый, соответственно классический «блицкриг» – слабость собственно военных сил Польши или отсутствие моральных?

Опять по польскому счету

Существует выражение «гамбургский счет», которое означает беспристрастную оценку чего-либо без скидок и уступок, с предельной требовательностью. Видимо, пора вводить ему альтернативу – «по польскому счету».

Да, раз Польша потерпела позорнейшее фиаско в войне, то она была слаба. Но в чем была ее слабость?

Понятное дело, что разгромленные в войнах политики и генералы тщательно преуменьшают свои материальные силы и возможности, чтобы скрыть свою интеллектуальную слабость. Плюс к этому после Второй мировой войны Польша долго была союзником СССР, поэтому все советские историки утверждают, что Польша якобы не успела отмобилизовать свою армию к 1 сентября 1939 года, посему и потерпела поражение. Даже советская «История Второй мировой войны» в таблице «Состав вооруженных сил Германии и Польши» льстит капризной Польше прямо в глаза, уверяя, что немецкие силы состояли аж из 1,6 миллиона человек, а польские всего из 1 миллиона. Что у немцев было 62 дивизии, а польские силы состояли всего-то из 39 дивизий, 11 кавалерийских, 2 бронемоторизованных и 3 горнострелковых – итого 16 бригад.

При этом в таблице все виды немецких дивизий в числе 62 сравниваются только с польскими пехотными дивизиями, и получается чуть ли не двойная разница. Правда, указывается отдельно, что в числе этих 62 немецких есть еще 7 танковых, 4 легких и 4 моторизованных дивизии, но эти числа визуальнo как бы прибавляются к 62, если не присмотреться к таблице внимательно. А если эти числа все же вычесть из общего числа, как это сделано в таблице с польскими соединениями, то останется 47 немецких пехотных дивизий против 39 польских пехотных. Но и это не все. Число 62 взято из работы Мюллера-Гиллебранда, однако у него это не число дивизий, участвовавших в войне с Польшей, а число дивизий, имевшихся на востоке Германии. А по тому же Мюллеру-Гиллебранду участвовало в войне с Польшей 37 с третью (по другим данным, с половиной) пехотных дивизий, 6 танковых, 4 легких, 4 с двумя третями мотопехотных, 1 горная дивизии и 1 кавалерийская бригада.

В, так сказать, «стандартной бригаде» 2 полка, а в дивизии – 3, поэтому 3 бригады по силе считаются равными 2 дивизиям, итого получается, что у немцев было 53 дивизии, а у Польши было около 50 дивизий. Уже эта разница не впечатляет, но и это не все, что нужно о численности войск сказать, но об этом дальше. «История...» продолжает сетовать, что артиллерии у немцев было 6000 стволов, а у Польши всего 4300, танков у немцев было 2800, а у Польши всего 870, самолетов было у немцев 2000, а у поляков 407 (до штуки подсчитали!). Так хочется взять и заплакать от этого горестного соотношения.

Естественно, что авторы советской «Истории...», изучившие Мюллера-Гиллебранда, поленились сообщить, что генштаб Германии считал возможным начать войну только в случае, если боеприпасов будет на 4 месяца войны. А их практически ни по одному виду не было и на 2 месяца, поскольку немцы, начав мобилизацию всего за 5 дней до начала войны, не успевали перевести промышленность на военные рельсы. Лучше всего обстояло дело со снарядами для тяжелых полевых гаубиц – их единственных было 55 % от необходимого, то есть на 2 месяца и 6 дней войны. А, скажем, мин для легких минометов было на 14 дней войны, для тяжелых – на 12. 20-мм снарядов к пушкам немецких танков Т-2 было на 6 дней войны, а эти танки составляли треть тогдашнего танкового парка Германии. Даже винтовочных патронов было всего на 48 дней войны.

В этом плане меня удивляет даже труд историка Михаила Мельтюхова. Чтобы написать 450 страниц, он почти 900 раз опирался на архивные и документальные источники. Это очень хорошо! Но как понять то, что Мельтюхов им полностью доверяет и не сравнивает между собой? В одном месте он пишет, что Польша в 1932 году, в рамках своего антисоветского воен-

ного союза с Румынией, готова была выставить против СССР 60 дивизий. Это при том, что в 1932 г. у Польши были еще очень плохие отношения с Германией, а у СССР хорошие, т. е. Польше надо было бы к этим 60 иметь еще дивизий 30 на своих западных границах. А затем Мельтюхов из польских источников сообщает, что на 1 сентября 1939 г. у Польши было всего 29 дивизий. А почему так мало, куда они с 1932 г. подевались?

Много разных данных

Пользуясь польскими данными, историки дружно утверждают, что Польша вообще начала мобилизацию только за два дня до начала войны – 30 августа. Но за мобилизацией во всех странах пристально следил немецкий генштаб, тем более что это такое мероприятие, которое не сильно и укроешь. А начальник генштаба сухопутных войск Германии Гальдер 15 августа сделал в своем дневнике запись: *«Последние данные о Польше: Мобилизация в Польше будет закончена 27.08. Следовательно, мы отстанем от поляков с окончанием мобилизации. Чтобы закончить мобилизацию к тому же сроку, мы должны начать ее 21.08. Тогда 27.08 наши дивизии 3-й и 4-й линий также будут готовы»*.

Поскольку немцы начали мобилизацию только 26 августа и закончили ее уже с началом войны, то, как видите, поляки и в осуществлении мобилизационных мероприятий, и в развертывании армии сильно опередили немцев (на самом деле еще сильнее, но об этом позже).

Что касается численности польской армии, которую хотелось бы определить хотя бы ориентировочно, то она по указанным выше идеологическим причинам также занижается до 1 или 1,2 млн человек. Если взять за основу даже эти числа, то тогда будет непонятно, откуда взялся тот миллион польских пленных, который работал только в сельском хозяйстве Германии? А откуда взялось 450 тыс. польских пленных у Красной Армии? А откуда взялись те поляки, кто драпанул во все сопредельные с Польшей страны, кто, сняв форму, разбежался по домам?

С другой стороны, в число, более-менее похожее на реальное, тоже не верится. Любое государство без проблем может направить в армию 10 % численности своего населения. Для Польши это была бы армия в 3,5 млн. Но ведь проблема не в том, чтобы призвать в армию 10 % населения, их ведь надо вооружить, одеть, кормить, обучать, снабжать боеприпасами, оружием и техникой. Богатый СССР, со своими высокоразвитыми промышленностью и сельским хозяйством, мог себе позволить при довоенной численности населения в 190 млн человек надеть шинели на 34 млн граждан. Да и это не рекорд. В Первую мировую войну богатые Франция и Германия мобилизовали более 20 % своего населения. Но как голозадая Польша могла иметь такую армию?

Тем не менее посол СССР в Варшаве Н. Шаронов в день начала войны 1 сентября 1939 г. сообщил в Москву: *«Немецкие войска, там, где они вошли на несколько километров, остановлены, сообщил Арцишевский, и имеется равновесие сил. Говорит, что польская армия уже имеет 3,5 миллиона, что нападения они не ожидали, но в Берлин делегатов посылать не собираются. Намакал, что это похоже на крупную демонстрацию, а не настоящую войну. Сказал, что армии у них достаточно, но что сырье и вооружение они от нас хотели бы иметь, но потом, кто знает, может быть, и Красную Армию (в ответ на мое замечание, что для них плохо, что Англия и Франция не заключили договора с нами)»*.

Арцишевский – это заместитель министра иностранных дел Польши и будущий премьер правительства Польши в эмиграции. Если бы он пугал СССР, то тогда его ложь, завышающая численность польской армии, была бы понятна. Но он просил помощи, а в этом случае наоборот – свои возможности занижают. (Кстати, Шаронов тут же дал полякам визы для поездки в Москву на переговоры о помощи.) Так что численность польской армии к началу войны в 3,5 млн человек получается официальной.

Если считать, что польская армия была слабенькая-слабенькая, то непонятно, почему она в Европе долгое время считалась сильнее Красной Армии? Почему Франция, только чтобы сохранить союз с Польшей (даже при условии гарантированной военной помощи СССР), в Мюнхене дала уничтожить своего союзника Чехословакию? Почему Англия и Франция в 1939 году уже в виду неминуемой войны отказались от предлагаемого им военного союза с СССР в пользу своего союза с Польшей? Почему в секретном протоколе к англо-польскому военному

союзу стороны ставят перед собою наступательные цели в Европе, хотя у Англии на тот момент и 30 дивизий не было? Потому что Польша была слабенькой? Так, что ли?

Боевитая шляхта

В 1935 году умер политический диктатор Польши Ю. Пилсудский, с 1936 года правительственным декретом диктатором Польши стал маршал Э. Рыдз-Смиглы. Шляхта была в восторге. Когда немцы еще только делали первые агрессивные шаги и присоединили к Германии Австрию, шляхта вывалила на улицы с призывами к Рыдз-Смиглы: «Веди нас, вождь, на Ковно!» Имелся в виду захват тогда суверенной Литвы. СССР пообещал заключить оборонительный союз с Литвой, и вопли шляхты приутихли, но в Польше началась гонка вооружений – Польша готовилась к большой войне, и Англия и Франция всерьез рассматривали Польшу как очень сильного военного союзника. И чего удивляться тому, что маршал Рыдз-Смиглы накануне нападения немцев заявил, что польская армия через две недели после начала войны будет в Берлине, и начал позировать для картины, на которой он въезжает в Берлин на белом коне? Он, разумеется, был дурак, но, как видите, этот дурак в том, что он будет принимать парад победы в Берлине, не сомневался.

Но вот некоторым комментаторам на моем сайте стало горько и обидно за героическую Польшу, и один из них приводит американские данные, согласно которым в сельском хозяйстве Германии работало всего 100 тысяч пленных поляков, и задает мне коварный вопрос: *«1. Работавших только в сельск. хозяйстве Германии миллион польских пленных» – откуда эта цифра?»*

Какой любознательный! Ну, подумал бы, специалист, если основные польские армии попали в окружение западнее Вислы и окружили их немцы, а Красная Армия всего лишь подбрала поляков, разбегающихся восточнее Вислы, то как у немцев может быть всего 100 тысяч пленных, если и Красная Армия нахватали их полмиллиона? Источник немецкий, это статья «Военная экономика и военная промышленность» Германии, автор Ганс Керль, глава «После войны на Западе»: «Положение с рабочей силой в сельском хозяйстве значительно улучшилось благодаря тому, что сюда было направлено около 1 млн польских военнопленных, а нехватка рабочих рук в промышленности была компенсирована использованием на немецких заводах французских военнопленных. Количество военнопленных было так велико, что использовать их всех в Германии в то время оказалось невозможным и ненужным, поэтому сотни тысяч голландских и бельгийских военнопленных были отпущены к себе на родину. Позднее часть их с большим трудом была опять завербована для работы в Германии»¹. Обратите внимание на год издания этого сборника. Его авторы еще прекрасно помнили, что происходило в Германии, мало этого, сами были участниками этих событий. Я ссылку на этот источник дал еще в «Антироссийской подлости», так, может быть, вам, защитникам Польши, сначала научиться читать, а потом вопросы задавать?

Но «чукча не читатель»: *«И все же: дивизий-то сколько было у поляков? С номером больше 50 хотя бы – найдете? А то как-то непонятно, а собственно где служил 1,4 млн пленных? Уж и не спрашиваю про 3,5–1,4=2,1 млн. Идея считать пленных вполне приемлема, только вот еще бы сыскать дивизии, где они воевали...»*.

«Есть многое на свете, друг Горацио, что непонятно нашим мудрецам». Отвечаю: на 1 сентября 1939 года – армия «Краков», 55-я резервная дивизия пехоты (командир полковник Станислав Калабинский). Дивизия с таким номером подойдет?

Комментатор продолжает недоумевать: *«Мне труднее понять Вас про 3,5 млн армию. Сколько же дивизий было в польской армии? Если численностью по 12 000, то 291 получается. Не МНОГОВАТО ли?»*

---

¹ Итоги Второй мировой войны. Сб. Пер. с нем. М.: Иностранная литература, 1953. С. 369.

А зачем брать по 12 тысяч? Надо для начала взять хотя бы по штату – 16 тысяч, то есть примерно столько же, сколько и в немецких дивизиях. Но я пишу «хотя бы» потому, что не берусь достоверно сказать, какова была численность польских соединений на самом деле и сколько их было на самом деле. Почему?

Идеология и арифметика

Вот советский источник времен, когда СССР еще не обязан был льстить Польше, чтобы она не сбежала из Варшавского договора. Это Малая советская энциклопедия, причем том за 1939 год, то есть статья о Польше писалась еще до войны, в 1938 году, когда немцы и поляки, совместно уничтожившие и захватившие Чехословакию, еще были «братья навек». Эта энциклопедия сообщала о военной мощи Польши следующее:

«Вооруженные силы. Важнейшее оружие польского фашизма – его армия, укомплектованная по принципу всеобщей воинской повинности. Бюджетная численность ее с 1924 составляет официально около 264 т. ч., фактическая – около 320 т. ч. Военный бюджет и сверхсметные ассигнования на подготовку к войне (на военную промышленность и пр.) непрерывно растут; проект бюджета на 1938/39 предусматривает ассигнования на вооруженные силы в сумме 800 млн злотых». (Доходная часть бюджета Польши на 1938/39 год была 2475,1 миллиона злотых, то есть только на армию тратилось 32 % бюджета.)

«Пехота состоит из 30 пехотных дивизий (из них 1-я, 2-я и 3-я носят название «дивизий легионов»); конница объединена в отдельные кав. бригады (12) и кав. дивизии (1). Кав. дивизия состоит из 3 кав. бригад, 2 дивизионов конной артиллерии, 1 саперного эскадрона и 1 взвода связи. Имеется 3 полка шовалежеров (легкая кавалерия), 27 уланских полков и 10 полков конных стрелков; всего 40 кавалерийских полков. Артиллерия состоит из 11 групп артиллерии, 31 полка, 2 дивизионов легкой артиллерии, 10 полков тяжелой, 1 полка сверхмощной, 14 дивизионов конной артиллерии, 1 полка мотоартиллерии, 1 полка и 8 дивизионов зенитной артиллерии. Бронетанковые силы состоят из 10 танковых батальонов, 2 бронедивизионов, 2 дивизионов бронепоездов. Из других технич. частей нужно отметить: 8 саперных батальонов, 1 мостовой батальон, 1 электротехнич. батальон, 1 радиотелеграфный полк, 4 автодивизиона и 1 химическую группу. Воздушные силы состоят из 2 групп воздухоплавания, 6 авиapolков, 2 батальонов воздушных шаров. Число военных самолетов в Польше достигло 2.000 (включая резерв). ...Боевая подготовка армии в техническом и тактическом отношении довольно тщательная».

Обращу внимание, что у Польши еще в 1938 году было 2000 боевых самолетов и 15 кавалерийских бригад.

Давайте рассмотрим эти кавалерийские бригады. Как вы выше прочли, на 1938 год их у Польши было 15, но потом историки начали убедительно сообщать, что их всего 11. В связи с чем так? Ведь при мобилизации число соединений увеличивается, а не уменьшается.

А это важно, поскольку кавалерийские бригады были ударной силой польской армии. У немцев ударной силой были танковые и легкие дивизии. Но легкая дивизия немцев состояла из одного-двух кавалерийских стрелковых полков, разведывательного полка или батальона (броневые автомобили и мотоциклы) и собственно танкового батальона. То есть легкая немецкая дивизия – это та же танковая дивизия, но только пехота легкой дивизии передвигалась на лошадях, а не на бронетранспортерах или грузовых автомашинах, как в танковых дивизиях (на то время бронетранспортеров и для танковых дивизий у немцев еще не хватало).

А по штату в польской кавалерийской бригаде было три кавалерийских полка и танковый дивизион, то есть польская кавалерийская бригада – это та же танковая дивизия. Бригада даже превосходила немецкую легкую дивизию по общей силе своих подвижных стрелков (три кавалерийских полка против одного-двух). Мало этого, как вы увидите ниже, с проведением мобилизации кавалерийских полков в польской кавалерийской бригаде становилось не три, а четыре.

Остановимся немного на кавалерии.

Кавалерия на поле боя

Поскольку у кавалеристов из оружия видят только сабли, то при воспоминании о кавалерии множество историков кривят рот на кавалерию как на архаику из древних времен. Все не так просто. Безусловно, лошадь – это живое существо и уязвимо на поле боя так же, как и человек, на марше точно так же уязвимо с воздуха, но лошадь не нуждается в бензине, легко обходится подножным кормом и фуражом, найденным на месте.

Дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант В.С. Петров вспоминал, что даже накануне войны далеко не все артиллеристы были довольны механизацией. До этого тяжелую гаубицу, весом в 4 тонны, на его батарею тащили 8 лошадей. А ведь эти лошади сколько труда требовали по уходу за собой! Плюс 4 человека должны были ими управлять, а тут мощные тягачи, на которые только что перевооружили батарею, в которой начал служить Петров, – почему эти тягачи не радовали артиллеристов? Петров сообщает обрывок разговора: «Гаранин, едва миновав арку, снова завел речь о тягачах. Его волнует уязвимость. Близкий разрыв снаряда, по его мнению, мог привести тягач в негодность. Конная тяга обладала большей живучестью. Даже один унос из четырех (пара лошадей) в состоянии тащить гаубицу.

– А снабжение топливом? Нефтебазы в тылу за пятьдесят – сто километров... Пути подвоза прерваны, как было в прошлом году во Франции, – все... конец... – рассуждал Гаранин. – Пустые баки не наполнишь за счет подножных кормов и конфискации овса у местного населения».

В этом-то и дело – кавалерия гораздо автономнее, нежели войска на механическом транспорте. Недаром немцы к концу войны пытались воссоздать свою кавалерию, но не смогли.

Что касается сабель, то и тут далеко не все просто. Для примера приведу воспоминания советского генерала А.Т. Стученко, в 1941–1942 годах бывшего командиром кавалерийского полка и командиром кавалерийской дивизии, впоследствии – командира стрелкового корпуса. У кавалеристов есть специфика – их командиры не посылают подчиненных в атаку, а ведут, посему я сокращу записанные литератором воспоминания Стученко за счет рассказов о его личном действии оружием и за счет описания красот природы.

«Полученные разведывательные данные доложены генералу Дрейеру. Он приказывает 58-му и 52-му кавалерийским полкам выйти на опушку леса, с тыла атаковать расположенный в обороне 35-й немецкий пехотный полк, чтобы облегчить нашей пехоте прорыв фронта.

Часам к восьми утра мы изготовились к атаке, развернувшись в две шеренги вдоль опушки леса. ...С дерева в бинокль слежу за немцами. Они ничего не подозревают, ходят во весь рост по траншеям. Хотел уже подать сигнал ракетой, как вдруг наблюдатели заметили оживление у противника. Немецкие солдаты стали выходить из траншей и стекаться в ложину к подходившим кухням. «Надо подождать: ударим, когда начнут завтрак», – решил я и сигнала к атаке не подал.

– Товарищ командир, – слышу взволнованный голос Саковича. – Смотрите влево.

Взглянул туда и вздрогнул. Из-за выступа леса появилась колонна мотоциклистов. Пойди мы в атаку – как раз попали бы под ее фланговый удар...

Выжидаю еще двадцать минут. И только когда мотоциклисты втянулись в ложину, поставили мотоциклы и тоже принялись за завтрак, я выпустил сигнальную ракету.

Эскадроны с мощным «ура» вылетели из лесу. Грозно сверкнули клинки. Прыгнув с дерева прямо в седло и выхватив из ножен свою «кубанку», вырываюсь вперед, занимаю свое место в строю и веду полк в атаку. Немцы, попав под шквал огня с тыла, на секунду онемели, а потом заметались в панике – кто бросился в траншеи, кто побежал к лесу, навстречу нам, кто – к позициям нашей пехоты. Всюду их поджидала смерть. Рубили беспощадно. Но многие гитлеровцы уже опомнились и начали отстреливаться. Приближаясь к траншее, отчетливо

вижу немца, поворачивающего пулемет в нашу сторону. Иду на него. Сверлит мысль: успеть бы до того, как он даст очередь... Безжалостно шпорю коня, замахваюсь шашкой... но пулеметная очередь упредила мой удар на доли секунды. Конь по инерции прыгает через траншею. Успеваю нанести сильный удар по голове гитлеровцу и вместе со смертельно раненным конем падаю на землю...

...Итак, за четверть часа – два убитых коня. Невеселый итог. Заводного коня больше не оказалось, пришлось спешить Саковича и сесть на его лошадь.

Группы пленных немцев, подгоняемые всадниками, направляются к лесу. На поле много убитых и раненых вражеских солдат. Потери есть и у нас, но совсем незначительные. Специально выделенные команды подбирают раненых и убитых. Вижу, пора кончать. Даю сигнал отхода. Все бросаются в лес. ...Почти у самого леса конь, на которого только что я сел, пропущенный не то автоматной, не то пулеметной очередью, рухнул на землю, увлекая меня за собой. Пришлось добывать четвертого коня. Да, что-то не везет мне.

Быстро, с помощью офицеров штаба, собрали людей в лесу, в заранее намеченном районе сбора. Подсчитали потери. 10–12 убитых, человек сорок раненых, в том числе и легко. Противнику же досталось изрядно. Вырубили мы почти целиком 4-ю и 7-ю роты немецкого пехотного полка. Взяли в плен около 30 солдат и унтер-офицеров. ...Наш успешный набег был подробно описан в «Правде» 14 сентября 1941 года».

И еще один его бой.

«Данные разведки, организованной штабом, подтвердили эту догадку. Надо было помешать противнику обойти наш фланг. ... Под давлением превосходящих сил противника наши разрозненные подразделения отходили. Следом за ними густыми толпами шли немцы, беспорядочно стреляя из автоматов и оглашая окрестность пьяными криками. Они настолько были уверены в своей победе, что двигались без всякой разведки и охранения, да и боевого порядка никакого не придерживались. Этой беспечностью мы и воспользовались. Почти на глазах у немцев, в полукилометре от них, за небольшой высоткой, развернулись для атаки в конном строю два наших кавалерийских полка. Заняли огневые позиции артиллерийские батареи. Ко мне подошел незнакомый командир с артиллерийскими петлицами и предложил дать по немцам залп из «катюш». До этого я только слышал, что есть какие-то «катюши», но ни разу их не видел. Я спросил, когда они смогут дать залп. Командир – это был капитан И.А. Флеров – ответил: через пять-шесть минут. Я ответил согласием, а сам не поверил, что так быстро готовят установки, да и в действенности их стрельбы сильно сомневался. Поэтому, не дожидаясь «катюш», приказал своим батареям открыть беглый огонь по немцам и, выхватив шашку, подал команду для атаки.

Проскакав метров двести, мы очутились на открытом месте, откуда было видно, как немцы, попав под огонь наших орудий, мечутся, пытаются встать в цепи, – принять боевой порядок. И тут послышался непривычный для слуха шелестяще-свистящий звук, и над толпой гитлеровцев выросли столбы огня, дыма и взметенной взрывами земли. Заговорили наши «катюши». Немцы попадали в ужасе и лежали, пока над их головами не перестала бушевать огненная буря. Потом повскакали на ноги и заматались по полю, как безумные. А многие так и остались лежать. Видя все это, бойцы наши прокричали такое «ура», что у фашистов и вовсе кровь застыла в жилах. А всадники уже налетели на них. Через несколько минут от пьяной толпы гитлеровцев почти ничего не осталось, за исключением пленных и успевших убежать в ближайший лес.

Ныне находятся люди, которые пытаются утверждать, будто в годы Великой Отечественной войны наша кавалерия не применяла атак в конном строю и таких атак вообще не было ни одной. Не знаю, как могло возникнуть такое несправедливое, неверное и даже обидное для советской конницы мнение. Конные атаки у нас были. В этой книге я пишу о них, как непосредственный участник. Я не берусь обобщать способы боевых действий, применявшиеся во

всей нашей коннице. Я говорю только о тех частях и соединениях, которыми сам командовал в 1941–1942 годах. Об этих конных атаках еще сейчас могут рассказать сотни, тысячи бойцов и командиров, которые в них участвовали. Больше того, скажу, что в пешем строю наши соединения и части боевые задачи решали с меньшим боевым эффектом».

То есть кавалеристами атака в конном строю проводилась очень редко и только тогда, когда для нее были необходимые условия. После войны 1939 года над польской кавалерией начали смеяться за то, что она якобы ходила в сабельные атаки на немецкие танки. Это, разумеется, пропагандистская глупость, но в самой сабельной атаке на танки нет ничего удивительного, если ее ведут храбрые и инициативные кавалеристы.

В воспоминаниях бывшего Председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова есть эпизод, когда его в 1942 году послали уничтожать нефтяные скважины Северного Кавказа в виду наступающих немцев, и там он в штабе маршала Буденного услышал, что кубанские казаки в сабельной атаке уничтожили 10 немецких танков. На самом деле казаки прихвастнули, это были не танки, а оторвавшиеся от своей пехоты немецкие танкетки. (Гусеничные бронированные машины, имевшие двух членов экипажа, а на вооружении пулемет не в башне, как у танка, а в лобовом броневом листе). За счет быстроты и маневренности на коне, казаки, вооруженные бутылками с горючей смесью, заскакивали в тыл танкетке и поджигали ее. Байбаков так передает услышанное:

«Когда мы направились к двухэтажному дому, кавалеристы, стоявшие у плетня кучкой, возбужденно переговаривались.

– Она вертится, проклятая, а я ее горючкой и... шарахнул. Они, как крысы, повыскакивали. А я их шашкой достал, – усмехнулся черноглазый кубанец».

Но вернемся к польской кавалерии.

Как сосчитать?

Польский кавалерийский полк по численности был чуть меньше немецкого пехотного батальона, имевшего на вооружении 36 ручных и 36 станковых пулеметов, 9 противотанковых ружей, 9 50-мм минометов и 6 81-мм минометов. При своих 12 станковых и 18 ручных пулеметах, 4 противотанковых орудиях, вместе с 12 противотанковыми ружьями польский кавалерийский полк, разумеется, уступал немецкому батальону в плотности огня, но сколько этого огня надо? Если все в полку будут только пулеметчиками, минометчиками и артиллеристами, то кто в атаку будет ходить?

Кстати, *«Конная атака (szarża) не являлась тогда регламентированным видом боевых действий. Согласно «Общей инструкции для боя» (Ogólnej instrukcji walki), изданной еще в 1930 г., кавалерия должна была двигаться в конном строю, а сражаться – в пешем. На практике, однако, допускались исключения (например, при неожиданном нападении на противника с целью застигнуть его врасплох или при прорыве из окружения). Инициатива конных атак 39-го года исходила, как правило, от самих командиров кавалерийских частей и подразделений, а в одном случае (под Калушином) польский эскадрон атаковал подобным образом вследствие неправильно понятого приказа старшего начальника»²*. За всю Германо-польскую войну кавалерия Польши провела всего 6 сабельных атак.

Как видите, польская кавалерия, как и у немцев, это были достаточно хорошо вооруженные стрелки, но только сопровождавшие танки не на автомобилях или бронетранспортерах, а на лошадях.

Конечно, польские кавалерийские бригады были слабее, нежели собственно танковые дивизии немцев, но их было 15 против 6 танковых и 4 легких дивизий немцев.

Но и это не все. Рассмотрим состав конкретной польской кавалерийской бригады на август 1939 года, описанный в статье о польской кавалерии из упомянутого журнала «Цейхауз»:

«Поморская кавалерийская бригада (командир до 25 августа 1939 г. – генерал бригады С. Гжмот-Скотницкий, затем полковник А. Закжевский) состояла из 16-го полка великопольских улан, 18-го полка поморских улан, 2-го полка рокитнянских шволежеров и 8-го полка конных стрелков; 11-го конно-артиллерийского дивизиона, 81-го бронедивизиона, 91-й батареи ПВО, самокатного и пионерного, эскадрона связи и саперной роты «Хошча». Бригаде были приданы также 1-й и 2-й стрелковые батальоны».

То есть накануне войны в этой бригаде было четыре полка и еще два стрелковых батальона, то есть еще не менее полутора тысяч стрелков на автомобилях. А в справочной литературе дается, что в польской кавалерийской бригаде до войны было только три кавалерийских полка и танковый дивизион (батальон), а численность бригады получается всего 3427 человек. И вот на таких числах строится подсчет численности польской армии. Но если на самом деле после мобилизации в польской кавалерийской бригаде было уже не три, а четыре кавалерийских полка, и еще два пехотных батальона, то тогда какова была реальная численность польских соединений накануне войны?

Тему продолжу дальше, а пока отвлекусь.

---

² «Цейхауз» № 1, 1991.

Мобилизация

Остается только возмущаться тем, что польское правительство и генералы не сидели на скамье подсудимых в Нюрнберге. А что еще делать, если не возмущаться, когда читаешь вот такую информацию на вполне себе прорежимном российском сайте³.

«В 1938 г. в докладе польского Главного штаба сообщалось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна оставаться пассивной в этот знаменательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель – ослабление и разгром России».

С 1937 г. шла активная модернизация польских Вооруженных сил.

С 1938 г Польша активно включилась в передел политической карты Восточной Европы. 17 марта 1938 г. она при поддержке Германии предъявила Литве ультиматум с требованием признать Виленский край, оккупированный ею в 1920 г., неотъемлемой частью Польского государства. В противном случае Польша угрожала оккупировать страну.

Польские войска начали обстрел литовской территории. Правительство Литвы 19 марта 1938 г. приняло требование Польши открыть границы. Между Литвой и Польшей были установлены дипломатические отношения.

1 октября 1938 г. Польша направила ультиматум правительству Чехословакии с требованием передать ей Тешинскую область и вечером того же дня ввела свои войска на ее территорию.

21 марта 1939 г. Польша отвергает требование Германии предоставить ей возможность строить железную и шоссейную дороги, чтобы наладить связь с вольным городом Данциг.

22 марта 1939 г. Польша провела частичную скрытую мобилизацию пяти пехотных дивизий, чтобы обеспечить в дальнейшем полную мобилизацию основных Вооруженных сил польской армии».

И не только. На следующий день, 23 марта, начали формироваться армии «Краков», «Лодзь», «Модлин», «Поможе», «Познань», оперативное объединение «Нарев», и эти армии начали готовиться к боям. В июле к ним добавились армии «Прусы» и «Карпаты», а с началом войны и оперативное объединение «Вышув». То есть Польша начала мобилизацию еще в марте 1939 года, и даже за месяц до того, как немцы разорвали с нею пакт о ненападении. Как это понять? Польша нагло провоцировала немцев? Начав такую мобилизацию, она уже не могла остановиться – выгруженные со складов боеприпасы должны были быть расстреляны.

---

³ http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=7530&PORTAL_ID=7530:

Польский счет

На сайте Польский Фильм. ру явно польским автором (уж очень много подробностей) дано «совершенно точное» перечисление всех польских соединений и объединений, участвовавших в войне 1939 года. Воспроизведу:

«Военные силы РП включали в себя 7 армий и оперативную группу «Нарев»

Армия «Модлин» (бригадный генерал Эмиль Крукович-Пшеджмировский)

8-я дивизия пехоты (полковник Теодор Фургальский)

20-я дивизия пехоты (полковник Вильгельм Лавич-Лишка)

Мазовецкая бригада кавалерии (полковник Ян Карч)

Новогрудская бригада кавалерии (бригадный генерал Владислав Андерс)

Варшавская бригада НО (полковник Юзеф Сас-Ношовский)

Армия «Поморье» (дивизионный генерал Владислав Бортновский)

9-я дивизия пехоты (полковник Юзеф Веробей)

15-я Велькопольская дивизия пехоты (полковник Здзислав Пишиялковский)

27-я дивизия пехоты (бригадный генерал Юлиуш Драпелла)

Поморская бригада кавалерии (бригадный генерал Станислав Гэсмот-Скотницкий)

Поморская бригада НО (полковник Тадеуш Маевский)

Хелминская бригады НО (полковник Антони Жураковский)

Отдельное подразделение «Висла» (подпоручик Роман Канафойский)

Оперативная группа «Восток» (бригадный генерал Миколай Болтуть)

4-я дивизия пехоты (полковник Тадеуш Любич-Незабитовский, с 4 сентября 1939 – полковник Мечислав Равич-Мысловский, с 12 сентября 1939 – полковник Юзеф Веробей)

16-я Поморская дивизия пехоты (полковник Станислав Щвیتالський, со 2 сентября 1939 – полковник Зигмунт Богуш-Шишко)

Отдельная группа «Яблоново»

208-й полк пехоты (подполковник Ян Шевчик)

Батальон НО «Яблоново»

Батальон НО «Грудзендз» (капитан Юзеф Краковский)

Авиация армии «Поморье» (полковник Болеслав Стахонь)

Две эскадрильи и дивизион истребителей, а также разведывательные подразделения

Армия «Познань» (дивизионный генерал Тадеуш Кутшеба)

14-я Велькопольская дивизия пехоты (бригадный генерал Франтишек Влад)

17-я Велькопольская дивизия пехоты (полковник Мечислав Моздыневич)

25-я дивизия пехоты (бригадный генерал Франтишек Альтер)

26-я дивизия пехоты (полковник Адам Бжехва-Айдукевич)

Велькопольская бригада кавалерии (бригадный генерал Роман Абрахам)

Подольская бригада кавалерии (полковник Леон Стишелецкий)

Познанская бригада НО (полковник Станислав Щюда)

Калишская бригада НО (полковник Франтишек Судол)

71-й и 72-й танковые дивизионы

Авиация армии «Познань» (полковник Станислав Кузьминский)

Две эскадрильи и дивизион истребителей, а также разведывательные подразделения

Армия «Лодзь» (дивизионный генерал Юлиуш Руммель)

10-я дивизия пехоты (бригадный генерал Франтишек Анкович)

28-я дивизия пехоты (бригадный генерал Владислав Боньча-Уздовский)

22-я дивизия горной пехоты (полковник Леопольд Энгель-Рагис)

Пограничная бригада кавалерии (полковник Стефан Ханка-Кулеша, с 4 сентября 1939 – полковник Ежи Гробицкий)

Авиация армии «Лодзь» (полковник Вацлав Ивашкевич)

Две эскадрильи и дивизион истребителей, а также разведывательные подразделения

Оперативная группа «Петркув» (дивизионный генерал Виктор Томме)

2-я дивизия пехоты Легионов (полковник Эдвард Доян-Сурувка, с 8 сентября 1939 – полковник Антони Стайх)

30-я Полесская дивизия пехоты (бригадный генерал Леопольд Цехак)

Волынская бригада кавалерии (полковник Юлиан Филипович)

Бронепоезд № 52 «Пилсудчик» (капитан Миколай Гончар)

Бронепоезд № 53

Армия «Краков» (бригадный генерал Антони Шиллинг)

6-я дивизия пехоты (бригадный генерал Бернард Монд)

7-я дивизия пехоты (бригадный генерал Януш Гонсеровский)

23-я дивизия пехоты (бригадный генерал Владислав Повежа)

21-я дивизия горной пехоты (бригадный генерал Юзеф Кустронь)

55-я резервная дивизия пехоты (полковник Станислав Калабинский)

10-я бригада кавалерии (полковник Станислав Мачек)

Краковская бригада кавалерии (бригадный генерал Зигмунт Пясецкий)

1-я горная бригада (полковник Януш Галадык)

Авиация армии «Краков» (полковник Стефан Шнук)

Армия «Люблин» (дивизионный генерал Тадеуш Пискор)

39-я дивизия пехоты (бригадный генерал Брунон Ольбрыхт)

Варшавская мототанковая бригада (полковник Стефан Ровецкий)

Комбинированная бригада кавалерии (полковник Адам Закшевский)

Группа «Сандомир»

Два артиллерийских дивизиона

Армия «Карпаты» (бригадный генерал Казимеж Фабрицы)

11-я Карпатская дивизия пехоты (полковник Бронислав Пругар-Кетлинг)

24-я дивизия пехоты (полковник Болеслав Кишижановский)

38-я резервная дивизия пехоты (полковник Алоизы Вир-Конас)

46-й дивизион тяжелой артиллерии (капитан Станислав Козловский)

47-й дивизион тяжелой артиллерии (майор Михал Кубицкий)

Группа «Венгрия»

2 разведывательные эскадрильи

Оперативная группа «Ясло»

2-я горная бригада (полковник Александр Ставаж)

3-я горная бригада (полковник Ян Стефан Котович)

Оперативная группа «Нарев» (бригадный генерал Чеслав Млот-Фьялковский)

18-я дивизия пехоты (полковник Стефан Коссецкий)

33-я резервная дивизия пехоты (полковник Тадеуш Калина-Зеленевский)

Сувальская бригада кавалерии (бригадный генерал Зигмунт Подхорский)

Подлясская бригада кавалерии (бригадный генерал Людвик Кмитиц-Скишинский)

1 эскадрилья истребителей и 2 разведывательные эскадрильи

Резерв Главного штаба ВП

Армия «Прусы» (дивизионный генерал Стефан Домб-Бернацкий)

Северная группа

13-я дивизия пехоты (полковник Владислав Зубош-Калинский)

19-я дивизия пехоты (бригадный генерал Юзеф Квацшиевский)

29-я дивизия пехоты (полковник Игнацы Озевич)

Виленская бригада кавалерии (полковник Константы Друцкий-Любельский)

1-й батальон легких танков (майор Адам Кубин)

2-й батальон легких танков (майор Эдмунд Карпов)

Южная группа

3-я дивизия пехоты Легионов (полковник Мариан Турковский)

12-я дивизия пехоты (бригадный генерал Густав Пашкевич)

36-я резервная дивизия пехоты (полковник Болеслав Островский)

Все польские Вооруженные силы подчинялись главнокомандующему – маршалу Эдварду Рыдз-Смиглы. Главный штаб ВП возглавлял бригадный генерал Вацлав Стахевич. Уже в ходе войны были сформированы дополнительные соединения. А именно – армия «Варшава» и отдельная оперативная группа «Полесье». Всего польская армия насчитывала 39 пехотных, 11 кавалерийских, 3 горные бригады и 2 моторизованные бронебригады. Общая численность личного состава – около 1 000 000 человек».

Итак, перечислены дивизии, которые как бы были у Польши на 1 сентября 1939 года. Те дивизии, которые сформировались после начала войны и вошли в армии «Варшава» и «Полесье», должны были иметь большие номера, а если эти две армии формировались из уже имевшихся дивизий, то и эти дивизии должны находиться где-то в приведенном списке.

Арифметика

Для начала считаем, сколько в списке дивизий (вот такой я нудный). Объявлено, что *«всего польская армия насчитывала 39 пехотных»* дивизий, а их в списке всего 33. Казалось бы, отсутствуют те 6, которые и вошли в армии «Варшава» и «Полесье». Однако – нет! В списке отсутствуют не только дивизии с номерами от № 40 по № 54, но и с №№ 31, 32, 33, 35, 37, и с № 5, и даже с № 1. А они где?

Кое-какие из этих дивизий можно найти по российским источникам. Оказывается, 5-я дивизия до войны была в армии «Поморье», 33-я – в оперативной группе «Нарев», 44-я – в армии «Прусы», 45-я – в армии «Краков». Ну и в совершенно отсутствующей в списке оперативной группе «Вышкув» находились 35-я, 41-я резервные и славная, имени маршала Пилсудского 1-я дивизия легионов – гвардия! Как видите, я нашел еще 7 дивизий, которые были в составе польской армии до начала войны, но в списке их нет. Куда они пропали? С началом войны строем пошли к немцам на сельхозработы?

Однако только с этими 7 дивизиями у поляков уже 40 пехотных дивизий, а не 39, и это даже без дивизий армии «Варшава» и оперативной группы «Полесье». Так сколько их всего было? Это вопрос?

Теперь подсчитаем ударные силы Польши – кавалерийские бригады:

1. Мазовецкая бригада кавалерии
2. Новогрудская бригада кавалерии
3. Поморская бригада кавалерии
4. Велькопольская бригада кавалерии
5. Подольская бригада кавалерии
6. Пограничная бригада кавалерии
7. Волынская бригада кавалерии
8. 10-я бригада кавалерии
9. Краковская бригада кавалерии
10. Комбинированная бригада кавалерии
11. Сувальская бригада кавалерии
12. Подлясская бригада кавалерии
13. Виленская бригада кавалерии

Но ведь польские и вторящие им советские историки уверяют нас, что у поляков было только 11 кавалерийских бригад! А их уже 13, кроме этого, среди них имеется и некая 10-я бригада, что позволяет подозревать, что было еще как минимум 9 номерных бригад кавалерии. Придется опереться на данные Малой советской энциклопедии, сообщавшей, что у поляков было 15 кавалерийских бригад мирного времени и, скорее всего, при мобилизации было развернуто еще минимум 10 бригад. Иначе что же это за мобилизация, если не разворачиваются новые соединения?

Но и это не все. В списке присутствуют некие соединения НО (соединения национальной обороны), надо понимать, разворачиваемые только во время войны. Поляки нас уверяют, что они входили в обычные армейские объединения. Но так ли это? Вот сведения из уже упомянутого источника: *«В отряд «Хойнице», возглавляемый командиром Поморской бригады НО (национальной обороны) полковником Тадеушем Маевским, кроме 18-го уланского полка были включены 1-й стрелковый батальон, батальоны НО «Черск» и «Тухоля», 1-й дивизион 9-го полка легкой артиллерии (3 батареи), 2-я батарея 11-го конно-артиллерийского дивизиона, взвод саперной роты «Хошча» и два отряда пограничной стражи (комиссариатов в Хойнице и в Конарчинах)»*. То есть только этот отряд «Хойнице» по своей силе уже был равен бригаде (полк плюс три батальона плюс два подразделения пограничников плюс артиллерийский диви-

сион и приданные подразделения). Но этот отряд НО, в свою очередь, входил в бригаду НО, в которую, надо полагать, входили еще один или несколько таких же отрядов. Причем это не какие-то партизаны, бригаду возглавлял кадровый полковник, а входили в нее, в том числе, и кадровые части. Сколько же было этих соединений НО, как-то не учитываемых польскими и советскими историками при сравнении польских и немецких сил? Если два батальона НО, как мы видим, входили в отряд, а в бригаде НО было два-три таких отряда, а в Польше было сформировано 80 батальонов НО, то с мобилизацией было сформировано до 20 таких бригад.

Куда подевались генералы?

Теперь займемся польскими генералами.

Возьмем польские данные из представленного списка: в польских Вооруженных силах накануне войны было 7 армий, одна оперативная группа, 39 дивизий пехоты, 11 кавалерийских, 3 горные бригады и 2 моторизованные бронебригады. Если всеми этими объединениями и соединениями командовали генералы, то их нужно было бы 63 человека. Ну, еще сам Рыдз-Смиглы, генералы генштаба, разные инспекторы, обозначающие службу в Варшаве, – человек 10 добавочно. То есть Польше для укомплектования указанных генеральских должностей хватило бы человек 80 генералов. А их было, по советским данным, ровно 100, а по польским – 98.

Вот теперь давайте подсчитаем генералов в представленном выше списке. 33 дивизиями пехоты на 1 сентября 1939 года командовали 12 генералов и 21 полковник, 13 кавалерийскими бригадами командовали 6 генералов и 7 полковников, 3 горными бригадами – три полковника. 7 армиями и 3 оперативными группами командовали генералы. Итого 28 генералов из 100. На самом деле дивизиями и бригадами, внесенными польскими историками в этот список, командовало еще меньше генералов. Скажем, в списке командиром Поморской кавалерийской бригады указан генерал бригады Гжмот-Скотницкий, а я ведь выше цитировал: *«Поморская кавалерийская бригада (командир до 25 августа 1939 г. – генерал бригады С. Гжмот-Скотницкий, затем полковник А. Закжевский)»*.

Так где были остальные генералы? На пенсию ушли в связи с началом войны? Нет, конечно, просто они командовали теми бригадами, дивизиями и объединениями, которые польские и советские историки «забыли» внести в список Вооруженных сил Польши. Скажем: *«Там же он отделился от своей бригады и вошел в отряд «Хойнице», подчинявшийся штабу группы прикрытия «Черск» генерала бригады Станислава Гжмот-Скотницкого (последняя была создана 25 августа в составе армии «Поможе» генерала дивизии Владислава Бортновского, занимавшей «Данцигский коридор»)»*. То есть генерал Гжмот-Скотницкий с 25 августа уже командовал оперативной группой «Черск», которую историки тоже «забыли» внести в состав армии «Поморье» или выделить отдельно.

Несложный расчет.

Раз польские историки не хотят сообщать нам реальную численность польской армии накануне Второй мировой войны, давайте оценим количество соединений польской армии следующим образом. По данным Малой советской энциклопедии, в 1938 году в польской армии было 30 пехотных, одна кавалерийская дивизия и 12 кавалерийских бригад (итого 43 соединения), и всеми ими командовали генералы. А перед войной 49 кадровыми дивизиями и бригадами из списка командовали всего 18 генералов. Составим пропорцию и решим ее. Получим, что в польской армии после мобилизации было 117 соединений типа дивизии и бригады. Соотношение между дивизиями и бригадами в списке как 33 к 16, следовательно, можно считать, что из этих 117 соединений 79 было дивизиями, а 38 – это бригады. Поскольку бригада равна двум третям дивизии, то в пересчете бригад на дивизии численность польской армии можно оценить в 104 дивизии.

Согласно сделанным нами ранее подсчетам, немцы провели войну в Польше силами 53 дивизий, численность в 1,6 миллиона человек, то есть задачи одной дивизии разрешали в среднем 30 тысяч человек. Численность личного состава польских пехотных дивизий была равна немецким, если мы эти 30 тысяч в расчете на дивизию положим в основу расчета численности польских войск в германо-польской войне, то получим их численность около 3,1 миллиона человек.

Вот откуда взялись 3,5 миллиона в сообщении Арцышевского, вот отсюда один миллион пленных поляков, направленных работать в сельском хозяйстве Германии, вот откуда такая вера Англии и Франции в возможности Польши без СССР справиться с немцами.

Кто недоволен моей методикой подсчета, может подсчитать сам, только не надо «этого не может быть потому, что не может быть никогда» и «польские историки самые честные историки в мире».

Передовые военные идеи

Чтобы понять, что произошло с польской армией, надо вернуться к концу лета 1920 года. В этом году поляки, воспользовавшись тем, что Советская Россия была обессилена идущей Гражданской войной, напали на нее и заняли огромные территории Украины и Белоруссии. К концу лета большевики предприняли попытки отбить у Польши захваченные территории, для чего против Польши были направлены два советских фронта: Западный (командующий М. Тухачевский, члены Революционного военного совета И. Уншлихт, И. Смигла, Ф. Дзержинский), в составе 4 общевойсковых армий, Мозырской армейской группы и кавалерийских соединений, и Юго-Западный (командующий А. Егоров, член Революционного военного совета И. Сталин), в составе двух общевойсковых армий и 1-й конной армии С. Буденного. Первоначально Юго-Западный фронт должен был действовать в поддержку Западного и наступать на Брест – на северо-запад, но ввиду огромной численности войск у Тухачевского фронту поменяли задачу, определив направление главного удара на Львов – на юго-запад.

И здесь Буденный применил тактику и оперативные приемы, которые стали полной неожиданностью для командующего польскими войсками Ю. Пилсудского и его генералов. Первая Конная, насыщенная не только кавалеристами, но и максимально возможным для того времени количеством подвижной артиллерии, массой подвижных пулеметов на тачанках и даже некоторым количеством броневых автомобилей, стала ударной силой Юго-Западного фронта, однако важно понять, как она действовала. Она не атаковала поляков, изготавившихся ее встречать, – не прорывала фронт так, как это понимали на тот момент все генералы мира. Благодаря высокой маневренности Буденный быстро перемещал войска в то место фронта, где поляки были слабы, там его небольшие бронесилы и пулеметные тачанки сплошным огнем прижимали поляков к земле, не давая им стрелять, а затем в сабельную атаку шла кавалерия, уничтожая противника и сама неся очень небольшие потери. А дальше 1-я Конная врывается в тылы поляков, громя их там, где они не ожидали и были слабы, а за нею быстро шла пехота 1-й Конной и общевойсковых армий, закрепляя за собою захваченные территории. Положение на южном фланге было столь катастрофичным для поляков, что Пилсудский начал осуществлять здесь командование лично, стягивая сюда все свободные военные силы Польши. Тем не менее разгромить Первую Конную армию он не смог и в своих мемуарах назвал ее «легендарной силой».

Вот это надо понять и запомнить, что именно во время Советско-польской войны 1920 года военные практики поняли значение подвижных войск. Не кавалерии как таковой, а подвижной общевойсковой армии со всеми видами войск, но пока еще на конной тяге. Значение таких войск – их возможность быстро перемещаться к слабым участкам фронта противника – поняли и поляки, и немцы. В результате ко Второй мировой войне и поляки, и немцы создали аналоги Первой Конной. У поляков это были кавалерийские бригады, имевшие танковый батальон. У немцев это были танковые дивизии, которые в итоге стали иметь танковый батальон или полк и два полка пехоты на бронетранспортерах. Причем эта пехота танковых дивизий действовала аналогично кавалерии – если противник был не готов ее встречать, то она атаковала на колесах, если противник изготавливался к бою, то мотопехота спешивалась и вела бой как обычная пехота.

Еще подчеркну – не танки являются силой! Сами по себе танки очень уязвимы и не более чем «братская могила на четверых». Только собранные в подвижный кулак, все рода войск являются силой. И именно такой была 1-я Конная армия, и именно такой была немецкая танковая дивизия и польская кавалерийская бригада.

Шляхта

Еще один важный момент требует возврата к Советско-польской войне 1920 года. Пока Егоров, Сталин и Буденный (двое русских и грузин) били войска Пилсудского на юге Польши, на севере Тухачевский, Уншлихт, Смигла и Дзержинский (четыре поляка) уперлись своими многочисленными войсками в польский фронт, расположившийся на оставшихся с Первой мировой войны укреплениях, шедших от Полесских болот до литовской границы. И Тухачевский гонял на эти польские укрепления пехоту своих армий в бесплодных атаках до тех пор, пока 3-й конный корпус Западного фронта Красной Армии под командованием Г. Гая не обошел польские укрепления по литовской территории и не ударил полякам в тыл. И тут началось то, что повторилось в войне 1939 года. Шляхта запаниковала, бросила укрепления и начала удирать в Варшаву. Это и есть тот очень важный момент, о котором я хотел сказать, но я вынужден продолжить.

Между прочим, Пилсудский тех, кто был правителями Польши в 1939-м и в последующих годах, уже в 1924 г. описывает как откровенных трусов. Он пишет, что затратил огромные силы, планируя операцию против Буденного в расчете на заверения генерала Сикорского, что тот удержит Брест 10 дней, но Сикорский удрал из Бреста уже на следующий день после того, как дал обещание. Маршалу в 1939 г., а тогда еще генералу Рыдз-Смиглы Пилсудский дал приказ нанести *«удар по главным силам Буденного около Житомира»*. Однако трусливый Рыдз-Смиглы *«отвел свои войска в северо-западном направлении... как бы старательно избегая возможности столкновения с конницей Буденного»*. Ладно.

Пилсудский, так и сяк приостановив продвижение Буденного, бросился в Варшаву. Там уже была полная паника – польские дивизии перемешались, высокопоставленная шляхта удирали из Варшавы в Краков, правительство подготовило делегацию для поездки в Москву просить мира. Пилсудский полагал, что Тухачевский умный человек и, преследуя бегущих поляков, ведет свой фронт к Варшаве. Поэтому Пилсудский повернул под Варшаву одну дивизию, отправляемую им на юг против Буденного, из удирающих в Варшаву польских войск остановил кого смог и решил нанести удар во фланг слабой Мозырской группе Западного фронта. Эта группа находилась на левом фланге войск Тухачевского, и Пилсудский ударил по ней, чтобы хоть как-то задержать наступление Красной Армии и дать возможность привести в порядок войска в Варшаве.

Пилсудский даже не подозревал, что «выдающийся полководец» Тухачевский перед Варшавой расплыл силы, направив армии в расходящихся направлениях, в основном на северо-запад, как бы в обход Варшавы. Таким образом, паникующие, но целые войска поляков в Варшаве, не подозревая об этом, оказались в тылу Западного фронта Красной Армии, который выполнял задачу Тухачевского обходить Варшаву с севера. И удар Пилсудского вызвал не просто поражение Мозырской группы, он привел к выводу оправившихся польских дивизий из Варшавы прямо в тылы армий Западного фронта и к практически полному разгрому войск Тухачевского. Не имея локтевой связи, армии Западного фронта не сумели самостоятельно помочь себе, ничего не сделал для этого и Тухачевский, поскольку сидел в Минске (спасибо, что не в Москве) и даже о полном разгроме вверенных ему войск узнал только через сутки. Поляки называют эту битву «чудом на Висле», а Пилсудский деликатно назвал ее «комедией ошибок».

Занятые разгромом Врангеля, большевики не сумели собрать новые силы и вынуждены были пойти на мир с Польшей, оставив под ее властью часть украинцев и белорусов.

Но вернемся к моменту, который никто не учел, – как мало надо шляхте, чтобы от наглого, надменного гонора перейти к безмозглой панике. Ведь как только началась Вторая мировая, поляки начали вырезать на своей территории мирное немецкое население – своих сограж-

дан, следовательно, были уверены в безнаказанности. Но прошла пара дней, и они уже сломя голову удирают от немцев – 8 сентября представитель французской армии сообщил в Берлин, что польской армии как организованной силы уже не существует.

Давайте об этом подробнее.

Немного о мемуарах

Прочел вышедшую в 2011 году под названием «Гнуснейшие из гнусных» книгу адъютанта польского генерала Владислава Андерса Ежи Климковского, которая в авторском издании имела название «Я был адъютантом генерала Андерса».

Название этой книге дал, скорее всего, ее редактор А. Дюков, и с ним трудно не согласиться: *«Описывая расчленение Чехословакии осенью 1938 года, Уинстон Черчилль дал весьма емкое определение руководства предвоенной Польши. «Героические черты характера польского народа, – писал Черчилль, – не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания... Нужно считать тайной и трагедией европейской истории, что народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, доблестны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных! И все же всегда существовало две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости».*

Поручик Польской армии Ежи Климковский, воспоминания которого вы держите в руках, без сомнения, подписался бы под этими горькими и справедливыми словами».

Все правильно, кроме последних строк, и в книге прекрасно показано, что на практике означает эта характеристика Черчилля полякам.

Автор книги, Климковский, безусловно, был очень информирован: *«Судьба свела Климковского практически со всеми крупными фигурами в польском руководстве периода Второй мировой войны. Несмотря на невысокое звание, он встречался с премьер-министром польского правительства в эмиграции и верховным главнокомандующим генералом Сикорским, с командующим подпольной армией на территории оккупированной Польши генералом Соснковским, польским послом в СССР профессором Котом и многими другими людьми, определившими политику разгромленного и еще не возрожденного польского государства. Но лучшие всех Климковский знал командующего польской армией в СССР генерала Андерса, адъютантом которого он был назначен летом 1941 года. Именно тогда Климковский стал человеком, через руки которого проходила секретная переписка, который мог с минимального расстояния наблюдать за делами польских генералов, дипломатов и политиков».* Это так. Мало этого, в книге во множестве цитируются документы, которые явно были совершенно секретными на момент их создания, то есть Климковский в ходе своей службы еще зачем-то делал копии проходившей через его руки секретной переписки, что явно было противозаконно в любом государстве. А это наводит на вопрос – а зачем Климковский это делал, для кого?

Поэтому даже вне зависимости от того, что Климковский, в конце концов, стал заклятым врагом Андерса и к моменту написания книги (1945–1947 годы) уже отсидел в тюрьме по приказу Андерса, я не соглашусь с Дюковым в отношении самого Е. Климковского: *«Поручик Климковский был из другого теста. Родина не была для него пустым звуком, и он готов был сражаться и умирать за возрождение польской государственности. Таких, как он, было много».* Таких действительно было много, но в искренность самого Климковского нет никаких оснований верить – он тоже выдает себя далеко не за того, кем был на самом деле, по моему мнению, он был таким же «гнуснейшим из гнусных». И об этом я и хочу написать.

Напомню, что безусловно верить автору мемуаров можно в случае:

- если событие освещает самого автора в невыгодном свете;
- если противоречит его концепции, проводимой в мемуарах.

И можно просто поверить, если для автора безразлично описанное им событие.

В остальных случаях нужно относиться скептически к информации, сообщаемой автором, и верить только тогда, когда этим событиям есть и другие подтверждения. Так нужно поступать и с книгой «патриота Польши» Ежи Климковского. А она нам потребуется и для описания обычаев этих «гнуснейших из гнусных», и для понимания того, как ими осуществлялась защита Польши в 1939 году. Начнем с последнего.

Оборона Польши глазами участника

Климковский ни на мгновение не считал дерьмом польскую армию, в которой он был поручиком, адъютантом командира кавалерийской бригады и ее квартирмейстером, никаких коммунистических или просоветских убеждений у него и следа нет, поэтому можно с полным доверием отнестись к его описанию Германо-польской войны 1939 года. Я это описание дам с сокращением подробностей – «крупными мазками», поскольку оно хорошо показывает, почему Гитлер войну с Польшей считал маневрами. Для удобства чтения большой цитаты я не даю ее курсивом, а примечательные места выделены мною:

«31 августа я поехал дрезиной в Жулкев.

Здесь господствовал достойный похвалы порядок. 6-й кавалерийский полк, которым командовал кадровый подполковник Стефан Моссор, был полностью готов к отправке, а большая часть его уже даже успела отбыть к месту сосредоточения под Серадз. Всюду чувствовалась воля и разум командира.

...До 1 сентября весь необходимый подвижной состав был подан к месту погрузки частей, и эшелоны проследовали к месту назначения. Я сам в ночь с 1 на 2 сентября с последним эшелоном покинул Львов. В дальнейшем, следуя вместе с дивизионом конной артиллерии, погрузившимся в Бродах, мне предстояло присоединиться к штабу бригады под Серадзем.

...К месту назначения доехали благополучно, без особых приключений, но с большим опозданием. Поезд тащился страшно медленно. Узловые станции были перегружены, забиты железнодорожными составами и войсками. Поезда шли один за другим, а поскольку пути кое-где были повреждены, то и дело возникали заторы. Но и в этих условиях наши железнодорожники – надо отдать им должное – работали удивительно четко и прилагали все усилия к тому, чтобы как можно быстрее пропускать эшелоны.

Дольше всего нам пришлось стоять в Люблине, Варшаве и Лодзи. В район сосредоточения прибыли 3 сентября, но не утром, как планировалось, а лишь около шести часов вечера.

...Я выгрузил свой мотоцикл и доехал наконец до городка Шадек, где в здании начальной школы расположился штаб бригады. Настроение у всех было подавленное, граничившее чуть ли не с паникой. Генерала Пшевлоцкого я не застал – его в первый же день войны отозвали для формирования какой-то группы войск, которой, между прочим, он так никогда и не сформировал. Как я узнал позже, мой генерал, имея на руках письменный приказ о формировании группы, 17 сентября – в погоне за этой именно «группой» – перешел румынскую границу, попутно прихватив в Бродах своих детей.

Командир бригады полковник Ханка-Кулеша после двух дней мужественного и преисполненного воинской доблести командования был снят с должности командующим армией «Лодзь» генералом Руммелем (которому бригада подчинялась) за сдачу немцам мостов на Барте под Серадзем.

Я застал его в тот момент, когда он, вконец сломленный непостижимым ходом событий, одиноко сидел в углу комнаты: беспомощный, непохожий на себя, не знающий, что делать и как распорядиться самим собою. Так после трех дней даже не особенно тяжелых боев выглядел человек, который «собственной грудью должен был прикрывать Польшу». Исчезла его обычная спесь и самоуверенность, и сейчас передо мною был ребенок, который сам не знает, чего хочет. Все старые почитатели его бросили, так как он теперь никому уже не был нужен. ...А в это время в подразделениях его бригады суетился новый командир – полковник Ежи Гробицкий.

Сдача немцам мостов на Барте под Серадзем произошла потому, что бригада попросту их плохо укрепила и не удержала отведенного ей для обороны участка. Кроме того, я узнал, что мы отступаем по всему фронту. Немцы нас бьют, и бригада откатывается назад.

Трудно было определить, где находились части бригады. **Никто не мог сказать этого наверняка.** ...Где-то на правом фланге оборонялась 10-я пехотная дивизия. Но связь с нею была потеряна, так что вообще было неизвестно, где она в настоящее время находится. Поэтому полковник Гробицкий приказал мне немедленно отправиться в 10-ю пехотную дивизию, отыскать ее командира, доложить о положении бригады, а также сообщить, что наша бригада сосредоточивается в районе Шадека.

...Время от времени навстречу нам попадались какие-то армейские части, которые или стояли на месте, или двигались в обратном нашему направлении. Это были малочисленные подразделения разыскиваемой мною 10-й дивизии. Но где находились штаб и командование дивизии, никто сказать не мог. ...И действительно, через несколько минут нас на каком-то перекрестке задержала одна из пехотных рот 10-й дивизии. Командир роты объяснил, что командир дивизии находится в нескольких километрах, в одной из соседних деревень – на фольварке.

...Это была довольно большая усадьба, целиком погруженная в темноту. Никаких караулов, никаких постов. Такое пренебрежение опасностью меня поразило. В сених горела маленькая лампа, на полу лежали несколько солдат, вероятно, связные, которые на вопрос, здесь ли командование дивизии, ответили утвердительно и указали на закрытую комнату. Я постучал и, не дожидаясь разрешения, отворил дверь. В комнате царил страшный беспорядок. Несколько офицеров спали на полу, другие – на каких-то диванах. Стол освещала такая же, как в сених, керосиновая лампочка. За столом над оперативными картами склонились несколько офицеров, среди них один в чине генерала. Это был бригадный генерал Диндорф-Анкович, командир 10-й пехотной дивизии. ...Я представился генералу. На какой-то момент он оживился, обрадовался установлению связи с бригадой. Было видно, что это один из тех командиров, которые хотели сражаться и умели командовать, но все несчастье заключалось в том, что командовать было нечем. Дивизия, командиром которой был Диндорф-Анкович, в течение трех дней вела непрерывные бои с численно превосходившим противником, и последние ее резервы иссякли. Оборонялась остатками сил, и никто ее не сменял. ...Командир дивизии еще точно не представлял, что будет делать дальше. Он получил от командования армии приказ продолжать оборону, но не имел возможностей для его выполнения. **Не был осведомлен о положении собственной дивизии, так как не имел точных данных, где находятся его части и в каком они состоянии.** Не был осведомлен о продвижении противника, знал лишь, что силы немцев огромны и они нападают со всех сторон. ...Наконец, после долгого размышления, он сказал, что с рассветом начнет отступление по направлению к Шадеку, то есть туда, где находилось командование моей бригады. Просил, чтобы бригада поддерживала с ним связь.

...В восемь часов утра мы прибыли в новую штаб-квартиру, расположенную в небольшом лесочке в какой-то незнакомой местности, и только отсюда начались поиски подразделений бригады, **о местонахождении которых до сих пор никто ничего не знал.** Единственной частью, с которой поддерживалась связь, был 6-й кавалерийский полк. Да и здесь, впрочем, связь сохранилась не по воле командования бригады, а благодаря усилиям командира полка подполковника Моссора, который сам об этом побеспокоился и прислал в бригаду своего офицера связи.

4 сентября около одиннадцати часов меня направили в Лодзь, в штаб армии генерала Руммеля за инструкциями, ибо связь с армией отсутствовала. Уже в течение нескольких дней мы не получали никаких приказов и не знали, что делать дальше.

...В этих условиях полное молчание вышестоящего начальства приводило в состояние не только недоумения, но прямо-таки негодования. **За четыре дня ни одного приказа от верховного командования и ни одного приказа от командующего армией!**

Дорога, ведущая в Лодзь, была забита всеми видами шоссейного транспорта, военного и гражданского, машинами и повозками, переполненными домашним скарбом. ...Кроме того,

на шоссе было полно солдат-одиночек и небольших групп людей непонятной принадлежности – не то военных, не то гражданских, еще не мобилизованных, но приписанных, которые спешили догнать свои части. Эти последние были, как и солдаты, вооружены винтовками. Все они, собственно говоря, блуждали. Отстали от своих подразделений и теперь не знали, куда идти и что делать. Не было никого, кто бы мог дать им какое-то указание. Они чувствовали, что являются лишь обузой для этого странного командования, которое не нуждалось в солдате, рвущемся в бой.

...В штабе очень трудно было сориентироваться, узнать, где что помещается и как кого найти. Можно было сколько угодно ходить по лабиринту залов, не рискуя быть кем-либо задержанным. Поэтому я довольно долго блуждал в поисках оперативного отдела. ...На стенах – множество карт с прикрепленными флажками, которые должны были отмечать движение и концентрацию войск, как своих, так и неприятельских. На столе лежали кальки, красиво раскрашенные в голубой и красный цвета, со стройно расставленными черточками, кружками и другими знаками. Это создавало видимость образцового порядка.

...Обмен мнениями о положении на фронте был прерван воздушной тревогой. Страх, охвативший майора, был так велик, что поистине поверг меня в недоумение.

Я вышел из комнаты. Ни одной живой души. Все куда-то исчезли, оставив на столах приказы, донесения, инструкции и шифры. Оставили все то, что должно было, как материал совершенно секретный, находиться под замком. Через разбитые окна врвался ветер и спокойно гулял по помещению, разбрасывая бумаги по углам.

...Когда налет закончился, я снова пошел искать начальство. Блуждая по коридорам, наткнулся на полковника Прагловского, начальника штаба армии «Лодзь». Он спокойно выслушал меня, а затем предложил вернуться в бригаду, заверив, что необходимые приказы и распоряжения будут высланы, как только армия получит инструкции от главного командования.

Возвращаясь, я не мог не заметить, что обстановка на дорогах стала еще хуже, чем утром. ...Штаб бригады, куда мне удалось вернуться до наступления сумерек, я застал уже на новом месте. Бригада продолжала отступать. На этот раз уже без всякого соприкосновения с противником, а лишь в результате сложившейся общей обстановки, в частности, отхода 10-й дивизии. Наконец-то отыскались все полки бригады. Они получили приказ отойти на новые рубежи – в район, находившийся в тридцати километрах дальше на восток, где должны были ждать новых распоряжений.

К сожалению, приказы из армии так и не поступили. Собственно, и фронта уже не было. Все откатывалось назад. Отступали и мы. Никто не мог дать себе отчета в том, что, собственно говоря, происходит. Никакие известия до нас не доходили. **Связь с армией по-прежнему отсутствовала.**

6 сентября вблизи Бжезин под Лодзью вдруг пронесся слух, будто немцы окружают нас и их передовые части уже совсем близко. Сразу же началась паника и, как следствие, разноречивой в отдаче приказов. Полковник Гробицкий вызвал к себе подполковника Моссора, который со своим полком всегда находился у него под рукой, и отдал ему следующий приказ:

– Господин подполковник, бригада будет продвигаться в направлении Варшавы (карт не было). Вам же надлежит остаться со своим полком у этого пересечения дорог с целью задержать наступающего противника. Вы должны продержаться здесь до вечера (было 10 часов утра), даже если вам самим вместе со всем полком придется погибнуть, иначе бригаду не спасти.

Подполковник Моссор в ответ лишь одобрительно кивал головой, как бы говоря: «Ну что ж, тяжело, но приказ есть приказ». Он действительно остановился со своим полком, **и с тех пор об этом полку мы ничего не знали** до конца войны. Ходил слух, что отважный командир довел свой полк до Варшавы и даже принимал участие в обороне столицы.

...Бригада начала отходить, ускоренным маршем двигаясь к Варшаве. **Приказы выше до нас так и не доходили.** А ждали их с нетерпением как в армии, так и в бригаде, ждали, не

проявляя при этом никакой собственной инициативы, никакой предприимчивости, ни малейшего действия, продиктованного требованием обстановки. Царила полная апатия.

Между тем возможностей драться и уничтожать врага было немало. Хорошо помню, как мы проходили через Кампиносскую пушу. Буквально тысячи хорошо вооруженных солдат совершенно бесцельно бродили по ее зарослям. ...Об этом я говорил командиру 22-го уланского полка подполковнику Плонке, с которым несколько часов мы ехали рядом на лошадях как раз через леса и перелески Кампиносской пуши. Увы, на него мои слова не произвели никакого впечатления. В ответ он лишь твердил: «У нас нет приказа, мы должны спешить в Варшаву, а кроме того, мы не можем допустить, чтобы нас опередили и окружили».

Не дать себя опередить, окружить – это была какая-то мания, какой-то психоз, парализовавший умы и души наших командиров и заслонивший собою все остальное на свете.

Словом, происходило соревнование с немецкими бронетанковыми частями, кто скорее достигнет Варшавы – они или мы. **Никто не думал о том, чтобы задержать врага хотя бы на несколько часов, если не на несколько дней или дольше.**

В Варшаву, как можно скорее в Варшаву!

8 сентября мы через Модлин прибыли в Отвоцк. Штаб бригады разместился в пансионате посреди замечательного соснового парка. Здесь бригада, наконец, получила долгожданный приказ, в соответствии с которым она придавалась группе генерала Андерса.

А между тем состояние бригады было плачевным. Фактически она перестала существовать и числилась лишь на бумаге да в воспоминаниях. 1 сентября она вступила в бой в составе четырех кавалерийских полков, дивизиона конной артиллерии (четыре батареи), бронетанковой роты, зенитной батареи, разведывательного эскадрона и эскадрона связи. Это была крупная, хорошо вооруженная и оснащенная боевая единица.

Но уже после двух дней не очень тяжелых боев и после нескольких дней марша без сражений и даже без соприкосновения с противником от нашего замечательного боевого соединения в результате неумелых действий его командира почти ничего не осталось. Бригада буквально развалилась и рассыпалась. Я особо подчеркиваю при этом – **без каких-либо боев с немцами!** Даже самолеты нам не очень-то досаждали. Только один раз – около Скерневиц – мы стали объектом небольшого налета, причем мы не понесли никаких потерь.

В Отвоцке всю бригаду представляли восемь офицеров командования (в том числе командир бригады полковник Гробицкий, поручик Зигмунт Янке, ротмистр Скорупка и я в качестве квартирмейстера), несколько офицеров запаса и небольшое число унтер-офицеров. Из средств передвижения уцелели два легковых автомобиля и несколько десятков лошадей.

От 20-го уланского полка остался только один взвод в составе тридцати конников. Остальные потерялись где-то в пути. 6-го кавалерийского полка вообще не существовало – он остался на месте, получив задачу прикрывать наш отход. Из состава 22-го полка уцелел неполный эскадрон. 1-й кавалерийский полк КОП вообще невозможно было разыскать, от дивизиона конной артиллерии, от бронемашин и зенитной батареи не осталось и следа. То же самое произошло с эскадронами связи и разведывательным, которые пропали неизвестно куда и когда.

...«Оперативная группа» Андерса, перед которой была поставлена задача оборонять Вислу южнее Варшавы, собственно говоря, никогда до конца так и не была сформирована. Группа фактически состояла из Барановической кавалерийской бригады, командиром которой являлся Андерс, Волынской кавалерийской бригады (командир – полковник Филипович), а также несуществующей Кресовой бригады полковника Гробицкого. Штаб оперативной группы во главе с Андерсом находился под Вязновной.

12-го утром наша бригада получила приказ прикрывать тыл группы Андерса, которая должна была нанести удар по Миньску-Мазовецки и одновременно оборонять Вислу под Отвоцком. Но те, кто отдавал приказ, упустили из виду одну деталь, – забыли, что бригады практически не существует.

Выполнение приказа выглядело так: все, что было способно двигаться, было сведено в походную колонну, которой с небольшим интервалом надлежало следовать по шоссе за частями, имевшими задачу осуществить удар по Миньску-Мазовецки. Около 22 часов того же дня мы тронулись все вместе, единой и единственной колонной в составе двух легковых автомобилей, одного военного вездехода, одной грузовой автомашины и около ста всадников. Чуть поодаль за нами следовали тридцать конных повозок бригады. Общее направление движения – за группой генерала Андерса.

Вылазка в направлении Миньска-Мазовецки полностью провалилась.

Мы вынуждены были отступать на Люблин. Хаос на дорогах царил невероятный. Наступившая ночь еще больше затрудняла какое бы то ни было передвижение. Колонны походили на сплетенные тела огромных ужей, конвульсивно вздрагивающих в безуспешных попытках сдвинуться в какую-либо сторону. Транспортные средства забили не только шоссе, но и обочины. Путь отступления был отмечен опрокинутыми машинами, перевернутыми телегами, изломанными колесами. Колонны шли в разных направлениях, и никто не знал, куда и зачем. Часто было неизвестно, где конец одной, а где начало другой. **Командиров нигде не было видно, компактных войсковых частей** – тоже. Только обозы и обозы, машины и повозки всевозможных видов и назначения. Бесконечный поток, которому, казалось, нет конца. О какой-либо организованности движения не могло быть и речи. Приказы по-прежнему не приходили.

В такой обстановке я потерял остатки группы и с трудом, часто сворачивая в поле, добрался наконец до Гарволина, который превратился в сплошное море огня. ...Проехал в казармы за городом. Застал там нескольких офицеров и два-три десятка солдат. От них узнал, что всем надлежит следовать на Люблин, так как там должна быть сформирована новая ударная армия генерала Домб-Бернацкого.

О группе генерала Андерса никто ничего не слышал. Кое-кто утверждал, что кавалерия получила приказ отступить на Парчев.

...Утром в казармах от каких-то офицеров узнал, что Люблин должен быть эвакуирован и все войска покинут город, а гражданские и военные власти это уже сделали.

Было 14 сентября 1939 года.

Об ударной группе Домб-Бернацкого, которая должна была формироваться в Люблине, никто ничего не знал, а самого генерала в Люблине не было.

Массы солдат блуждали без командиров, не зная, что делать. В качестве ближайшего ориентировочного направления почти все, с кем мне приходилось разговаривать, называли Хелм-Влодаву. И сколько я ни спрашивал о кавалерии и о группе Андерса, слышал один и тот же ответ: «Держи курс на Влодаву». Мне не оставалось ничего иного, как направиться в эту самую Влодаву, новую Мекку, куда сейчас устремлялось все и вся.

Положение на дорогах было такое же, как под Лодзью, Варшавой или Люблином. Толпы беженцев, массы беспорядочно бредущих солдат – отличнейшая цель для «дорнье» и «мессершмиттов», которые безнаказанно сеяли вокруг смерть и опустошение, а прежде всего панику и неразбериху.

До Влодавы добрался к четырем часам дня 15 сентября.

Военных здесь было как муравьев, а хаос и беспорядок царили еще больше, чем в каком-либо другом месте. **Никто не командовал, не отдавал приказов, не знал обстановки. Никто не имел никакого представления о том, что делать дальше, а главное – и это было самым тяжким – никто не старался овладеть положением на месте.** Единственное, что мне удалось узнать: группа генерала Андерса находится в ближайших лесах, а Восточная бригада, которой командовал полковник Гробицкий, совсем рядом, в какой-то деревне. Мне даже сообщили предполагаемое название местности.

Такие сведения удавалось получать от знакомых и случайно встречавшихся офицеров, которые, разыскивая свои части, попутно узнавали о других и таким образом приблизительно ориентировались, кто где находится.

Осмотревшись в городе, я решил, чтобы не возвращаться в бригаду с пустыми руками, собрать какое-то количество солдат. Мне ведь было известно, что бригада фактически рассыпалась, а тут солдат всюду полно. С этой целью я вернулся в район Хелма и у люблинского шоссе начал задерживать небольшие группки и отдельных уланов, отбившихся от своих подразделений. Через несколько часов набрал уже около сотни человек. Разделил их на взводы, приказал приготовить обед в случайно приобретенной полевой кухне, расседлать и покормить лошадей. Видя организованную часть, к нам все больше стало приставать солдат. Стоило предложить какому-нибудь «бродяге» присоединиться к нам, и он с радостью соглашался.

Так я обзавелся двумя небольшими противотанковыми орудиями, двумя крупнокалиберными пулеметами и походной кухней.

Совсем немного времени понадобилось мне, чтобы сколотить подразделение, состоявшее из ста двадцати конных уланов, восьмидесяти самокатчиков и нескольких пулеметных и артиллерийских расчетов.

На рассвете следующего дня я во главе своего нового подразделения отправился в путь с твердым намерением разыскать группу Андерса и бригаду. В одной из деревень, через которую мы проезжали, я наткнулся на Гробицкого.

Полковник вместе с поручиком Янке сидел в саду у одного из домишек. Увидев меня, он очень обрадовался, выбежал на дорогу, приветствуя издали и крича; он думал, что немцы взяли меня под Гарволином в плен. ...Как оказалось, бригада в тот момент состояла из трех офицеров: полковника Гробицкого, ротмистра Скорупки и поручика Янке, нескольких уланов, одной автомашины и пяти повозок. Следовательно, приведенный мною отряд являл собою в тех условиях небывалую силу, поистине недостижимую мечту командира бригады.

В тот же день я представлялся в штабе генерала Андерса, где от моих добрых друзей ротмистра Кучинского и поручика Кедача узнал много неприятных вещей. Они сообщили мне, что как будто есть приказ о движении к румынской или к венгерской границе и даже о переходе через нее, что правительство и Верховный Главнокомандующий покинули Варшаву и никто не владеет обстановкой. Говорили, что Андерс совершенно потерял голову, не хочет сражаться, а старается сторонкой, избегая всякой возможности встречи с противником, как можно быстрее пробраться в Венгрию. Говорили о том, что единственным человеком, который думает и работает за всех, является майор Адам Солтан, начальник штаба Андерса, и что если бы не он, то от всей группы и следа не осталось бы.

Проходили дни. Наша группировка продвигалась к югу. Примерно 21 сентября мы оказались в Грабовских лесах около Замосця. Шли проселочными, глухими дорогами. Никто на нас не нападал. Противника не было видно, даже немецкие летчики оставили нас в покое.

Андерс приказал бросить весь обоз, все, что могло затруднить движение наших частей, даже походные кухни и повозки с боеприпасами. Солдат должен был взять с собой только то, что может унести на себе или увезти на своей лошади. Таким способом предполагалось укоротить отступающие колонны и облегчить переход через границу.

...Таково было состояние нашего духа и нашей организации, когда 22 или 23 сентября под Замосщем нам преградили дорогу немцы. Части Андерса вынуждены были с боем пробиваться на Красныбруд.

Генерал вызвал меня и приказал продвигаться в нескольких километрах за ним, прикрывая его главные силы с тыла. Задача неясная, карт нет, и никаких больше уточнений к приказу.

...Я собрал солдат, разделил их на отделения и стал ждать, пока двинутся главные силы. Мы находились в лесу, который обстреливала немецкая артиллерия. Снаряды с глухим шумом

падали в густые заросли, внося замешательство. Разрывались, ударяясь о деревья, но нам особого вреда не причиняли.

...Под вечер стрельба утихла, а ночью установилась полная тишина. Догнать своих я не мог. Всякая связь с ними прекратилась. Стало попадаться много всадников, едущих нам навстречу. От них я узнал, что группа перестала существовать, рассеявшись под Красныбродом. Андерс хотел издать приказ о том, чтобы каждый солдат по своему усмотрению пробирался в Венгрию или Румынию, куда и он сам направлялся. Однако большинство людей в его частях предпочитали остаться в Польше. ...Мы были измучены и голодны. 29-го вечером уничтожили все свои орудия и пулеметы. Я разбил солдат на мелкие группки, чтобы они без потерь смогли вернуться к себе домой».

Здесь я прерву Климковского, чтобы дополнить его рассказ рассказом на ту же тему сержанта Вацлава Пыха.

«В 1939 г. после нападения гитлеровской Германии на Польшу я находился в авиационной части, направлявшейся к границам Румынии. Под Замостьем я отделился от части и, собрав около 50 человек, направился в Грубешов в направлении СССР.

В начале нашего пути мы встретили нашего командира майора Тарновского, который на вопрос, что нам делать и куда идти, ответил: «поцелуйте меня в ж... и проваливайте своей дорогой». После этого он также направился в сторону Румынии, оставив нас одних.

Мы перешли Буг при таком положении вещей: продовольствия не было, все офицеры убежали в направлении Залешик, и было необходимо следить за людьми, чтобы они не грабили гражданское население. Взяв на себя эту трудную задачу, я по дороге заходил в имения и там доставал продовольствие.

По дороге мы видели большие группы солдат без командиров, которые, будучи голодными, грабили местных жителей; проходили мимо усмиренных украинских поселений и часто попадавших пустых домов, из которых жители, опасаясь бродячих солдатских банд, бежали. Я слышал о нападениях украинцев на польских солдат, однако должен подчеркнуть, что на меня и мою группу не было нападений, благодаря, как предполагаю, дружественному отношению нашей группы к населению, которое мы встречали на своем пути.

Примерно 16.IX.1939 г. мы добрались до Ковеля; там я увидел, что воинские части распущены, оружие роздано гражданскому населению, а солдаты освобождены от присяги командиром местного гарнизона.

18. IX.1939 г., если я не ошибаюсь, ночью в 01.00 советские войска вступили на станцию Ковель. По соглашению, те, кто хотел, – отошли за Буг, а те, кто хотел остаться в СССР, были направлены несколькими колоннами на восток. Я со своей группой был направлен во Владимир, где мы, сдав оружие, были посажены в вагоны и отправлены на сборный пункт в Шепетовке».

А теперь Климковский закончит свой рассказ о виденных им событиях Германо-польской войны.

«Мы уже знали, что Красная Армия вступила на территорию Польши. До нас доходили слухи, что наши части ею разоружаются и распускаются по домам.

В ночь с 29 на 30 сентября, помолившись и еще раз прочитав текст присяги, мы сердечно распрощались. Момент был торжественный, но печальный и мучительный.

...После нескольких дней странствий, не раз подсаживаясь на крестьянскую телегу, а иногда на советскую грузовую автомашину, 4 октября я добрался до Львова.

...Здесь же я узнал, что наш президент, Игнаци Мосьцицкий, Верховный Главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы и все правительство вместе с генералитетом оставили страну на произвол судьбы, спасая свои драгоценные особы...

...Во Львове тогда находилось больше шести тыс. офицеров. Часть из них должна была перейти границу и влиться в Польскую армию во Франции, часть намеревалась остаться в Польше. Поэтому необходимо было установить постоянную и надежную связь с Парижем и получить деньги на проведение акций в Польше.

...Неоднократно навещая Андерса в одном из львовских госпиталей, я узнал, что он, пробираясь с несколькими офицерами к венгерской границе в последние дни сентября, во время ночной перестрелки был дважды ранен. Сообщил об этом факте советским властям, попросив оказать помощь, и в результате оказался в госпитале во Львове. Он сам утверждал, что ему в госпитале хорошо, а представители советских властей относятся к нему доброжелательно и даже предлагали вступить в Красную Армию».

А. Дюков добавляет к этому рассказу то, что Климковскому, вероятно, не очень хотелось уточнять: согласно показаниям Андерса на допросах в НКВД, Андерс, бросив вверенные ему войска и пытаясь удрать в Венгрию с несколькими офицерами, был ранен во время стычки с милицией из украинского населения развалившейся Польши, – тех украинцев, о которых упоминает Пых. Наверное, и поэтому, формируя в 1941–1942 годах в СССР польскую армию, Андерс приказал не принимать в нее евреев, украинцев и белорусов – бывших граждан Польши.

Вот так выглядела эта война глазами участника, повторю: *«Бригада буквально развалилась и рассыпалась...без каких-либо боев с немцами!»*

А историки рассуждают о том, что молниеносные войны обязаны танковым клиньям. Какие клинья?! Вот свидетель, совершенно не заинтересованный в дегероизации польской армии, сообщает, что его бригада к девятому дню войны полностью развалилась, вообще не видя немцев!

Солдаты как солдаты

Значит ли это, что польская армия была совершенно никчемной?

Ни в коем случае! Вы же видели, как ее в 1938 году оценивали в СССР: *«Боевая подготовка армии в техническом и тактическом отношении довольно тщательная»*. Большая численность польской армии, передовые военные идеи, достаточно современного оружия (поляки, к примеру, даже экспортировали истребители польской конструкции) и ... неплохой человеческий материал.

Выше я дал обширные цитаты из Стученко о том, как дрались советские кавалеристы. А вот польские.

1 сентября около 5 утра 18-й уланский полк встретил немцев упорной обороной в пешем строю на самой границе – в предполье. На 18-й уланский наступал 76-й мотопехотный полк немцев из 20-й мотопехотной дивизии. Маневрируя, уклоняясь от артиллерийского огня и сам нанося немцам урон, полк улан потерял 20 % состава эскадронов убитыми и ранеными, но дрался до 14.00. Между прочим, полк сбил немецкий самолет, разгромил колонну немецких броневинов. Отбивая атаку этих броневинов, командир противотанкового взвода подпоручик Чишельский лично подбил три броневинов и погиб на огневой позиции своего взвода. К 14.00 полк потерял убитыми и подпоручиков Дембского и Московского, то есть потери офицеров полка были почти 10 % только убитыми.

Однако после отхода улан выяснилось, что отступающей рядом польской пехоте немцы начали заходить в тыл, и полк получил приказ вернуться и нанести по немцам удар (имелось в виду в пешем строю). Но при подходе к рубежам, уже занятым немцами, головная застава 1-го дивизиона майора Малецкого *«...обнаружила батальон немецкой пехоты, бивакировавший в 300–400 м от лесной опушки. Майор Малецкий решил атаковать этого противника в конном строю, используя эффект внезапности. Он построил свой дивизион в два эшелона: впереди 1-й эскадрон (ротмистра Швеццака), развернутый в линию взводов, а за ним на дистанции 200 м 2-й эскадрон (ротмистра Ладоса), в таком же боевом порядке. Численность обоих эскадронов составляла тогда примерно 200 всадников»*.

По старинной команде «szable dlon» («сабли вон») уланы быстро и слаженно обнажили клинки, заблеставшие в красных лучах заходящего солнца. В тот момент, когда эскадроны лихо развернулись на опушке леса, на их фланге появился со своим штабом полковник Масталеж (командир 18-го уланского полка). Догнав дивизион Малецкого, полковой командир захотел лично принять участие в конной атаке. Повинуясь сигналу трубы, уланы стремительно понеслись на врага, ошеломленного столь неожиданным нападением. Немецкий батальон, не принявший должных мер предосторожности, был застигнут врасплох и в панике рассыпался по полю. Кавалеристы, настигая бегущих, беспощадно рубили их саблями. Однако этот триумф кавалерии продолжался недолго. Увлеченные своей блестящей атакой, поляки не заметили несколько бронеавтомобилей противника, укрытых в лесу. Выехав из-за деревьев, эти бронемашины открыли во фланг скачущим эскадронам частый пулеметный огонь. Спрятанная в зарослях немецкая пушка также начала обстреливать улан. Десятки коней и людей пали от вражеских пуль и снарядов... Адьютант полка ротмистр Годлевский, рухнув на землю вместе с убитой под ним лошадей, видел, как в нескольких метрах от него погиб полковник Масталеж. Полковой командир и его верный конь были сражены наповал одной и той же очередью.

Понесся большие потери, дивизион майора Малецкого отступил за ближайший лесистый гребень, где и укрылся от неприятельского огня. Кроме полковника Масталежа, были убиты два офицера (командир 1-го эскадрона ротмистр Швеццак и 2-й адъютант, подпоручик запаса Милецкий) и 23 улана. Поручик Антоний Унруг и около 50 улан были тяжело ранены. Только половина участвовавших в атаке всадников собрались в лесу возле шоссе Хойнице – Рытель.

Вскоре на месте сбора уцелевших улан появился генерал Гжмот-Скотницкий, прибывший на автомобиле вместе с несколькими офицерами... он подозвал майора Малецкого и командира 2-го эскадрона ротмистра Ладося и приказал им с остатками дивизиона спешно отходить в направлении Рытеля, забрав с собою раненых и боевое снаряжение».

Что не так? Полк после 9 часов боя с 20 % потерь снова возвращается в бой и атакует в конном строю. Командир полка лично ведет полк в бой, генерал тут же прибыл к месту боя. Их можно упрекнуть в трусости? За первый день войны и боев потеряли почти 20 % офицеров только убитыми, но дрались!

Нет, поляки начали воевать, как и полагается.

Так что же случилось – почему через несколько дней начала разваливаться польская армия, почему перестали поступать приказы в войска, почему командование польской армии бросилось за границу? Только ли обычная для шляхты паника? Давайте вернемся к свойствам польской шляхты, для чего рассмотрим ее по упомянутой книге Е. Климковского и на примере участия этой шляхты в освобождении Польши в последующем после войны 1939 года периоде – забежим немного вперед.

Поляки после разгрома

Но сначала немного об авторе книги – о поручике, а потом и ротмистре Климковском. Это, на мой взгляд, типичный шляхтич. Как это понимать?

Исходя из им написанного, виден мир Климковского, а это исключительно такие, как он, – это шляхтичи. Ну, а тому, кого называют народом, солдатами, в этом мире нет места – они где-то там, далеко внизу.

Впервые его книгу опубликовали в 1955 году в Польше, уже достаточно коммунистической, но у Климковского нет ни слова о коммунистах. Дюков обращает внимание читателей, что, жалуясь на незаконные репрессии по отношению к военнослужащим армии Андерса, недовольными самим Андерсом, Климковский ни словом не упомянул о том, что сразу после того, как армия Андерса удрали из СССР в Ирак и Палестину, в армии Андерса были арестованы и посажены в тюрьмы более 700 поляков, настроенных просоветски. Для Климковского эти репрессии были благом и в 1955 году, в уже как бы коммунистической Польше..

И полное отсутствие у Климковского интереса к собственно военному делу, а ведь Климковский в своей книге описывает шесть лет войны. У него есть два эпизода встреч генерала Андерса с Черчиллем, оба раза Черчилль пытался выяснить мнение Андерса по положению дел Красной Армии в боях с немцами, в то время очень тяжелых. И выяснилось, что Андерс не то что ничего об этом не знает, но никогда и не интересовался, – этому генералу было достаточно того, что «Советы» потерпят поражение, а как именно это произойдет (военная сторона дела), ему было неинтересно. Сам Климковский был в армии Андерса не только его адъютантом, но и командиром бронедивизиона, и командиром полка, но он тоже ни одного слова не написал о том, как противоборствующие стороны воюют и чем, и как он лично собрался воевать – ни слова о боевой подготовке вверенных ему частей.

Кого описывает Климковский в своей книге? Некое сообщество субъектов, непрерывно болтающее о свободе Польши, об ее освобождении, но при этом имеющих единственную цель как-то лично «хорошо устроиться», причем исключительно с помощью интриг – непрерывных заверений в своей преданности тех, с помощью кого они собираются устроиться, и последующего их предательства. При этом не имело значения, кто это – свое начальство или иностранцы, не имело значения, где – в Польше, или в эмиграции, или в так называемой польской армии.

Вот, к примеру, Климковский описывает непрерывное воровство казенных сумм Андерсом и трату этих сумм на его личные развлечения с женщинами и покупку «бранзулетов» – золотых портсигаров, колец, бриллиантов. Началось это в СССР в 1941 году, чуть ли не с первых дней Андерса на посту командующего формирующимися частями польской армии. Климковский это все видел и даже на всякий случай фиксировал украденные Андерсом суммы и купленные на них ценности, но написал об этом рапорт только в 1943 году – когда конфликт с Андерсом дошел до состояния, при котором Андерс принял решение уничтожить Климковского и когда Климковскому пришлось этим компроматом защищаться. До этого Климковский считал воровство Андерса делом понятным и в глазах шляхтича само собой разумеющимся.

Короче, как специалисту по шляхте, Климковскому нельзя не верить, – он был в среде этой шляхты свой среди своих.

Итак. 1 сентября 1939 года началась война между бывшими союзниками по нападению на Чехословакию всего за год до этого – между Германией и Польшей. В две недели Польши не стало, генералитет, часть офицерства и солдат бежали в Румынию и Венгрию, а оттуда во Францию, находившуюся в состоянии войны с Германией. Там образовалось польское правительство в эмиграции, которое, во-первых, в ноябре 1939 года объявило войну СССР, во-вторых, к 1940 году собрало под свои знамена армию из 84,5 тысячи поляков.

И когда немцы атаковали 10 мая 1940 года Францию, кое-какие польские части участвовали и в защите Франции, правда, примерно так же, как они в 1939 году участвовали в защите Польши. Климковскому, находившемуся в это время во Франции, запомнилось только, что когда польская, самая отборная Подгалянская бригада, численностью 4,5 тысячи человек, сдалась немцам в Бретани, то ее командир, генерал Богуш-Шишко, сбежав и *«боясь последствий за изъятия своего командования, а вернее, за его полное отсутствие, встал на путь издания приказов задним числом. В результате его приказы оказывались очень удачными, а разгром бригады вытекал из общей обстановки, превосходства противника и т. д. Таким же манипуляциям подверглись донесения об обстановке и иные документы»*. Привожу этот эпизод потому, что, судя по этому и другим аналогичным примерам, приведенным Климковским, фальсификация документов у поляков – это обычная практика и не в Катынском деле впервые изобретена.

Как бы то ни было, но из Франции в Англию перебралось 20 тысяч поляков, из которых 6 тысяч офицеров и 37 генералов, плюс само правительство Польши в эмиграции. А когда немцы напали на СССР, то в Советском Союзе из находившихся здесь поляков начала формироваться «армия Андерса», в количестве около 100 тысяч человек. И эта польская армия в разгар боев под Сталинградом сбежала на Ближний Восток. В СССР тоже было около десятка генералов, плюс посольство Польши в СССР. Вот Климковский и описывает взаимоотношения и в среде высшего командования «армии Андерса», и в среде правительства.

Гадюшник в эмиграции

Особо интересно у Климковского то, что как-то обходилось вниманием наших историков. Обычно считается, что поляки были разделены только по отношению к коммунистической власти, – что были на территории Польши партизанские отряды Армии Краевой, антисоветской и подчинявшейся правительству Польши в Лондоне, и Армии Людовой – просоветской. Но дело в том, что и антисоветские поляки были политически разделены кардинально и сразу по трем вопросам. Климковский описывает разделение только по одному вопросу, замалчивая остальные два, но разделение поляков и по остальным двум видно по описываемым Климковским ситуациям.

Но сначала о том разделении, что описал Климковский.

Когда в 1926 году Ю. Пилсудский совершил государственный переворот, став диктатором Польши, он объявил свой фашистский режим режимом санации (оздоровления) Польши, а его сторонники (санационисты) получили сладкие куски от власти. И когда в 1935 году Пилсудский умер, власть продолжала оставаться у них. Но было и много обделенных панов, ставших противниками этой санации, и уже тогда стороны не гнушались никакими средствами в борьбе друг с другом. А когда Польша была разгромлена, то противники санации обвинили в этом санационистов, поскольку те были и у власти, и в командовании армией. И в эмиграции, куда перебрались обе стороны, они вели друг против друга отчаянную войну, не гнушаясь никакими методами, включая убийства.

Такой вот пример. Климковского от имени Андерса и других генералов, оказавшихся на территории СССР и уже организующих подпольную и враждебную СССР Армию Краеву, посылают в Париж для связи и получения инструкций от правительства Польши в эмиграции, как я написал чуть выше, уже объявившего войну СССР. Климковский в Париже получает инструкции от генерала Сикорского, премьер-министра этого правительства и Верховного главнокомандующего польской армией. Но Сикорский был противником санационистов, в результате, когда Климковский добрался обратно до Львова и начал устанавливать связи с организациями Армии Краевой, то местные санационисты Армии Краевой сдали его в НКВД. В ответ на допросы в НКВД он сдал НКВД санационистов из тех, кого знал. Вот такие были борцуны.

Второй вопрос водораздела, который Климковский не акцентирует, но, по крайней мере, дает знать, что такой вопрос был, – это злоба части младших офицеров к старшим офицерам за позор поражения Польши, в котором именно высшее командование армии проявило трусость и предательство. Климковский пишет: *«Один из наших товарищей, капитан Тадеуш Керн, на беседе в школе подхорунжих, между прочим, заявил, что если мы будем возвращаться в Польшу, то следовало бы на границе перестрелять всех офицеров от майора и выше. Это вызвало в санационных кругах такой страшный шум, что мне пришлось лично улаживать инцидент у Сикорского»*. Между прочим, сам Климковский, судя по всему, был авторитетом именно у этих офицеров, если не одним из их вождей.

Рассмотрение третьего вопроса пока отложу и предложу читателям представить, что происходило в среде этой «польской элиты», как военной, так и гражданской. Мало того, что раскол по политическому признаку, так еще и каждый шляхтич – это пан, желающий залезть как можно выше и не желающий подчиняться другим панам, тем более политическим противникам. Ни военные, ни иные другие способности не играли никакой роли – все стремились собрать вокруг себя только лично преданных подчиненных. И не могли, поскольку это шляхетное быдло в глаза льстило и тут же, за глаза, предавало. У Сикорского формально были десятки генералов, но когда требовалось поручить ответственное командование или миссию,

то среди них он никого найти не мог, поскольку никому не верил. И, надо сказать, имел к этому все основания.

Вот, скажем, Сикорский подписывает договор с СССР о том, что СССР соберет, оденет, вооружит и будет кормить «армию Андерса», а эта армия после быстрого формирования начнет воевать на советско-германском фронте. Причем (придется поверить Климовскому, опирающемуся на документы) Сикорский действительно хотел, чтобы «армия Андерса» воевала в СССР (о причинах этого – в конце). И Сикорский назначает командующим польскими войсками в СССР именно генерала Андерса, и только потому, что тот, как и Сикорский, был антисанационист и постоянно клялся Сикорскому в личной преданности. Выглядела эта преданность, к примеру, так.

Сикорский, как глава правительства Польши, настрого запретил Андерсу самостоятельно, минуя правительство Польши в Лондоне, связываться с англичанами. А Андерс, как только стал командующим, тут же с англичанами связывается и с первых же дней делает все, чтобы увести собранных поляков под команду англичан на Ближний Восток.

Сикорский из Лондона забрасывает Андерса приказами направить готовые польские войска на советский фронт, а Андерс ставит советское правительство перед фактом, что он никого никогда на советский фронт не пошлет, и нагло требует от СССР разрешения увести войска в Иран. Советскому правительству просто ничего не оставалось делать, как разрешить убраться из СССР этой вооруженной, обжиравшей его 100-тысячной банде, обнаглевшей до степени, когда в районе своего расположения поляки срывали советские флаги и сами захватывали дома для своего расположения.

Сикорскому надо бы заменить Андерса, но кем? Вокруг были только такие! И еще хуже.

И сам Андерс всю свою историю на посту командующего был поглощен сменой командиров подчиненных ему дивизий, поскольку никому не было доверия – кого ни назначит, а они начинают плести интриги против самого Андерса, метя на его место. И у каждой дивизии «армии Андерса» за два года в тылу сменилось по полдесятка командиров. А как быть подчиненным при таких, дерущихся между собою генералах? Какую боевую силу представляла эта армия? Тот еще гадюшник!

Что интересно, но сам Климовский являет пример этому разнузданному бардаку. Дюков из советских архивов привел интересный документ в отношении его деятельности, о которой сам Климовский предпочел умолчать:

«...Сохранилось изложение его разговора с уполномоченным при штабе Польской армии майором госбезопасности Жуковым. «Климовский, попросив оставить содержание разговора в тайне от поляков, заявил следующее:

«Польская армия в СССР представляет собой балаган, а не войско. Андерс мало сделал для того, чтобы подготовить боеспособные части. Это обстоятельство вызвало резкое недовольство со стороны молодых офицеров, которые считают единственной задачей польских войск драться как можно скорее на фронте, и притом только на Восточном. Будучи в Англии, Андерс находился под большим воздействием как Сикорского, так и англичан, которые требовали от поляков согласия на эвакуацию войск на ближневосточный театр».

Далее Климовский заявил, что он обращается к Жукову от имени группы молодых офицеров, которая намерена добиться решения об отмене эвакуации, «выгнать из армии всех баб и всякий хлам», обратиться с просьбой к советскому правительству дать быстрее оружие и отправить на фронт.

Ввиду этого Климовский хотел бы выяснить, как советское правительство смотрит на эвакуацию польских частей из СССР, так как «если оно в этом не заинтересовано и рассматривает решение об эвакуации внутренним делом самих поляков», – организация молодых офицеров намерена арестовать Андерса, Шишко-Богуща и командира 5-й польской дивизии генерала Раковского, собрать совещание командиров частей, радировать в Лондон, что Поль-

ская армия из СССР выезжать отказывается, потребовать от Лондона назначения нового командующего и обратиться к советскому правительству с просьбой вооружить польские части и направить быстрее на Восточный фронт.

...Жуков ответил Климковскому, что все это он считает несерьезной затеей, и рекомендовал ему ждать решения своего командования».

Как вам это нравится? Поручик сам выходит на иностранное государство и предлагает свои услуги по организации мятежа в армии, при этом собирает командующего армией генерала Андерса арестовать. А ведь Андерс ему в это время безусловно верил. Насколько верил, можно узнать вот из такого откровения Климковского: *«Для облегчения моей работы, имевшей самый разнообразный характер, я получил от Андерса письменную доверенность следующего содержания: «Доверяю поручику Климковскому Ежи, офицеру для особых поручений, вести от моего имени все переговоры, касающиеся польских Вооруженных сил в СССР, со всеми представителями органов СССР».*

Такую же доверенность имел и начальник штаба армии полковник Окулицкий. Это были далеко идущие полномочия, дававшие мне полную самостоятельность в решении различных вопросов. Вместе с тем мое положение позволяло теперь обстоятельно познакомиться с совокупностью проблем, связанных с нашим пребыванием в Советском Союзе. Я был также уполномочен отдавать от имени генерала приказы, чем никогда, однако, не пользовался».

Не слабо? В 100-тысячной армии Андерса только два человека имели такие права – поручик Климковский и генерал Окулицкий, начальник штаба этой армии.

На службе немцам

Теперь займемся третьим вопросом – это вопрос предательской связи поляков с немцами. Такой связи не могло не быть. Польша была под немцами, в победе немцев над СССР поляки ни на минуту не сомневались до начала 1943 года, да и потом судьба войны была под вопросом – ведь никто не гарантировал, что обессиленные союзники и немцы не заключат мир с последующим переделом Европы. Ну как поляки, все как один (до поручика включительно) «мудрые политики», не могли не установить контакты с немцами в надежде на будущие возможные дивиденды? Какой же мудрый политик кладет все яйца в одну корзину?

И вот этот вопрос связи с немцами Климковский старательно обходит, хотя и полностью его замолчать не может. А из того, что он рассказал, к примеру, следует, что Андерс для перехода линии фронта с советской стороны снабдил документами Леона Козловского, бывшего во времена Пилсудского премьер-министром и военным министром. Козловский находился в советской тюрьме, но по амнистии для поляков летом 1941 года был выпущен и с помощью Андерса перешел линию фронта, добравшись уже с помощью немцев до Варшавы. А здесь возглавил в Польше пронемецкие силы поляков, начавших борьбу за Польшу под протекторатом Германии и против СССР. Причем нашел Козловский сторонников и в подпольной Армии Краевой, поскольку спустя некоторое время немцы для связи с Козловским перебросили из Польши к Андерсу четырех офицеров во главе с поручиком Шатковским.

«Оказывается, курьеры привезли из Польши от подпольной организации какую-то инструкцию на пленке, но каково ее содержание, генерал не сказал. Я узнал лишь от него, что пленку предстоит еще расшифровать. А пока что поручик Шатковский получил назначение в личный эскадрон генерала, остальные прибывшие с ним офицеры – в другие части. Андерс несколько раз приглашал поручика Шатковского к себе на завтрак и обед и неоднократно беседовал с ним в штабе.

...Речь шла о созданной в Польше подпольной организации так называемых «мушкетеров», во главе которой стоял инженер Витковский. Основным идеологическим принципом этой организации было сотрудничество с гитлеровской Германией в целях «разгрома» Советского Союза. Впрочем, то же самое провозглашал и Леон Козловский, и это полностью совпадало с намерениями Андерса, но лишь с одной оговоркой: Андерс хотел видеть во главе такой организации самого себя. Руководители организации после разговора с Леоном Козловским, приехавшим именно с таким убеждением от Андерса, послали к генералу Шатковского с предложением о конкретном сотрудничестве. В инструкции, привезенной им в Бузулук, между прочим, было сказано, что организация «мушкетеров» считает Советский Союз врагом номер один и поэтому предлагает Андерсу сотрудничество чисто военного характера – диверсии, шпионаж и т. п., вплоть до перехода всей армии на сторону немцев.

...Как-то поручик Шатковский в общем разговоре сказал, что видел в Варшаве бывшего премьера Леона Козловского. Это известие начали связывать с недавним выездом Козловского из Бузулука именно в Варшаву и Берлин. Опять стали говорить о контакте Козловского с Андерсом, тем более что курьер из Польши рассказывал, что встречался с Козловским в Варшаве. Людей, посвященных в это дело, начало охватывать возбуждение, о котором, конечно, узнал и Андерс».

То есть связь Андерса с немцами вскрывалась и вскрывалась, и Андерсу надо было что-то делать. Что касается Козловского, орудующего в Польше, то Андерс своим карманным трибуналом приговорил того к смертной казни заочно, а когда вскрылось, что и курьеры фактически от немцев, то Андерс пытался приговорить к смерти и Шатковского, главного свидетеля своего предательства, но расстрелять Шатковского не дал из Лондона Сикорский.

Кстати, в деле шпионажа против СССР от Андерса не отставали другие официальные лица во главе с послом Польши в СССР Котом. *«Вдобавок стало известно, что военный атташе нашего посольства генерал Воликовский вел какую-то разведывательную работу, собирая с помощью агентуры сведения военного характера. Советские власти поставили этот вопрос перед Андерсом, а Кот написал Сикорскому о необходимости отзыва Воликовского. Компрометация была столь велика, что Воликовский был снят со своей должности и вскоре вынужден был покинуть Советский Союз. То же самое произошло и с ротмистром Пиездецким, который также был замешан в подобных делах.*

В связи с этим нам пришлось ликвидировать свою радиостанцию в Москве. Руководил станцией подполковник Бортновский, коллега Василевского и Гано.

Подозрения советской стороны по поводу этой радиостанции были обоснованными. Во-первых, руководитель радиостанции Бортиовский придерживался тех же взглядов, что и лондонская «двуйка», считавшая Советский Союз врагом. Во-вторых, не удалось скрыть того факта, что часть «деятелей» нашей лондонской «двуйки» сотрудничала с Германией. В-третьих, сбор польским военным атташе в Советском Союзе сведений совершенно секретного военного характера выдвигал вопрос: для кого это делалось? Перед лицом этих фактов советская сторона отказалась от сомнительных услуг нашей радиостанции».

«Двуйка» – это разведывательная и контрразведывательная служба поляков.

Но в плане вопросов, возникших у СССР по поводу сбора поляками секретной информации явно для немцев, и у меня возникает вопрос, а для кого такую информацию собирал сам Климовский, так хорошо осведомленный о пронемецких намерениях Андерса? Напрашивается ответ – для СССР. Ведь он же обратился в НКВД с предложением мятежа и ареста Андерса.

Но вот именно это и опровергает мысль о том, что он был агентом НКВД. И дело даже не в том, что в донесении майора НКВД Жукова и намек нет на то, что Климовский агент НКВД, а в том, что НКВД никогда бы не разрешил такому ценнейшему агенту впутаться в такую авантюру, как подготовка мятежа.

Но и это не все. Когда после смерти Сикорского разгорелся конфликт Климовского с Андерсом, то Климовский весь компромат на Андерса изложил в рапорте тогдашнему Главнокомандующему генералу Сосновскому. Поскольку речь шла о жизни самого Климовского, то он изложил все до мелочей. Но о явных связях Андерса с Козловским, а через того и с немцами – убийственный довод, – промолчал. Почему? Ведь связи Андерса с немцами доказывались! Остается думать, что такое обвинение Андерса тут же усугубило бы и вину самого Климовского, как говорится, в доме повешенного о веревке не говорят.

Правительство предателей

Вот теперь можно поговорить и о генерале Сикорском, с 1939 до лета 1943 года главе правительства Польши в эмиграции и главнокомандующем польской армией.

Климковский об этом молчит, но он, судя по всему, был доверенным лицом Сикорского в армии Андерса. Очень доверенным, настолько доверенным, что вызывают вопросы эти их отношения. Смотрите, поручик Климковский, как простой курьер, каких были сотни, добирался из Львова в Париж, здесь долго ожидает аудиенции у генерал-полковника Сикорского, наконец, встречается. И между ними сразу устанавливаются настолько доверительные отношения, что поручик Климковский убеждает главу правительства и главнокомандующего Сикорского потушить скандал, вызванный обещанием капитана Керна перестрелять на границе Польши всех польских офицеров от майора и выше. Но кто по своему положению был поручик (старший лейтенант) Климковский и кто – генерал-полковник Сикорский?! Как между ними могли возникнуть столь доверительные отношения? Значит, в чем-то они были единомышленники!

И это не модные ныне гомосексуальные связи, поскольку Климковский осенью 1940 года выезжает по поручению Сикорского с опаснейшей миссией во Львов, где его и арестовывает НКВД. Любовников на такие задания не посылают. Интересно, что и после того, как летом 1941 года Климковский был освобожден из советской тюрьмы и стал адъютантом Андерса, отношения с Сикорским у него сохранялись, и при всех приездах Сикорского в СССР или армию Андерса, Сикорский снова и снова с Климковским встречается. Следовательно, было что-то, что связывало Сикорского с поручиком Климковским сильнее, чем даже с окружавшими Сикорского генералами.

Официально Климковский был послан из Львова в Париж с банальным заданием – сообщить о настроениях местного польского офицерства и генеральства и получить от правительства Польши в эмиграции инструкции и помощь. (Кстати, когда он вернулся во Львов, то передал местной Армии Краевой помощь в сумме аж сто долларов. Но и их он выпросил в посольстве Польши в Бухаресте, а не получил в Париже по распоряжению Сикорского.)

Еще о сказанном. Климковский в Париже встречался с военным министром генерал-полковником Сонковским, встречался с низовыми работниками правительства и штаба, казалось бы, что этому наглому поручику еще надо? Тем не менее Климковский добивался встречи именно с Сикорским и добился. Поэтому полагаю, что Климковский шел из оккупированной Польши еще с одним заданием лично к Сикорскому. И это было задание от немцев.

Далее, непонятно и то доверие, которое испытывал к Климковскому Андерс. Из книги следует, что они не были знакомы до момента, когда Климковский осенью 1939 года стал посещать Андерса в госпитале во Львове, не были они и родственниками. Но после выхода обоих из советских тюрем в 1941 году Андерс немедленно делает Климковского своим адъютантом с невиданными полномочиями. Что их связывало? Климковский об этом тоже молчит.

Но вернемся к Сикорскому. Надо учесть, что Сикорский еще с дореволюционных времен был достаточно крупной фигурой в тогда революционных кругах Польши, фигурой, равной Пилсудскому и расхившейся с Пилсудским по вопросам статуса Польши: Пилсудский хотел видеть Польшу полностью свободной, а Сикорский – в составе Австро-Венгрии. И во время Первой мировой войны Пилсудский создавал польские легионы, а Сикорский вербовал поляков в австро-венгерскую армию. После оформления Польши в государство Сикорский был и главнокомандующим польской армией, и премьер-министром, и военным министром, но после фашистского переворота Пилсудского, который Сикорский поддержал без ожидаемого Пилсудским энтузиазма, отношения с Пилсудским обострились, и Сикорский эмигрировал во Францию, поскольку стало ясно, что сторонники санаии его убьют.

Нет сомнений, что он мечтал вернуться в Польшу, но как? В Польше у него не было достаточно надежной поддержки – там власть надежно держали сторонники санации. Оставалось опереться на иностранные государства, тем более что Сикорскому нужно было на что-то жить. СССР исключался, Франция была военным союзником Польши, и ей политические катаклизмы в Польше не были нужны, тот же интерес был и у Англии, оставалась Германия, которая имела претензии к Польше в виде Данцига. Получается, что только Германии не мешало иметь при себе какой-то противовес Пилсудскому в Польше. Как мне думается, Сикорский еще в двадцатые годы установил «добрые отношения» с Германией, которые, разумеется, могли прерваться в связи с войной Германии и Польши, но были восстановлены после ликвидации немцами Польши как государства. Поэтому очень не исключено, что Климовский помогал эти отношения Сикорского с немцами восстановить, посему и стал доверенным лицом Сикорского. Возможно, Климовский помогал завести такие отношения с немцами и Андерсу, в связи с чем этот «Штирлиц» завоевал и доверие Андерса.

В достоверности этой версии меня убеждает то, что Климовский всячески пытается обелить Сикорского в Катынском деле, но сам об этом деле молчит, давая своим молчанием понять, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли все же русские. А ведь Климовский не мог не знать, что это ложь!

В армии Андерса с самого начала служила масса офицеров, знавших, что не было никакого расстрела польских офицеров НКВД весной 1940 года. Мало этого, в армии Андерса служили и офицеры, которые не только видели всех расстрелянных немцами польских офицеров живыми в 1941 году, но и сами были расстреляны немцами в Катынском лесу, естественно, неудачно, – тот же сержант Пых.

Кроме этого, сообщение о том, что около 10 тысяч польских офицеров расстреляны, и клевету о том, что это сделали русские, еще в начале декабря 1941 года принесли в штаб Андерса помянутые выше немецкие курьеры во главе с поручиком Шатковским. Климовский в книге сообщает массу мало относящихся к делу мелочей, но глухо молчит о деле, которое уже тогда вызвало разрыв отношений Польши и СССР?! Как это объяснить? Ну вот, к примеру, почему Климовский молчит и об этой «катынской» стороне миссии Шатковского?

Ответ один: если бы Климовский об этой части миссии Шатковского написал, то к самому Климовскому немедленно возник бы вопрос, а почему же вы с Андерсом молчали, почему не предъявляли претензий к СССР в 1941 году? Почему начали вопить о смерти своих офицеров как бы от рук большевиков только через два года – только тогда, когда о начале этих ваших воплей поступила команда из Берлина?

Поскольку о Катынском деле по команде из Берлина завопило правительство Польши во главе с Сикорским, то Климовский изворачивается и пишет, что виноват в том, что правительство Польши сразу же согласилось с немецкой клеветой и согласилось участвовать в геббельсовском пропагандистском шоу, не сам Сикорский, а его военный министр Кукель. Это Кукель, дескать, сделал заявление, поддерживающее немецкую клевету. Климовский так передает слова Сикорского, якобы сказанные в беседе с ним: *«Я должен это осуществить и сейчас предпринимаю в данном направлении определенные шаги. Разрыв отношений с СССР является, собственно, результатом выходки – да, совершенно неразумной выходки – генерала Кукеля. Получилось очень скверно. Но теперь уже ничего не поделаешь».*

Да нет, не так все было. Как совершенно правильно написал в редакторском примечании А. Дюков, генерал Кукель 16 апреля 1943 г. опубликовал «Коммюнике в связи с германским заявлением об обнаружении массовых захоронений польских офицеров в Катыни», в котором немедленно поддержал клевету Геббельса. Но на следующий день **на заседании польского правительства** было утверждено заявление к Международному Красному Кресту с просьбой направить в Катынь делегацию для изучения того, как именно русские расстреляли поляков.

Сикорский, как глава правительства, мог дезавуировать заявления своего министра, даже если бы Кукель действительно выступил без согласия Сикорского. Премьер-министр Сикорский мог не подписывать заявление к Красному Кресту от имени правительства Польши, и, наконец, это не Кукель, а Сикорский начал давить на Черчилля, чтобы Англия разорвала дипломатические отношения с СССР и, следовательно, военный союз с СССР. Надо ли спрашивать читателей, в чью пользу был разрыв военного союза против немцев во время войны, надо ли спрашивать, на кого работал Сикорский?

И надо ли сомневаться в том, что в начале июля 1943 года утонул Сикорский не в результате несчастного случая, а в результате желания Черчилля?

У Климовского в доказательствах того, что Сикорский, дескать, никак не мог быть связан с немцами и честно исполнял договор с СССР, имеется только факт того, что Сикорский противился выводу армии Андерса из СССР на Ближний Восток в подчинение англичан. Однако давайте рассмотрим, а кому было выгодно, чтобы поляки не уходили из СССР? Давайте для этого встанем на место немцев. У них на Восточном фронте в 1942 году воевало 258 дивизий и 16 бригад (вместе с союзниками). Ну и что немцам были даже 3 польские дивизии, и даже если бы и удалось подогнать эту банду в боевое соприкосновение с немцами? Польские войска на передовой – это дырка в советском фронте, через которую немцы без труда прорвали бы фронт. А в тылу СССР вооруженные поляки отвлекали определенное количество советских войск, поскольку оставить их совершенно без контроля было опасно.

А если поляки уйдут из СССР? Военной силы они и у англичан не представляют, но у англичан масса войск была занята полицейскими функциями – предотвращением восстания против англичан народов их ближневосточных колоний. Готов был восстать против англичан Ирак, в Палестине евреи устраивали диверсии против англичан и ждали Гитлера, не спокоен был и Египет. Поэтому англичане и не рассчитывали на поляков как на боевую силу против немцев, англичанам нужны были поляки как оккупационные, полицейские войска – чтобы пугать местные народы. Но разместив поляков в Ираке, Палестине и под Каиром, англичане освобождали собственные войска для войны с Роммелем – с немецко-итальянской армией, устремившейся к Каиру. А в этой армии было примерно 10 дивизий, и для этих 10 немецко-итальянских дивизий усиление англичан на 2–3 дивизии имело очень большое значение. То есть немцам было выгодно, чтобы поляки оставались на территории СССР. Вот Сикорский с Климовским и добивались этого.

Думаю, что есть смысл пару слов сказать об участии польских войск во Второй мировой войне.

В «бозе почившая» Британская империя должна была молиться на Черчилля. Каких только войск он не собрал для ее защиты! В Африке и Италии с немцами и итальянцами дрались на стороне англичан индийские, новозеландские, канадские, южноафриканские, французские, марокканские, алжирские дивизии и многочисленные бригады чуть ли не со всего мира. А в 1944 году Черчиллю удалось, наконец, сблизить с немцами и армию Андерса – в Италии под Монте-Кассино на фронте наконец-то появились и две польские дивизии. Оцените сроки – они ведь для Книги рекордов Гиннесса – дивизии были сформированы уже к декабрю 1941 года, а в первый бой вступили аж в марте 1944 года. И это во время войны. Разумеется, в польской историографии этот бой поляков в Италии героизирован до крайних пределов, поэтому я сошлюсь на оценки немцев.

Немецкий генерал К. Типпельскирх написал двухтомную «Историю Второй мировой войны», естественно, у него подробно описаны и бои у Кассино. Типпельскирх подробно описывает, как одна немецкая армия, растянувшаяся поперек Италии, полгода сдерживала наступление союзников, в том числе и в том месте, где они хотели прорваться к Риму – у города и монастыря Кассино. Есть тут и про поляков. Причем аж два раза! Сначала он пишет: *«Справа к ней примыкал один корпус 8-й английской армии, который должен был наступать по долине*

реки Лири и у высот Кассино, а рядом с ним занял исходное положение польский корпус, получивший задачу продвигаться севернее Кассино». И далее: «Так как польскому корпусу прорваться севернее Кассино не удалось, обстановка на этом участке оставалась сносной. Американцы же и французы тем временем с исключительным упорством продолжали развивать наступление в горах Лепини превосходящими силами в северо-западном направлении, выйдя благодаря этому не только глубоко во фланг 10-й армии, но одновременно и в тыл 14-й армии, удерживавшей оборону вокруг плацдарма». Больше о поляках не упоминается. Да, были поляки у Кассино, обеспечивали немцам «сносную обстановку».

Когда Андерс в 1942 году уводил свою армию в Иран, небольшая часть польских офицеров осталась в СССР и послужила зародышем сначала польской дивизии, а затем и польской армии, воевавшей на Восточном фронте вместе с советскими войсками. Первый бой 1-я польская дивизия провела уже в 1943 году у советского поселка Ленино.

Вообще-то, по принятым у военных критериям, армейские соединения численностью до армии ведут БОИ, объединения численностью в армию и больше, при особом напряжении боев, имеют право назвать их СРАЖЕНИЕМ, и только войска численностью в несколько фронтов могут вести БИТВУ. Но у поляков с битвами плохо, поэтому у них и дивизия в ходе двухдневного неудачного наступления не бой вела, а целую битву. Что поделать, на безрыбье и рак рыба. Во всяком случае, поляки в честь этой битвы выпустили и медаль, и крест.

Википедия сообщает об этом подвиге польского оружия и дает его численные подробности. Вот некоторые:

«1-й польской дивизии поручалось действовать в первом эшелоне, в центре боевых порядков армии. В качестве поддержки она получила два полка легкой артиллерии из составов 144-й и 164-й дивизий, 538-й минометный полк, 67-ю гаубичную бригаду и 298-й саперный батальон. Задачей польских частей был прорыв обороны противника на двухкилометровом участке от деревни Ползухи до высоты 215,5. Затем дивизии следовало организовать наступление в западном направлении с целью достижения рубежа реки Пневка, чтобы позднее атаковать в направлении сел Лосево и Чурилово. ...Польская дивизия шла в свой первый бой в полном уставном составе, усиленная полком средних танков, ротой стрелков, вооруженных противотанковыми ружьями, фузилерной ротой 1-го женского батальона и заградительным отрядом. Общая численность личного состава дивизии вместе с 1-м танковым полком к 11 октября составляла 12 683 солдата, в том числе 994 офицера, 2560 подофицеров и 9129 рядовых. Несмотря на то, что количество живой силы превышало уставное, дивизии не хватало 100 офицеров и 918 подофицеров. Польские части имели на вооружении 41 танк, 335 противотанковых ружей, 391 орудие разных калибров, 1724 автомата и 673 пулемета».

Почти 400 орудий и 41 танк на 2 км фронта – неплохо, надо сказать, вооружили поляков, отобрав артиллерийские полки у двух советских дивизий. Опустим излагаемые поляками детали этой героической двухдневной польской битвы, так и не закончившейся исполнением поставленной советским командованием задачи. Итог: «1-я польская пехотная дивизия им. Т. Костюшко потеряла в ходе битвы под Ленино примерно 3 тысячи бойцов. Погибли, умерли от ран или болезней 510 человек (51 офицер, 116 подофицеров, 343 рядовых). Ранения получили 1776 солдат, пропали без вести 652 человека, попали в плен – 116.

Дивизия лишилась 27 % личного состава, что превышает в процентном отношении потери II Польского корпуса в битве при Монте-Кассино».

Однако должен сказать, что в советских архивах есть документы, которые несколько портят впечатление от этого подвига.

«Москва. Секретно.

Тов. Сталину.

К участию в последней операции по прорыву фронта противника в составе 33-й армии была привлечена 1 Польская пехотная дивизия.

В первый день операции 12.10 дивизия в начале атаки, после мощной артподготовки, показала неплохие результаты. В дальнейшем, подвергнувшись массированным ударам авиации и контратакам с флангов, дивизия проявила крайне слабую устойчивость. Управление в дивизии и в частях было потеряно, подразделения на поле боя перемешались. Часть подразделений разбежались и сдались в плен.

С целью предупредить осложнение на участке ударной группы, Военный совет фронта разрешил командарму-33 в ночь на 14.10 вывести 1 ппд в резерв.

В итоге двухдневных наступательных боев дивизия потеряла: 502 чел. убитыми, 1680 чел. ранеными, 663 чел. пропавшими без вести.

Всего боевых потерь – 2845 человек.

Наибольшие потери понес 1 Полк (1263 чел.).

Учитывая показания пленных противника, надо полагать, что значительная часть пропавших без вести сдалась в плен.

С выходом частей польской дивизии на передний край, еще до начала наступления, одиночки поляков, как показывают пленные, своими показаниями вскрыли группировку и рассказали немцам о нашем наступлении – до 25 человек перебежали на сторону немцев. Эти факты не были своевременно вскрыты в дивизии, установлены только по показаниям пленных, захваченных 12 и 13.10.

Военный совет считает:

1. 1-я Польская пехотная дивизия не является достаточно боеспособным соединением.
  2. В дивизии боевая сколоченность крайне низкая, слабое управление в звене рота, батальон, полк.
  3. Для повышения боевой готовности дивизии необходимо предоставить ей 15–20 суток на дополнительную учебу.
  4. В этот срок дивизию еще раз тщательно проверить и изолировать явно ненадежных.
  5. Дивизию в дальнейшем использовать лишь для развития успеха.
- Соколовский, Булганин»⁴.

Сдаться в плен во время наступления – это надо уметь, это надо иметь военные таланты! И большую любовь к плену.

Тем не менее при вхождении в Польшу и получении возможности призыва на службу поляков эти части, начавшие бои с поселка Ленино, выросли в две польские армии – Войско Польское, которое к Берлинской операции уже имело численность 400 тысяч человек. Если все польские войска вне СССР в составе французской и английской армий с 1940 по 1945 год в сухопутных, морских и воздушных боях потеряли 10 тысяч человек, то Войско Польское за два года – 13,9 тысячи. И о каком бы военном искусстве ни говорили, но потери при равном противнике – это и показатель ожесточенности боев с ним. Правда, по советским данным Войско Польское потеряло в боях с немцами на Восточном фронте 25 тысяч человек убитыми, и это не вяжется с польским числом 13,9 тысячи. Тут вот в чем дело. Сталин был не из тех, кто дважды наступает на одни и те же грабли. Войско Польское не было чисто польским. После его боевого опробования под Ленино в Войско Польское в большом количестве посылались для службы советские солдаты и офицеры. Только офицеров и генералов Советской армии было направлено 20 тысяч человек. Официально, по-видимому, считалось, что они имеют фронтовой опыт, в отличие от польских офицеров, но, надо думать, советское правительство не желало повторять таких экспериментов, как с армией Андерса, предавшей общее дело в самый тяжелый момент.

---

⁴ № 608/к исх. № 15963 19.10.43. 2.17 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 325а. Л. 554–555».

Мой отец рассказывал, что в то время из их части отправили в Войско Польское всех, у кого фамилия была похожа на польскую – оканчивалась на «...ский». Вспоминал фронтовой анекдот. Перед боем в польском полку идет молебен. Ксендз проходит вдоль строя солдат, давая поцеловать им распятие. Один солдат отказывается: «Не могу, я комсомолец». – «Целуй, – шипит ксендз, – я сам коммунист».

И пока Польша была нашим союзником, советский агитпроп делал все, чтобы граждане СССР забыли помянутые подробности, а черпали сведения о советско-польском братстве из телесериалов типа «Четыре танкиста и собака». Но сейчас СССР нет, Польша вступила в НАТО, и можно говорить о том, что было, – о том, как шляхта «освобождала Польшу». А глядя на шляхту, не спешил со своим освобождением и польский народ.

Но вернемся в 1939 год.

Так что же было причиной молниеносного разгрома Польского государства, что было причиной этой классической молниеносной войны?

Трусость или измена?

В первый день войны 1 сентября 1939 года из Варшавы скрылся президент Польши Мосцицкий. 4 сентября начало паковать чемоданы, а 5-го удрало и все правительство. Но этому предшествовала директива, которую дал польской армии маршал Рыдз-Смиглы, главнокомандующий польской армией. 3 сентября (на третий день войны, напомним) он приказал Главному штабу: *«В связи со сложившейся обстановкой и комплексом проблем, которые поставил ход событий в порядок дня, следует ориентировать ось отхода наших вооруженных сил не просто на восток, в сторону России, связанной пактом с немцами, а на юго-восток, в сторону союзной Румынии и благоприятно относящейся к Польше Венгрии...»* Приказ Рыдз-Смиглы ушел в войска 5 сентября.

Вот его прочли или о его содержании узнали в польских частях и соединениях, и как им теперь быть? Ведь вам, солдату, нужно идти в бой, и вас в этом бою могут убить. За что? Нормально – за то, чтобы жила Польша, ее народ был независим, чтобы, в конце концов, родственники видели в тебе героя. А после этого приказа Рыдз-Смиглы за что нужно быть убитым? За то, чтобы высшая шляхта смогла без большой опасности удрать за границу?! Ведь из приказа ясно следовало, что целью данного отвода войск является не занятие новых оборонительных рубежей, на которых будет защищена независимость Польши, а занятие рубежей, с которых высшей шляхте удобно будет удрать из Польши.

А как после этого идти на смерть солдату и офицеру? Как им идти на смерть, если руководители Польши за Польшу умирать не собираются?

То есть армию Польши разгромили не немецкие танковые дивизии, ее разгромило правительство Польши.

Кем было это правительство – органическими идиотами и подлецами? Альтернативного ответа у меня нет, но как-то уж очень рано эта шляхта стала свой идиотизм и подлость демонстрировать.

Да, есть у польской шляхты такая добрая традиция – втянуть народ Польши в восстание или войну, а самой удрать за границу и там изображать из себя борцов за свободу Польши. Но ведь к 3 сентября немцы еще только начали прорываться через пограничные оборонительные рубежи. Еще ничего не было ясно, еще основная масса войск даже не вступила в сражения, еще только шло формирование новых армейских объединений, той же оперативной группы «Вышкуп». Куда элитная шляхта Польши так спешила?

И вот тут надо вспомнить, что до весны 1939 года не было у нацистов Германии более близкого союзника, нежели высшая польская шляхта, которая, опять напомним, вместе с Германией расчленила Чехословакию, которая, напомним, охотно обсуждала с нацистами планы совместного раздела СССР. То есть высшая шляхта и нацисты достаточно долго тесно кон-

тактировали друг с другом, и нацисты вполне могли найти пути к сердцу или кошельку этой шляхты.

В своем написанном по горячим следам в 1948 г. труде «Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор» английский историк и военный теоретик Д. Фуллер сообщает о методах Гитлера, который тот собирался использовать в войнах, при этом даже не особо их скрывая:

«Кто говорит, что я собираюсь начать войну, как сделали эти дураки в 1914 году, – кричал Гитлер. – Разве все наши усилия не направлены к тому, чтобы избежать этого?»

...Целью Гитлера было в кратчайший срок при минимальном ущербе для материальных ценностей сломить волю противника к борьбе. ...Гитлер говорил: «Что такое война, как не использование хитрости, обмана, заблуждений, ударов и неожиданностей?.. Есть более глубокая стратегия – война интеллектуальным оружием... Зачем мне деморализовать его (противника) военными средствами, когда я могу достичь того же самого лучше и дешевле другими путями».

Из приводимой ниже цитаты из книги Раузинга видна суть теории Гитлера: «Место артиллерийской подготовки перед атакой пехоты в позиционной войне в будущем займет революционная пропаганда, которая сломит врага психологически, прежде чем вообще вступят в действие армии. Население вражеской страны должно быть деморализовано, готово капитулировать, ввергнуто в состояние пассивности, прежде чем пойдет речь о военных действиях.

Мы будем иметь друзей, которые помогут нам во всех вражеских государствах. Мы сумеем заполучить таких друзей. Смятение в умах, противоречивость чувств, нерешительность, паника – вот наше оружие...

Через несколько минут Франция, Польша, Австрия, Чехословакия лишатся своих руководителей. Армия останется без генерального штаба. Все политические деятели будут устранены с пути. Возникнет паника, не поддающаяся описанию. Но я к этому времени уже буду иметь прочную связь с людьми, которые сформируют новое правительство, устраивающее меня»».

Поляки правительства и верхушки армии в точности действовали так, как и планировал Гитлер, разве что удрали из страны, не став формировать правительство, но зато они поступили точно так, как те друзья нацистов, которые, по словам Гитлера, *«помогут нам во всех вражеских государствах»*.

И надо ли этой версии предательства удивляться?

Разве мы не видели, как при полной сохранности армии и КГБ, без единого выстрела был уничтожен СССР предательством его руководителей?

А как при практически не воевавшей иракской армии американцами был захвачен Ирак, до этого 8 лет воевавший с Ираном? И разве мы не помним, как иракские генералы требовали от США свои миллионы долларов, обещанные им за предательство Ирака?

Так что это было в Польше в сентябре 1939 года – просто трусость или измена? Или измена, базирующаяся на трусости?

* * *

Если отставить в сторону пропагандистские клише и ложь, то собственно польская армия по формальным показателям – численности, вооружению и оперативно-тактическим идеям – не сильно уступала немецким войскам или даже превосходила их. Прекращение управления войсками со стороны польского верховного командования с третьего дня войны играло, безусловно, огромную роль, но ведь мы видим и полное отсутствие инициативы командования внизу – в звене от армии до полка. После приказа Рыдз-Смиглы об отступлении в Румынию

шляхта практически обезумела и бросилась спасаться, бросив солдат на произвол судьбы. Это, собственно, и определило молниеносность войны.

В любом случае, государство с такими моральными силами, безусловно, не могло себя защитить, как бы сильно ни была вооружена его армия, как бы велика эта армия ни была.

Глава 2. Генералы для прошедшей войны

Я начал книгу с предисловия, в котором дал выводы из теоретической части этой работы, в частности, вывод о том, что большие потери СССР в Великой Отечественной войне были обусловлены негодным воспитанием кадрового состава командования Красной Армии. По моему мнению, это негодное воспитание было обусловлено переносом в Красную Армию паразитических традиций российского дворянства, укоренившихся в офицерской массе Русской императорской армии. Это привело и в Красную Армию множество карьеристов, рассматривающих воинскую службу как доходный промысел, не требующий творчества и ограниченный понятными упражнениями в мирное время. Подобные кадры командного состава РККА привели к выбору уже век как негодной тактики захвата местности и рубежей и выбору под эту тактику вооружения армии. И хотя я приводил соответствующие примеры и в теоретической части книги, но, полагаю, их нужно дополнить, в том числе и мнением с немецкой стороны, причем не только мнением немецких генералов, а мнением тех немцев, которые видели эту тактику в прицелы своего оружия.

У нас есть толковый труженик военной истории, Артем Драбкин. Он собирает воспоминания ветеранов, причем часто задает нужные вопросы, превращая ответы ветеранов в нечто достаточно информативное. Недавно мне порекомендовали его книгу «Я дрался в СС и вермахте», в которой он собрал воспоминания немецких ветеранов. Хорошо то, что собирал он их уже после развала СССР и ГДР, то есть над ветеранами уже не висел страх расправы парткома, и они стали раскованнее, хотя, конечно, появилась и обратная тенденция – они уже, оказывается, не совершали на территории СССР никаких зверств, а оккупированное население в них души не чаяло. Один дедушка даже дает задним числом советы Гитлеру освободить Украину, и украинцы, дескать, тут же побежали бы сражаться с Россией. Старичок забыл, что Гитлер и без него был умный, однако ничего, кроме одной дивизии из западных украинцев, от Украины не получил. Ну ладно.

Старички, конечно, и всей правды не говорят, и лгут – что уж тут поделывать, на то они и ветераны войны, посему к их рассказам надо подходить соответственно – принимать на веру только то, в чем они точно не заинтересованы соврать.

Поэтому немного отвлекусь и покажу их вранье на примере описания ими советского плена.

Русский плен

Вот один старичок рассказывает, как его взяли в плен еще в 1942 году.

«Уже 22 января я попал в плен. Я находился один в боевом охранении, когда увидел группу русских солдат – человек пятнадцать в зимней одежде на лыжах. Стрелять было бесполезно, но и сдаваться в плен я не собирался. Когда они подошли поближе, я увидел, что это монголы. Считалось, что они особенно жестокие. Ходили слухи, что находили изуродованные трупы немецких пленников с выколотыми глазами. Принять такую смерть я был не готов. Кроме того, я очень боялся, что меня будут пытаться на допросе в русском штабе: сказать мне было нечего – я был простой солдат. Страх перед пленом и мучительной смертью под пытками привел меня к решению покончить с собой. Я взял свой «маузер 98к» за ствол и, когда они подошли метров на десять, вставил в рот и ногой нажал на спусковой крючок. Русская зима и качество немецкого оружия спасли мне жизнь: если бы не было так холодно, а части оружия не были так хорошо подогнаны, что смерзлись, то мы бы с вами не разговаривали. Меня окружили. Кто-то сказал «Хенде хох». Я поднял руки вверх, но в одной руке я держал винтовку. Ко мне приблизился один из них, забрал винтовку и что-то сказал. Мне кажется, что он сказал: «Радуйся, что для тебя война кончилась»». Ну и далее рассказ о своем героическом поведении на допросе.

Оно, конечно, можно и зимой вставить ствол карабина в рот, но как обутым просунуть большой палец ноги в скобу, прикрывающую спусковой крючок? Перепугался парнишка и струсил стрелять...

А вот ветеран, взятый в плен в Сталинграде, вспоминает, как их на поезде перевозили в лагерь военнопленных в Узбекистане.

«31 января, в первый день плена, мы прошли из южного Сталинграда в Бекетовку. Там собрали около 30 тысяч пленных. Там нас погрузили в товарные вагоны, по сто человек в вагон. На правой стороне вагона были нары, на 50 человек, в центре вагона была дыра вместо туалета, слева тоже были нары. Нас везли 23 дня, с 9 февраля до 2 апреля. Из вагона нас вышло шестеро. Остальные умерли. Некоторые вагоны вымерли полностью, в некоторых осталось по десять-двадцать человек. Что было причиной смерти? Мы не голодали – у нас не было воды. Все умерли от жажды. Это было запланированное уничтожение немецких военнопленных. Начальником нашего транспорта был еврей, чего от него было ждать? Это было самое ужасное, что я пережил в жизни. Каждые несколько дней мы останавливались. Двери вагона открывались, и те, кто был еще жив, должны были выбрасывать трупы наружу. Обычно было 10–15 мертвых. Когда я выбрасывал из вагона последнего мертвого, он уже разложился, у него оторвалась рука. Что помогло мне выжить? Спросите меня что-нибудь полегче. Я этого не знаю.

– В России есть мнение, что сталинградские пленные умерли в основном потому, что они были истощены уже в котле, как вы считаете?

– Да, это частично правда. Многие голодали, но моя часть не голодала. У нас была конина и хлеб с элеватора. Даже если вы полностью здоровы, посадите вас на три недели в вагон и не давайте воду – вы умрете. Еще говорят, и это неправда, что все сталинградские пленные были уже больны и поэтому их приговорили к смерти, поэтому многие умерли».

Им выдавали продукты, но не выдавали воду?? Продукты были ценностью, а воды на станциях – хоть утопись. Ведь тяга была паровозной, а паровозы ходят на воде, и на каждой станции стояла водонапорная башня для заправки паровозов. Уж если бы хотели их уморить, то тогда бы не выдавали и продуктов! Продукты-то на пленных зачем переводил этот проклятый еврей?

Потом, это что за лапша на уши с оторвавшейся рукой у трупа в феврале месяце? Что за лапша о 100 человеках в вагоне с нарами? Такой вагон вмещает «40 человек или 8 лошадей», на крытых двухосных вагонах в те годы, кстати, была такая надпись. Если бы он сказал, что нар не было и везли стоя, как немцы возили наших пленных, тогда да – тогда 100 человек стоя в вагон вместится, но он же ни слова не говорит о том, что им в вагоне было тесно. Врет! Не о количестве умерших, очень не исключено, что тут он говорит правду. Врет о причине их смерти. Почему?

Немцы в окружении под Сталинградом исполнили свой воинский долг, а его исполняют и ценою жизни. Сопrotивляясь в окружении, они, по сути, не дали нашим армиям взять Ростов и окружить всю кавказскую группировку немцев. Но воинский долг не был причиной их стойкости, таковой была святая вера в то, что Гитлер их выручит. Эта вера не дала им мужества самим пойти на прорыв, эта, как выяснилось, глупая вера не дала им плюнуть на Гитлера и командиров и перебежать к русским в плен еще в декабре, когда они в большинстве своем были здоровы и полны сил. Они сами себя обманули, и этот самообман оказался смертельным. Драбкин задал точный вопрос – немцев начал косить тиф. Ведь тогдашние цивилизованные европейцы не любили бань и были донельзя завшивленными. У них и в зиму 1941 года в госпиталях количество тифозных больных равнялось количеству раненых, а тут экстремальные условия окружения зимой.

И пленные в эшелоне умирали от тифа и болезней, а фактически от собственной глупости – сдайся они раньше, и были бы живы. Но как немцу в своей глупости признаться? И он валит все на русских, в данном случае – на еврея. Что смешно, несколько абзацев выше, этот же ветеран вспоминал эпизод своего пленения:

«Первое, что спросили русские солдаты, было «Uri est'? Uri est'?». (Uhr – часы.) У меня были карманные часы, и русский солдат дал мне за них буханку немецкого солдатского чернoго хлеба. Целую буханку, которую я не видел уже несколько недель. А я ему, с моим юношеским легкомыслием, сказал, что часы стоят дороже. Тогда он запрыгнул в немецкий грузовик, выпрыгнул и дал мне еще кусок сала. Потом нас построили, ко мне подошел монгольский солдат и отнял у меня хлеб и сало. Нас предупредили, что тот, кто выйдет из строя, будет немедленно застрелен. И тут, в десяти метрах от меня, я увидел того русского солдата, который дал мне хлеб и сало. Я вышел из строя и бросился к нему. Конвой закричал «пазад, пазад», и мне пришлось вернуться в строй. Этот русский подошел ко мне, и я ему объяснил, что этот монгольский вор забрал у меня хлеб и сало. Он пошел к этому монголу, забрал у него хлеб и сало, дал ему затрецину и принес продукты мне обратно».

И я должен поверить, что эти русские солдаты конвоя ежедневно носили им хлеб, которого они не видели *«уже несколько недель»*, но не давали воды?

Что касается часов, то немцам перед походом в Россию надо было оставить их дома, и не на прикроватной тумбочке, а надежно зарыть, поскольку американцы и англичане, по воспоминаниям этих же ветеранов, грабили гораздо энергичнее: *«В Союзе военнопленных некоторые из нас были в Бад Кройцнахе, в американском плену, у американцев было по десять часов на руке. Русские в этом не были исключением, я бы даже сказал, что американцы были гораздо хуже».* В этом вопросе от американцев не отставали и чопорные англичане: *«Я пошел на вокзал, сел в поезд, потом сделал пересадку, в любом случае 23 декабря я опять был дома. Я был рад. Англичане, конечно, нас подчистили, в доме больше не было ковров, исчезла одежда, и так далее, и так далее. Но все получилось хорошо, я опять был дома».* Вообще-то, раз немцы собрались на грабеж России, то должны были быть готовы к такому повороту событий и не ныть потом.

Отвлекусь немного на эти трофейные часы и поговорю о самих немцах и их имидже. Когда немцев считаешь, то это такой культурный народ, что хоть иконы с них пиши. И мирных жителей они не убивали и не грабили, и советских женщин не насиловали. Между тем,

когда наши войска начали освобождать захваченные немцами территории, то резко возросла заболеваемость войск сифилисом и гонореей – вшивая Европа дико загрязнила этими болезнями наших женщин на оккупированных ею территориях. Кстати, даже в «Майн Кампф» Гитлер посвятил сифилису отдельные размышления – настолько проблемной для Германии была эта болезнь.

В результате в 1943 году в ГКО было проведено специальное совещание по организации производства презервативов. Они изготавливались и до войны, но особым спросом не пользовались, а теперь требовалось, скорее всего, возобновить и резко увеличить их производство. А поскольку, как я думаю, каучука хватало для работы единственного резинотехнического завода (а может, и по иным причинам), производство презервативов было поручено военному заводу, изготавливавшему противогазные маски. И, кстати, «Изделием № 1» этого завода была противогазная маска, а презерватив пошел в производство уже под № 2 – завод-то был военный, продукция секретная.

А уж как заражали наши войска немецкие женщины! Кстати, и насиловать их не требовалось, поскольку они в большинстве своем были убеждены, что обязаны отдаваться нашим воинам по их праву победителей. Читал слухи, что был приказ Сталина ни одного сифилитика или трипперного из Европы в СССР не впускать! Во всяком случае, часть лагерей для советских военнопленных на территории Германии действительно были переоборудованы в венерические госпитали, и здесь рядового и генерала лечили от гонореи одинаково зверским способом – другого не было – уколами скипидара в позвоночник. Это резко повышало температуру тела, и гонококки не спеша гибли. Но было очень больно.

Как-то (когда меня еще приглашали на ТВ) назвал оккупантов «вшивой Европой», так ведущий чуть не подпрыгнул от возмущения: «Как?! Европа и вшивая!» Да вшивая она была в точном смысле этого слова! Наши ветераны писали, что при наступлении в немецкие блиндажи страшно было заходить, даже зимой предпочитали спать на улице, а не в их блиндажах, – настолько немецкие жилища кишели вшами. Избавить немцев от вшей, даже генералов, была и первая проблема наших лагерей для их военнопленных. Вот адъютант Паулюса полковник Адам вспоминает о прибытии пленных немецких генералов в лагерь военнопленных в Красногорске: *«Из караульного домика вышли комендант лагеря и дежурный офицер. Они предложили нам следовать за несколькими солдатами охраны. Справа показались три длинных барака. Слева вдоль лагерной улицы тянулся небольшой барак; как мы вскоре узнали, это была кухня. Дальше, по эту же сторону улицы, находились бревенчатый дом и один жилой барак. За ними виднелись несколько землянок.*

На третьем бараке справа от дороги виднелась надпись «Амбулатория». Однако оказалось, что это здание имеет еще и другой вход. Мы вошли через него и в просторной комнате стали ждать, что будет дальше.

...После душа и дезинсекции нас распределили по баракам. Паулюс, Шмидт и я получили комнату в бревенчатом доме. Здесь в большой комнате жили шесть румынских генералов, в меньшей – три итальянских. Кроме того в лагере жили также пленные офицеры и рядовые. В амбулатории, руководимой советской женщиной-врачом, работали пленные немецкие врачи».

Теперь о трофеях. Как-то публиковал в «Дуэли» воспоминания одного советского ветерана, и тот рассказал, что уже в Германии, в брошенном немцами доме, в шкафу с костюмами выбрал себе подходящий и уже потом увидел, что пошит он в СССР. То есть этот костюм немец сначала отобрал у кого-то у нас и послал домой в Германию, а уж потом этот трофей вернулся опять к нам. Могу подтвердить своим примером. Когда я начал устойчиво помнить и соображать, после войны прошло уже лет 7–8, на тот момент у нас осталось из трофеев отца не очень много. Во-первых, самый ценный трофей – ковер, на котором прошло мое детство, – я на нем игрался, читал, особенно любил на Новый год лежать на этом ковре на спине под елкой. Потом как-то отец мельком сообщил, что взял его в пустом посольстве Японии в Берлине. Потом

был эсэсовский кинжал со срубленной свастикой. Отец колол им свиней, которых покупали к Новому году живыми и держали, пока не установится минусовая температура, чтобы можно было хранить мясо. Потом отец отдал кинжал для этой же цели дяде, но тому инструмент не понравился, и он в свою очередь подарил его одному из своих внучатых племянников. Было что-то вроде бюварчика со скоросшивателем и пачечкой листочков прекрасной писчей бумаги. Единственная дошедшая до меня автобиография отца написана именно на листочке из этого бювара. Еще помню маленький, «дамский», пистолет с перламутровой рукояткой, но был и ТТ. Однако мои старшие братья упорно находили места хранения пистолетов, и отец, в конце концов, выбросил их в выгребную яму уборной. (Были у отца и часы, но это были советские часы «Победа».) Наконец, был серебряный портсигар, почерневший от времени, поскольку отец уже не курил. Портсигар тоже был трофеем. Однако уже студентом я в каком-то научно-техническом журнале нашел рисунки проб драгоценных металлов всех стран. Рассмотрел пробу на портсигаре – это была женская головка и число «84». Оказалось, что это русская (царская) проба. То есть это был опять-таки сначала трофей немца, награбленный им в СССР, а уж потом он перешел к отцу.

Закончу подходящей к теме цитатой дневника Л. Николаева, встретившего немцев в Харькове:

«27 октября. ... Что касается немцев, расположившихся в нижней квартире, откуда я не успел еще вынести мои вещи, они вела себя менее достойно. Они сорвали замок на двери моей комнаты и основательно ее разграбили: забрали радиоприемник, 30 коробок спичек, некоторые продукты питания и даже часть моего платья.

Пострадали и прочие квартиранты. Немцы забирали у них теплые вещи, продукты питания, в частности сахар, конфеты и крупы. Они отбирают также карманные часы: оказывается, что в Германии почти невозможно приобрести часов. Мне рассказали о том, как один немецкий офицер присвоил себе часы. Он жил на квартире у одного гражданина, который носил часы на руках. Офицер попросил этого гражданина показать ему часы. Гражданин доверчиво снял часы с руки и протянул их немцу.

– Хорошие часы! – сказал офицер. – Сколько они стоят? Я могу вам предложить за них 30 марок.

– Позвольте, я не собираюсь продавать мои часы! – удивленно ответил гражданин.

Офицер улыбнулся.

– А, вот в чем дело! – сказал он. – Вы хотите мне их подарить. Благодарю вас.

И с этими словами офицер надел часы на свою руку. Гражданин оказался достаточно умен, чтобы не протестовать против этого открытого грабежа».

Наши-то собирали трофеи, как правило, в брошенных домах, а немцы не стеснялись. Европа-с!

Следует оговорить, что нынешняя откровенность немецких ветеранов по-иному заставляет взглянуть на некоторые события. Ведь Германия идеологически была разделена на коммунистов и нацистов, нацисты после своей победы на выборах частью переубедили коммунистов, а частью просто заставили их замолчать, и те затаили злобу. А среди нацистов были и искренние патриоты Рейха: «Почему вы пошли на войну добровольцем? – Чтобы защитить мою родину». И основная масса обывателей, пойдя за нацистами, стала их пособниками, соответственно не могла потом признаться в своей неправоте. В плену ситуация изменилась, коммунисты брали реванш и мстили. А поскольку именно их назначали в лагерную администрацию, то в результате почти у всех ветеранов стойкая ненависть к этим антифашистам.

Вот Дабкин спрашивает одного: «Как вы в лагере относились к антифашистам? – и получает ответ: «Я к ним не очень хорошо относился, более того, я их ненавидел, потому что они были гораздо хуже русских. Среди антифашистов были нормальные люди, но те, кого я знал...»

А вот отвечает второй: *«Комендантом лагеря был немец, рейнец, не помню, как его звали, коммунист, стукач, антифашист, предположительно он сидел в концентрационном лагере в Германии. Некоторым из нас, из Ваффен СС, он специально отбивал печень».*

Вот третий: *«Мы поехали дальше в Мариенбон. Там был конец, утром мы перешли границу Западной Германии. Там были русские, была нейтральная полоса, русские говорили, dawaj, raz, dwa, tri, и мы перешли границу. Нас принимали, все были там, политики, католический священник, протестантский пастор, Красный Крест и так далее. Тут мы неожиданно услышали ужасный вопль, как мы потом узнали, там забили до смерти одного антифашиста, который многих отправил в штрафные лагеря. Тех, кто это сделал, увела полиция».*

Вот четвертый: *«Наш немецкий начальник лагеря был сталинградцем. Но это не значит, что начальником не мог стать кто-то, попавший в плен позже. Наш начальник, его звали Фрид Фрайер, до того, как попал в плен, был обычным солдатом, ефрейтором, он немного болтал по-русски. Ни один русский не вел себя так ужасно, как он. Это был настоящий преступник. Его и сегодня ищут товарищи... Непонятно, вернулся ли он домой и что с ним стало. Надо сказать, что немецкие солдаты, которые стали руководителями лагерей, обращались с нами хуже, чем русские».*

Вот пятый: *«Были те, кто поддерживал комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров, были и те, кто их не поддерживал. Я был с теми, кто не поддерживал. В самом начале моей жизни в плену, в одном лагере, мы встретили группу немцев в основном в русской униформе. Они назывались как-то вроде «Немецкая освободительная армия». Я помню, что один из них был одет в немецкую униформу без знаков различия, но с русскими красными нашивками за ранения. Для нас это были предатели, абсолютно однозначно. Большинство пленных немецких солдат считали, что, пока идет война, нельзя просто так перепрыгнуть на другую сторону».*

Вот этим разделением, скорее всего, и надо объяснить восстание в ГДР в июне 1953 года. Но вернемся к плену.

Напомню, что когда Драбкин начал опрос, немцы уже ничем не были обязаны ни СССР, ни русским. Тем не менее они вспоминают, что после сдачи в плен убить могли во фронтовой полосе, но дальше конвой защищал надежно. В России могли быть и тяжелые условия труда, и тяжелые условия жизни, но все пленные работали бок о бок с русскими, которых они же и разорили и которым было не менее трудно. Но характерны вот такие воспоминания.

Вот вспоминает один: *«В Кишиневе, на Пасху, был обычный рабочий день, я стоял с тележкой и лопатой, грузил картошку возле забора. К забору подбежала русская женщина средних лет. Она просунула под забором пакет и сказала что-то по-русски. Я не понял, что она сказала, товарищи в лагере мне потом объяснили, что она сказала: «Hristos voskres, Hristos voistini voskres». В пакете был хлеб, яйца, мясо, еще что-то. Так мы втроем или вчетвером получили наш пасхальный обед. Это тоже невозможно забыть».*

Вот второй на вопрос: *«Что вас в России больше всего поразило?»* — отвечает: *«Веселость и сердечность простых людей. В Германии были русские пленные, им определенно было хуже, чем нам. Гораздо лучше быть немцем в русском плену, чем русским — в немецком».*

«Я хорошо работал. Русские даже присвоили мне звание «лучший работник», и моя фотография висела вместе с русскими на Доске почета. Когда я в ГДР это рассказывал, мне никто не верил, говорили, что я издеваюсь. Фотография была маленькая, овальная, я ее увеличил и сделал четыре штуки, и, когда нам разрешили писать домой, я послал ее моим родителям. Мои братья и сестры даже не поверили, что это я, на фотографии у меня были волосы, я выглядел довольно ухоженным, не как унтерменш или доходящий заключенный».

Вот вспоминает эсэсовец: *«Хорошо, что мы попали в плен не в горячке боя, а далеко от линии фронта. Русские были миролюбивы. Солдаты привели нас в штаб. Мы смотрели и не понимали, куда мы попали, — это было совсем не то, что говорила пропаганда. Солдаты были*

чистые, в красивой форме, они отдавали друг другу честь. Порядок был почище пруссацкого! Вскоре приехали почти два десятка офицеров. Нас вызвали на допрос. Я и мой товарищ и ровесник Удо вошли вместе. Допрос шел через переводчика-еврея. Я отвечал на все вопросы, рассказал, что у нас были большие потери от бомбардировок. Это была правда. Мы приняли летящие с запада русские самолеты за свои и даже махали им рукой, пока не посыпались бомбы. Это мне пришлось пересказывать дважды, поскольку они смеялись. Я был этому рад, потому что враги, которые смеются, не убивают. Что-то в рассказе моего товарища не понравилось переводчику, и он его ударил по лицу. Но тут же вмешался старший из офицеров и что-то сказал, думаю, запретил бить. Другой офицер дал моему товарищу индивидуальный пакет, чтобы он мог остановить кровь. Было очень неожиданно, что русские обращаются с нами по-человечески. Хотя вот этот переводчик после допроса отвел нас в сторону и стал угрожать, что расстреляет, но, слава богу, остальные офицеры были настроены миролюбиво. Мы примерно полчаса ехали на грузовике. Нас высадили, и я в первый раз в жизни увидел русский танк, вероятно «*stalinetich*», с 10,5-сантиметровой пушкой. Русские солдаты обедали. Они ели макароны из огромных мисок. Видимо, мы смотрели такими голодными глазами, что они предложили нам поесть то, что осталось. Я не мог в это поверить! Некоторые из них еще отдали нам свои ложки. Начиная с этого момента меня ни разу не били, ни разу не ругали, я ни разу не ночевал под открытым небом, я всегда имел крышу над головой. В первый вечер нас разместили в пустом складе. Мы сидели за столом, когда пришел русский солдат и принес на руке кольца колбасы, немного хлеба и говядину. Но у меня не было аппетита, и я почти ничего не ел, поскольку считал, что утром-то нас уж точно расстреляют. Пропаганда мне это внушила. Если я еще сколько-нибудь проживу, я опишу это время, потому что я снова и снова слышу про то, как ужасно было у русских, какие русские свиньи и какие отличные парни были американцы. В плену было тяжело. Были разные лагеря. Были и такие, в которых умерло 30 процентов пленных... В день окончания войны я был в лагере на польской границе, в Ландсберге. Это был образцовый лагерь: очень хорошие помещения, туалеты, ванны, красный уголок. Только кабаре не хватало! В лагере собрали транспорт на восток. 8 мая нас должны были погрузить в поезд, но мы остались в лагере до 10 мая, потому что комендант лагеря никого не выпустил. Ведь 9 мая русские праздновали День победы и могли на радостях в пьяном виде нас всех перестрелять! Здесь недалеко есть дом престарелых, там живет один человек, который был в американском плену на Рейне, он с мая по октябрь просидел под открытым небом. У одного из товарищей было воспаление легких, так ему просто дали доску, на которой он мог спать под открытым небом. Когда кончилась война, пьяные американцы стреляли в них из автоматов, убив десятки людей. Один товарищ, который был в русском плену, мне рассказывал, что ему хотели отрезать ногу, поскольку у него было воспаление. Врач ему сказала: «Альфред, когда придет комиссия, я запру тебя в кладовой. Мы восстановим ногу народными средствами». И у него до сих пор есть нога. Врач обращалась к нему по имени. Можете себе представить, чтобы немецкий врач обращался к русскому пленному по имени? В 1941 году примерно один миллион русских военнопленных умер в немецком плену от голода и жажды... Я всегда говорю, что с нами обращались не так, как мы с пленными русскими. Конечно, нам говорили «*fascist*» и «*Götter kaput*», но это не считается. Русская администрация, это абсолютно очевидно, прикладывала усилия, чтобы сохранить жизни пленных».

А вот вспоминает еще один эсэсовец: «Мы пришли в этот лагерь и не поняли, что это лагерь. Он выглядел как нормальный жилой микрорайон, там на окнах висели гардины и стояли горшки с цветами. Там нас принял немецкий комендант лагеря, хауптштурмфюрер СС. Он спросил: «Какая дивизия?» – «Тотенкопф». – «Третий блок, доложите там старшине». Мы снова были у нас, в СС. Это был лучший лагерь за все мои более чем четыре года в русском плену. Мы работали в шахте, шахта была в 150 метрах от лагеря, после нашей смены в шахте туда заступала русская смена, у нас не было охраны, мы участвовали во всех социа-

листических соревнованиях, и ко дню Октябрьской революции, и ко дню рождения Сталина, и «Лучший шахтер», мы их все выигрывали! У нас был чудесный политический офицер, он привез нам 30 женщин из лагеря для интернированных, у нас был танцевальный оркестр, у нас был танцевальный вечер, но я на нем не был, была моя смена, черт ее побери. И вот теперь сенсация. Мы получали зарплату, столько же, сколько и русские. Я повторяю, мы получали столько же, сколько и русские! И даже больше, потому что мы работали намного старательней, чем они. И деньги приходили к нам на счет. Но все деньги мы снять не могли, мы должны были перечислять с наших счетов 456 рублей за расходы на нас в лагере.

В июле 1948 года наш политический офицер, который не провел с нами ни одного политического занятия, потому что он сразу сказал, что нам это все равно до лампочки...»

Но про плен я написал попутно, и если кому-то показалось неинтересно, то прошу меня извинить, однако нужно было напомнить, что нельзя безоговорочно верить воспоминаниям ветеранов.

Подготовка офицеров

Прежде всего интересен главный вопрос – как немцы могли готовить офицерские кадры, чтобы на вопрос о покушении на Гитлера в 1944 году А. Драбкин получил ответ: *«20 июля было для нас разочарованием. Как мог немецкий офицер заложить бомбу, чтобы добиться должности, при этом убежать? Те, кто стоял там вокруг стола, ему были до лампочки. Сегодня говорят о господине Штауфенберге, которого расстреляли, но не про тех, кого он там убил. У господина Штауфенберга была одна рука, он мог стрелять, но он заложил бомбу и убежал. Мы, по крайней мере, в нашей части, это событие уж никак не поддерживали. По крайней мере, когда такие дела делают, надо, чтобы они получались. Самому надо было стрелять, а не закладывать бомбу и убегать, чтобы гарантированно убить, если уж на то пошло»?*

И почему не нашлось среди советских офицеров ни одного, который бы не то что лично пристрелил Горбачева, но хотя бы бомбу под него заложил? Ну, ладно, перейдем к обучению.

Прежде всего, у кандидата в офицеры вермахта должно было быть желание им стать, во вторых, образование, которое дает право поступить в высшее учебное заведение, но главным для желающего стать офицером было службой солдатом доказать, что ты можешь быть офицером. Во время войны – показать на фронте, на передовой. Об училищах, в которые мог бы поступить сопляк, чтобы через 20 лет иметь большую пенсию, немецкие ветераны не вспоминают – таких училищ в Германии просто не было. Были курсы, которые переводчики обычно переводят как училища, но на самом деле это были именно курсы для обучения кандидата в офицеры, зарекомендовавшего себя службой солдатом (унтер-офицером), тому, что трудно было узнать во время службы в строю.

Вот закончивший войну командиром роты Э. Готтфрид: *«Я родился в 1921 году, так что, когда началась война, мне было 18 лет. Меня должны были призвать осенью 40-го года, но призвали меня досрочно, и уже в декабре 1939 года я поступил во второй пехотный полк одиннадцатой пехотной дивизии в Алленштайне, в Восточной Пруссии. С этим полком в звании ефрейтора я участвовал во французской кампании. ...После войны во Франции всю дивизию перебросили обратно в Восточную Пруссию, на мою родину. Уже в январе месяце 1941 года я поступил в военную школу в Потсдаме, в которой учился пять месяцев, и в мае я вернулся в свой полк в звании лейтенанта. В полку я принял пехотный взвод. Я всю войну прошел со своим полком. Семь раз был ранен, но всегда возвращался обратно. И покинул его только осенью 1944 года, когда в Курляндии был тяжело ранен – разрывом мины мне почти оторвало стопу. На этом моя война закончилась».*

А вот офицер Э. Зигфрид, так презрительно отозвавшийся о Штауфенберге: *«Я родился в 1922 году в Саксонской Швейцарии, южнее Дрездена, у чешской границы, вырос в окрестностях Дрездена, ходил в школу, потом в старшую школу, сдал экзамены на право поступления в университет, а в октябре 1940 года пошел добровольцем в армию, в горные егеря.*

– Как долго вы в первый раз были на фронте, до того как вас отозвали в школу?

– С июня по ноябрь.

Когда фронт остановился на реке Лица, меня отозвали в военную школу в Потсдам. Там я учился три месяца. Изучал все, что положено знать офицеру – горному стрелку: тактику, руководство подразделением и так далее. В феврале 1942 года мне присвоили звание лейтенант».

В СС были свои правила, слабее с точки зрения образования, но жестче в остальном:

«Вскоре пришла повестка прибыть в Нойцелле у Губена в учебный и резервный батальон 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова». К счастью, там было только военное обучение. Мы изучали карабин 98к и MG-34, а здесь были пулеметы MG-42 и штурмовой карабин 44/45,

великолепное оружие, с магазином на 36 патронов, с укороченными патронами со стальной гильзой, того же калибра, как карабин 98к. Нас учили жить в свинарниках, на сеновалах, в окопах – это была хорошая практическая подготовка к фронту. Бывало, все наши вещи выкидывали из окон казармы, и мы в кратчайшее время должны были привести все в порядок. Вы знаете старую поговорку: пот экономит кровь, тяжело в ученье – легко в бою. Постоянные 25-километровые марши с полной выкладкой, постоянная муштра – это было действительно ужасно.

Я был кандидат в офицеры СС. Я отучился на банковского служащего, у меня была гарантия стипендии, я был доброволец. Я должен был учиться на штабного офицера, но командир роты перевел меня на полевого офицера, потому что многие товарищи были ранены или убиты. Я должен был пройти испытание на фронте, потом полгода школа юнкеров, потом опять полгода испытание на фронте. Во время испытания на фронте надо было получить или значок «Ближний бой», или Железный крест второго класса, или оно продлевалось еще на полгода. Большинство шли в жопу во время первого испытания на фронте. И в 19 лет я мог стать офицером, унтерштурмфюрером СС. Не имея права поступления в университет, даже не окончив среднюю школу, достаточно было только среднего профессионального образования. Такое было возможно только в Ваффен СС. У нас не было господ, мы обращались друг к другу не «герр», а только по званию.

Наше товарищество было великим. За кражу у товарища у нас немедленно была штрафная рота. В первый же день обучения в СС нам сказали, что, если кто-нибудь из наших командиров к нам безразлично приблизится, мы должны немедленно об этом докладывать. Мы не поняли, о чем речь, но нам объяснили, что речь идет о гомосексуализме – одном из четырех смертельных грехов Ваффен СС».

«– Что такое хороший командир?

– Тот, который со своими солдатами обходится разумно. И никогда от них не требует того, что не является необходимым. С ними думает и с ними живет. Тот офицер, который командует подразделением, должен любить своих солдат. Офицер посылает солдата на смерть, эта ужасная обязанность есть у всех офицеров. Когда ты посылаешь солдат в атаку, ты знаешь, что вернутся не все. Но и ты должен идти вместе с ними».

После того как с воспоминаний ветеранов Советской армии была снята цензура, появилось множество свидетельств трусости, подлости и тупости советского кадрового офицерства, которые приводили к неоправданной гибели тысяч советских солдат. И даже если в этих воспоминаниях и не все объективно, то все равно обилие этих свидетельств угнетает. А у этих немецких ветеранов и близко ничего подобного в воспоминаниях нет – никто ни словом не попрекает своих командиров... Есть у одного ветерана описание мелкой склоки со своим командиром роты, но она не касалась боевых качеств этого командира.

Такая подготовка немцами своего офицерства стоит того, чтобы к ней присмотреться.

Оружие

Теперь о том, как немцы оценивали свое и наше оружие.

Сначала вообще об оружии немецкой пехоты, хотя эти данные достаточно известны:

«В батальоне были три стрелковые роты и рота тяжелого оружия. В тяжелой роте были два взвода тяжелых пулеметов и один взвод минометов 81 миллиметра. Пехотный взвод стрелковой роты имел обычно четыре отделения, каждое отделение из 10 человек, которым командовал унтер-офицер с пистолетом-пулеметом, один легкий пулемет, у остальных были карабины. В 1943-м мы получили новое оружие – автоматические карабины – штурмгеверы. У нас в полку проводились их армейские испытания. Наш батальон первым был полностью перевооружен штурмовыми винтовками. Это прекрасное оружие, дававшее невероятное увеличение боевых возможностей. У них были короткие патроны, так что боеприпасов можно было брать большие. С ней каждый человек становился практически пулеметчиком. У них поначалу были детские болезни, но их исправили. У нас даже изъяли пулеметы, но в конце 1943 года под Колпино мы установили, что с этими винтовками, но без пулеметов мы в обороне не можем обойтись, и очень быстро пулеметы ввели обратно. Так что во взводе были пулеметы и штурмовые винтовки. Другого оружия у нас не было. В самом начале войны в роте были еще 5-сантиметровые минометы, но их очень быстро сняли с вооружения, во-первых, потому, что они были очень тяжелые, а во-вторых, потому, что много боеприпасов с собой не возмешь – тоже очень тяжелые.

– Верно ли, что пулемет был основным оружием в обороне?

– Да. Ну и артиллерия, конечно. Главное оборонительное оружие – это все же артиллерия. Она несет основную нагрузку. Пехота вступает позднее, если случается что-то неожиданное. Основное оружие пехоты в обороне – карабин, штурмовые винтовки, легкий пулемет и тяжелый пулемет, на лафете. У нас в пехотном полку были еще две специальные роты – противотанковая рота, с 3-, 7- и 5-сантиметровыми противотанковыми орудиями и одна рота пехотных орудий, из двух легких взводов – шесть легких, 7,5-сантиметровых пушек, и одного взвода тяжелых пушек 15 см, которые подчинялись непосредственно пехотным командирам. Они всегда были с нами, это было, конечно, очень большое усиление.

– Чем были вооружены командиры?

– У командиров взводов и рот были пистолеты-пулеметы. Также были пистолеты. У меня был П-38 «вальтер».

– Ручные гранаты?

– Да, конечно, «колотушки», их потом сняли с вооружения. В 1942 году были яйцо-гранаты. Их выдавали по потребности, когда надо, на марше их в машинах перевозили, у солдат было достаточно поклажи. К атаке их выдавали. Мы их носили в поясной сумке, реже в рюкзаке, чтобы был резерв.

– Зимой оружие отказывало?

– Да, зимой, при низких температурах, смазка замерзала, и оружие не работало, но с этой проблемой легко было справиться – надо было просто полностью убрать смазку. Дело опыта – мы этому быстро научились. Пулеметы прекрасно работали. МГ-42 был первоклассный, очень хороший пулемет, никогда не отказывал.

– Трофейным оружием пользовались?

– Перед тем как меня первый раз ранило, я добыл себе русский пистолет-пулемет, потому что у меня немецкого не было. Он был очень хорош, но где он остался, я не знаю. Но это скорее случайность. Русский пистолет-пулемет работал прекрасно. У него был или дисковый магазин, или рожок. Дисковый магазин был хороший, но тяжелый. Оттягивал ствол вниз, не очень сильно, но оттягивал. С винтовкой СВТ мне сталкиваться не приходилось».

«Самым опасным русским оружием был, без сомнения, танк Т-34. Впервые мы их увидели в ноябре 1941 года. До этого мы сталкивались только с легкими танками и тяжелыми КВ. В ноябре 1941 года пришли первые Т-34, и это было для нас очень неприятно, потому что против них мы ничего не могли сделать. В пехотном полку был один взвод пятисантиметровых противотанковых орудий, но даже они Т-34 спереди не пробивали. Это был танк, который до 1944 года тотально превосходил все типы наших танков. Даже Т-4. С Т-34 мог справиться только 8,8-сантиметровый «Флак». Т-34 был превосходный танк, без каких-либо сомнений. У него был очень большой радиус действия, дизельный двигатель. На одной заправке он мог проезжать 500 км! Для танковых прорывов он был идеален. Потом, когда мы получили «Пантеры» и «Тигры», им стало хуже. «Пантеры» и «Тигры» пробивали танки всех типов.

– Русская авиация?

– Сначала русской авиации почти, я бы даже сказал, вообще не было заметно. Очень быстро всех сбили. Я видел, как эскадрилья бомбардировщиков пыталась бомбить Дюнабург (Двинск/Даугавпилс). Их всех, кроме одной машины, сбили. Бомбардировщики очень быстро исчезли. Иногда прилетали «рата», но редко. Сначала они нам не очень мешали. Но когда началось отступление, все изменилось. Нас очень много бомбили. И все же они были не такие сильные, как западные силы, англичане, американцы. Те были гораздо сильнее.

– Были ли прозвища для штурмовых самолетов?

– Да. Тех, что атаковали нас при отступлении, русские, по-моему, называли *schturmovik*. Он был легко бронирован. Они атаковали с бреющего полета. Я еще в них стрелял, но ни одного не сбил. Очень нервировали нас. В 44-м они уже много хлопот доставляли. Еще были легкие ночные бомбардировщики Р-5. Они не сильно вредили, но нервировали. Все время кружили, цели искали. Во время отступления от Нарвы нас атаковала эскадрилья двухмоторных бомбардировщиков «Бостон». Я лежал на картофельном поле, смотрел вверх и видел, как открываются бомболюки. Это было не здорово. Но, к счастью, бомбы пролетели мимо.

– «Сталинский орган»?

– «Сталинский орган», да. Впервые мы встретили его в ноябре 41-го. Он нас очень удивил. В установке было, по-моему, 48 ракет, и, конечно, попасть под его залп было очень неприятно. Я вам так скажу, я часто слышал пуск ракет. И как только я их слышал, я искал укрытие, потому что никогда не знаешь, куда они попадут. Когда разрывы затихали, я шел дальше».

«– Самое опасное русское оружие?

– Я думаю, что минометы. От них очень тяжело было защититься. Как-то раз мы расположились за сеновалом, думали, что нам ничего не угрожает, и тут прилетело... И «сталинский орган».

– Вы сами попадали под «сталинский орган»?

– Да, один раз. Я думал, что это мой последний час. Это было недалеко от Мишкольца, в Венгрии. Мы только пришли на эту позицию и только начали окапываться. Один товарищ уже вырыл щель, и когда «сталинский орган» нас накрыл, он туда прыгнул, а я прыгнул на него. Слава богу, они промазали на 200 метров.

У русских была маленькая пушка, очень быстрая, мы ее называли «рати-бум». Ночью летал маленький самолет, у нас говорили, что он бомбы руками сбрасывает, мы его называли «кофемолка». Он был очень опасный. Даже если вы на расстоянии 2–3 километра от фронта и зажгли сигарету – через очень короткое время рядом разорвется бомба. Они не давали отдыхать. Ты никогда не знаешь, упадет ли следующая бомба прямо в тебя или нет. Потери от них местами были, но оружием, решившим исход войны, они точно не были».

«– Что вы можете сказать о карабине?

– Это было оружие для прицельной стрельбы. Нельзя было просто палить во все стороны. Надо было смотреть, искать цели при каждом выстреле. С пистолетом-пулеметом

совсем по-другому, там внизу магазин, нажал – и тра-та-та. А карабин – это охотничье оружие, боеприпасов мало, при каждом выстреле надо целиться».

«– В 1942 году самой опасной была авиация. Русские самолеты были примитивны, но мы их боялись».

«– Какое русское оружие запомнилось?»

– Были маленькие ночные русские бомбардировщики, как вы их называли? Мы их называли «дневальный унтер-офицер». Они были ужасные. Летали по ночам низко. Их знает каждый солдат, который был в России.

– Они действительно вредили, или это было больше психологическое давление?

– И то, и то. Он не только нарушал покой, но и бросал бомбы. Обычно или одну большую, или 20–30 маленьких, которых мы называли «свекла». Разумеется, «сталинский орган». Мы их боялись. Еще «ратш-бум». У этих орудий звук выстрела и разрыв снаряда происходил в одно и то же время. Поэтому их так называли.

– А немецкое оружие? Какое можете выделить?

– «Штуки». Кроме того MG-42 – бензопила, очень серьезное оружие. У русских были пулеметы с водяным охлаждением. Стреляли так: пу-пу-пу-пу, а у нас МГ стрелял тр-тр-тр-тр – гораздо быстрее. Но он очень быстро расходовал боеприпасы. Такое количество боеприпасов невозможно было восполнить!»

«Вы спрашивали, какое было самое лучшее русское оружие? Т-34 был самым лучшим».

«Когда я увидел русских, я был удивлен. Как русские дошли от Волги до Берлина на таких примитивных машинах? Когда я увидел их оружие и лошадей, я подумал, что этого не может быть. Технически совершенные немецкие танки и артиллерия очень, очень сильно уступали русской технике. Знаете почему? У нас все должно быть точным. А снег и грязь точности не помогают. Русский «Калашников», например, который у нас в ГДР был в боевых группах, был примитивный, но он работал. Когда я попал в плен, у меня был «штурмгевер», современное оружие, но он отказал после трех выстрелов – попал песок».

Роль артиллерии

Драбкин, повторю, задавал нужные вопросы и получал, безусловно, точные ответы, поскольку в данном случае немцы, да еще и пехотные офицеры, не имели оснований врать.

«— Основные потери у вас были от стрелкового оружия или от артиллерии?»

— От стрелкового. От артиллерии в первое время меньше, но потом основные потери были от артиллерии.

— Как вы можете оценить, кто был у немцев эффективнее — пехота или артиллерия, от кого русские больше страдали?

— Русские страдали от нашей артиллерии. У нас были отличные корректировщики и высокая концентрация огня. Так что, когда пехота шла в наступление, сопротивление уже было сломлено.

...Русские солдаты очень храбрые и способны перенести много страданий, много вынести. Но командование было посредственным. Они все время повторяли одно и то же. Все время одно и то же. Потом, в 44-м, 45-м году, командовать стали лучшие, научились водить большие соединения, быстро наступать. Такой пример. Мы отступили к предмостному укреплению в Киришах. Его необходимо было удерживать, поскольку надеялись с него начать новое наступление, но сил для этого уже не было. У нас там был усиленный полк и артиллерия, больше ничего не было. Это предмостное укрепление Красная Армия пыталась захватить. Раз за разом, раз за разом, каждый раз одно и то же. Наша дивизия там подбила один за другим 200 танков. Это было абсолютно не нужно. У нас не было никаких сил оттуда наступать. Они это знали! Но Сталин приказал, и они снова и снова наступали. Огромное количество людей там погибло. Можете представить, небольшое пространство, и по нему стреляли три пристрелявшихся артиллерийских полка. Как только мы замечали, что русские снова наступают, артиллерия разносила все в пыль. Конечно, в течение тех трех недель наш полк был натурально перемолот, полностью уничтожен, но мы могли его заменить».

«— Вы как ротный могли вызвать огонь артиллерии?»

— Да, было так организовано. Артиллерия посылала в пехоту так называемого передового наблюдателя. Это был или офицер, или фельдфебель с рацией. Эти передовые наблюдатели были в ротах, и через них можно было затребовать огонь. Это прекрасно работало, без проблем».

«Мы очень часто воевали вместе с частями Ваффен СС. Это были великолепные солдаты, которые к тому же были гораздо лучше вооружены, чем мы, — их в первую очередь вооружали. Мы всегда были очень рады, если нашим соседом была часть Ваффен СС, на них можно было положиться. Они не бежали. Другие охотно бежали, а эти нет».

«— Верно ли, что пулемет был основным оружием в обороне?»

— Да. Ну и артиллерия, конечно. Главное оборонительное оружие — это все же артиллерия. Она несет основную нагрузку. Пехота вступает позднее, если случается что-то неожиданное».

«— Можете что-нибудь сказать о русской артиллерии?»

— Прежде всего, очень массовая, сильная. Стреляла хорошо. Меня один раз буквально «выстрелили» из бункера. Это была 7,62-сантиметровая пушка, которую они использовали для подавления опорных пунктов. Мы сидели в бункере, во второй линии, с первой нас уже выжали. Тут в ста метрах впереди от нас разорвался снаряд. Я еще подумал, что стреляют, вероятно, в меня. Через 2–3 минуты снаряд разорвался в ста метрах за бункером. Я моим солдатам закричал: «Вон отсюда!» Мы выскочили как сумасшедшие, и третий снаряд попал точно в бункер и разрушил его. Вилку нас взяли. Я был рад, что вовремя заметил. Ты либо

учишься, либо погибаешь – это как охота на зайцев: старые зайцы знают все трюки. Русская артиллерия была ужасно сильная».

«Немецкая пехотная дивизия была устроена совсем иначе, чем русская. По обучению и имеющемуся вооружению немецкая дивизия была сильнее русской дивизии. У нас в пехотной дивизии была своя артиллерия, дивизия могла вести войну самостоятельно. Русские же должны были все время спрашивать у своего командования: можно мне сейчас стрелять? Куда я должен стрелять? У нас тоже так было, но у нас артиллерийские наблюдатели были в пехоте, на самом переднем крае, и когда русские нападали, то вся дивизионная артиллерия стреляла по одной цели, хотя находилась в разных местах. Когда атаковал, к примеру, батальон русских, вся артиллерия стреляла по нему.

А у русских огонь артиллерии надо было планировать заранее и подтягивать артиллерию. Поэтому мы знали, что если у русских появилась артиллерия, то в следующие дни что-то будет происходить».

Считается, что блицкриг немцы сделали танками, но посмотрите на воспоминания немецкой пехоты: они о советских танках вспоминают, а о немецких – ни слова. О пикировщиках Ю-87 вспоминают. Если в соседях были эсэсовцы, это для них было помощью, и они об этом вспоминают. А о немецких танках – нет! И удивительно то, что главным оружием своих побед они считают не авиацию и танки, а свою артиллерию – то, чем привыкла хвастаться Советская армия.

Я уже не раз цитировал мнение британской разведки о советской артиллерии, выраженное Леном Дейтоном: «Русские очень гордились своей артиллерией и даже организовывали для массового использования артиллерийские дивизии и артиллерийские бригады».

Прерву Дейтона. И не только русские восхищались советской артиллерией. Вот иностранный автор, некто Е. Егерс, делая обзор немецкой артиллерии, сравнивает ее с советской:

«На коренную реорганизацию артиллерии немцы не решились. Поэтому они никогда не смогли добиться такого подавляющего локального перевеса в артиллерии, какой постоянно имела Красная Армия. Уже в 1941 году было ясно, что для прорыва укрепленных линий обороны требуется концентрация не менее ста стволов на километр фронта. В дальнейшем эта цифра была несколько раз пересмотрена, и каждый раз в большую сторону. Немцы же считали вполне достаточной концентрацию 40 стволов на километр. За всю войну они считанные разы добивались концентрации 60—141 стволов на километр фронта. Рекорд концентрации артиллерии обеими воюющими сторонами был побит во время битвы на Курской дуге. 9-я армия располагала; 200 орудиями на километр, а 4-я танковая армия – 150. Однако эти цифры меркнут в сравнении с тем, что Красная Армия на основных направлениях располагала по 900—1000 стволов на километр фронта. Хуже всего с артиллерией у немцев было в декабре 1941 года под Москвой (10 стволов на километр) и в июне 1944 года в Нормандии (1,5 ствола). По данным немецкой разведки, в ноябре 1944 года Красная Армия имела, по меньшей мере, трехкратный перевес в артиллерии. В действительности перевес был еще больше».

Как видите, немцы считали, что им 40 стволов на километр фронта вполне достаточно, и два года их наступления на Восточном фронте им этих 40 стволов действительно было достаточно. А то, что один из ветеранов вспомнил о и мощности советской артиллерии, так это он вспомнил об огромном ее количестве.

В то же время британская разведка, в лице Дейтона, делает такое заключение: «Артиллерия Красной Армии по своему уровню соответствовала той, что использовалась на Западном фронте в 1918 году, – это почти то же самое, что назвать ее очень плохой. В грядущих сражениях меньше 50 процентов потерь немецких войск, действовавших на Восточном фронте, приходилось на артиллерийский огонь, в то время как относительные потери от огня англо-американской артиллерии превышали 90 процентов».

(Что касается процента потерь, то, как видите, и по свидетельству немецких ветеранов этот процент вначале войны таким и был, каким его считают англичане, если не меньшим.)

И ведь речь идет не о несовершенстве советских артиллерийских орудий. Во-первых, советские пушки и гаубицы, с которыми Красная Армия начинала войну, и после войны стояли на вооружении и Советской армии очень долго, и по сей день в некоторых странах продолжают стоять на вооружении. Во-вторых, немцы использовали все захваченные в боях советские артсистемы, за исключением разве полковых и батальонных пушек, хотя при разнице в калибрах им пришлось производить для них боеприпасы. То есть немцы считали их вполне современными.

Британцы говорят о другом. Вот давайте вернемся к воспоминаниям ветерана о боях за предмостное укрепление у Киришей под Волховом.

Для справки. Артиллерийский полк немецкой пехотной дивизии имел на вооружении 36 105-мм гаубиц, стрелявших снарядами весом 14,5 кг, и 12 150-мм гаубиц, стрелявших снарядами 43,5 кг. Когда немецкий ветеран описывает бои у Киришей немецкого пехотного полка, усиленного тремя артиллерийскими полками, с советскими стрелковыми дивизиями и танковыми бригадами, он, по сути, рассказывает, как пристрелявшие местность немецкие артиллеристы в течение минуты обрушивали на пытающиеся атаковать советские войска до 600 снарядов указанного веса. Он, по сути, описывает, как советские генералы уничтожали советских солдат и младших офицеров в тупых атаках пехоты фактически на дальнобойную артиллерию.

И вот тут возникает вопрос, а почему советские генералы, уже имевшие свою мощную артиллерию, превосходящую немецкую численно, сначала не уничтожили своей артиллерией немецкие батареи у этого предмостного укрепления в Киришах, а потом артиллерийским огнем не уничтожили этот немецкий полк?

Для ответа на этот вопрос надо вернуться к вопросу, а что имели в виду британцы, когда говорили о том, что в Красной Армии артиллерия на уровне 1918 года – конца Первой мировой войны? Сами британцы свой вывод не объясняют, наши историки даже такого вопроса не видят или видят его в бросающихся в глаза недостатках разведки, связи и транспорта (к примеру, А. Широкоград). Против последних выводов возражений нет, но это все же не все.

И вот эти, собранные А. Драбкиным воспоминания немецких ветеранов заставили меня заняться этим вопросом – что значит «артиллерия на уровне 1918 года»?

И я прихожу к следующим объяснениям.

Опыт Первой мировой

Начну с того, что не так давно мне пришлось объяснять, что орудия пушечной и гаубичной артиллерии дивизионных и корпусных полков, а также полков артиллерии резерва главного командования, а также все виды минометов, включая реактивные, стреляют в основном с закрытых позиций. Это означает, что ни противник не видит этих орудий (они находятся достаточно далеко в своем тылу), ни солдаты, стреляющие из своих орудий, не видят, по кому они стреляют. Действуют они в бою так.

Командир батареи со связистами уходит вперед, как можно ближе к противнику, и оборудует свой наблюдательный пункт (НП) так, чтобы с него как можно больше видеть происходящее на поле боя. С батареей (4 орудия) он связан телефонной линией и (или) рацией. Когда командир батареи увидит противника на поле боя, то по карте определяет, где именно на местности этот противник находится, и передает его координаты на батарею. Там старший по батарее по карте делает расчеты для первого выстрела, и одно орудие стреляет. Командир батареи видит разрыв ее снаряда на поле боя и теперь, пользуясь картой и шкалой тысячных в бинокле, должен быстро определить расстояния от разрыва до цели и быстро рассчитать, как нужно изменить наводку орудия на батарею, чтобы следующий снаряд упал на цель. Это называется пристрелкой. Когда, наконец, очередной пристрелочный снаряд падает в район цели, то командир дает команду и все четыре орудия начинают стрелять по этой цели, уничтожая ее.

Неопытный командир батареи или сильно волнующийся от страха будет ошибаться в расчетах и долго пристреливаться, противник поймет, что по нему пристреливаются, и уйдет с этого места. В результате батарея отстреляется по пустому месту. А опытный и мужественный командир батареи пристреляется с пары выстрелов и быстро накроет цель огнем всей батареи, нанеся противнику большой ущерб.

Мужество артиллеристам, корректирующим огонь, нужно вот для чего. Противник, видя, что по нему ведет огонь артиллерия, начинает охотиться за НП командира батареи или за артиллерийскими наблюдателями, и даже если сразу не найдет их, то начинает своими орудиями обстреливать все места, на которых может находиться НП. Делается это для того, чтобы осколками порвать телефонную линию, тогда командир батареи вынужден будет связываться с батареей по радио. А радио противник быстро запеленгует и будет бить уже точно по НП. То есть командир батареи должен иметь достаточно мужества, чтобы в условиях постоянно рвущихся вокруг снарядов противника наблюдать за полем боя, точно рассчитывать данные для стрельбы своей батареей и давить противника огнем своей батареей, не оставляя свою пехоту или танки без артиллерийской поддержки.

Теперь об опыте Первой мировой.

Первая мировая война закончилась позиционным тупиком. Армии воюющих сторон зарылись друг против друга в землю, отгородились колючей проволокой, отрыли сплошные траншеи в несколько рядов, порою на много километров в глубину, в ряде случаев построили целые подземные города, проведя в них узкоколейные железные дороги. Чтобы прорваться сквозь эти укрепления, требовалось артиллерией их разрушить и уничтожить обороняющихся.

В чем заключалась работа артиллерийских командиров – «стреляющих»? Батареем и дивизионам назначалась площадь, на которой нужно было полностью уничтожить укрепления врага, скажем, 100 метров по фронту и два километра в глубину. Эта площадь была хорошо видна, командиры батарей и дивизионов («стреляющие») быстро пристреливали ее границы, делали расчеты для ведения огня, и на этом их работа заканчивалась. Поскольку после этого орудия на позициях открывали огонь с неизменными установками прицелов и стреляли, пока хватало снарядов или пока на заданной площади не будет перемешана земля с колючей проволокой, бревнами, оружием и трупами противника. После этого данную площадь занимала

своя пехота, по которой, в свою очередь, открывала огонь артиллерия противной стороны, и работа ее командиров была точно такой же.

К началу первого сражения под Верденом, в феврале 1916 г., немцами было сосредоточено 1225 орудий и израсходовано 14,5 млн снарядов, обе стороны потеряли в этом сражении 1720 тыс. человек. Англо-французы на реке Сомме, в июле 1917 г., сосредоточили 3933 орудия и потеряли от встречного немецкого огня 739 тыс. человек.

У артиллеристов была и еще одна задача – уничтожение артиллерии противника. Поскольку его орудия не были видны, не были видны и разрывы своих снарядов в районе вражеских батарей, то различными способами определялся район нахождения этих орудий. После этого делались расчеты границ площади этого района и велся огонь не конкретно по пушкам, а по площади, на которой находились батареи противника. От этого огня батареи противника либо уничтожались, либо подавлялись, то есть прекращали вести огонь, и противник перевозил орудия на другое место.

Таким образом, нарабатанный к концу Первой мировой войны прием применения артиллерии – тактика артиллерии – это артподготовка перед атакой пехоты и огонь по площадям. Разумеется, были случаи, когда требовалось уничтожить одиночную цель, скажем, пулемет, но стрелять по ней одной пушкой было разумно, когда на фронте затишье и у командира батареи есть время потренироваться в артиллерийском искусстве. Но во время боя такого времени нет, тут разумнее забросать снарядами всей батареи площадь, на которой находится этот пулемет, чтобы как можно быстрее его уничтожить или подавить и не дать ему наносить вред своей пехоте.

Вот это и есть достижение артиллерийской науки и практики конца 1918 года.

Сколько нужно «стреляющих» для реализации такой тактики? Одного командира батареи со связистами на наблюдательном пункте вполне достаточно, и даже одного командира дивизиона хватит, чтобы своевременно пристрелять батареи и подготовить данные для огня всех трех батарей своего дивизиона по заданной площади.

Артиллерийская тактика «блицкрига»

Но немцы, продумывая тактику своего «блицкрига» – молниеносной войны, – начисто отказались от мысли вести войну позиционно. Даже если противник засядет на позициях, то предполагалось быстро найти слабое место в его обороне и прорвать ее, немедленно вводя в прорыв крупные силы.

И вот эти вошедшие в прорыв силы должны были действовать в отрыве и от основных сил, и от баз снабжения, а это принципиально важно, чтобы понять образ мысли немецких генералов. Ведь тут возникают два момента.

Во-первых, введенная в прорыв дивизия везет с собою только боекомплект. Я как-то писал, что долго не мог понять, что это такое – боекомплект? По советским данным можно выяснить количество артиллерийских выстрелов или патронов, составляющих боекомплект, но из каких соображений выбирается это количество? И только у немцев прочел, что боекомплект – это количество огнеприпасов, достаточное для двух суток боя в окружении. То есть немцы, разрабатывая тактику боев блицкрига, безусловно осознавали, что воевать придется в условиях недостатка боеприпасов. (Вы этот страх можете увидеть даже в воспоминаниях помянутых ветеранов-пехотинцев. Они хвалят и свой пулемет МГ-42, и штурмовое ружье за скорострельность и одновременно жалуются на них за большой расход патронов.) И уже только из этих соображений немецким генералам требовалось отказаться от артиллерийского огня по площадям – от тактики 1918 года.

Во-вторых, в глубине вражеской обороны уже не было сплошных линий укреплений, огневые средства противника были разбросаны и представляли собою точечные цели, в лучшем случае это был батальонный или ротный район обороны. И накрывать огнем всей батареи каждую точечную цель было неразумно. Ведь пока вся батарея работает по одному пулемету, остальные пулеметы противника работают по твоей пехоте. Разумно было вести огонь сразу по как можно большему количеству точечных целей.

Таким образом, разрабатывая тактику артиллерии для блицкрига, немцы волей-неволей обязаны были отказаться от огня по площадям, вернее, только от огня по площадям. Отказаться в пользу точной стрельбы по одиночным целям. И тут возникают следующие вопросы.

Во-первых, вопрос обнаружения целей на поле боя. Это непросто. В свое время в «Дуэли» мы публиковали рассказы ветеранов под рубрикой «Только один бой», и мне вспоминается рассказ командира 76-мм орудия ЗИС-3, выдвинутого в боевые порядки наступающей пехоты для ее поддержки прямой наводкой где-то уже в 1944 году. Пехоту заставил залечь немецкий пулемет, который стрелял и по орудию. Ни пехота, ни артиллеристы с час не могли обнаружить, откуда он стреляет, пока по колебанию ветки не обнаружили, за каким кустом спрятался немецкий пулеметчик, и одним выстрелом его уничтожили. Таким образом, для тактики блицкрига необходимо было резко улучшить разведку (обнаружение) целей, а для этого увеличить количество наблюдателей в батарее, соответственно распределив их по фронту – по пехотным ротам. Кроме этого, нужно было усилить наблюдателей средствами разведки.

Во-вторых, наблюдателей нужно обеспечить связистами и связью с командиром батареи, а связистов лошадьми, мотоциклами или иной техникой.

В-третьих, командир батареи лично может корректировать огонь только по одной цели, кроме того, ему могут быть просто плохо видны разрывы снарядов у других целей. Следовательно, в батареях нужно увеличить число тех, кто может самостоятельно корректировать огонь, – «стреляющих».

В-четвертых, на самой батарее старший по батарее может не успевать получать данные от наблюдателей и командира батареи, обрабатывать их и давать команды, следовательно, нужно увеличить количество соответствующих специалистов и на позициях батареи.

Все это приводит к одному – если генералы разрабатывают тактику для такого боя, для такой вот молниеносной войны, то они резко увеличат штат людей артиллерийских полков своих дивизий, но об этом несколько позже.

Технически организация немцами артиллерийского огня артполком пехотной дивизии выглядела так.

На главном наблюдательном пункте (Haupt-B-Stelle) находился командир батареи, офицер-наблюдатель, унтер-офицер наблюдатель и унтер-офицер, управляющий огнем, командир секции связи, а также телефонисты и радисты, поддерживающие связь с орудиями. С наблюдательного пункта командир батареи управлял огнем орудий батареи.

Командиры батарей, самостоятельно и по заданию командиров пехотных подразделений, проводили пристрелку целей, участков и рубежей заградительного огня. О пристрелянных целях, участках и рубежах заградительного огня докладывалось командиру дивизиона, который в свою очередь сообщал эти данные в полк. Командир артиллерийского полка и командиры дивизионов, исходя из боевой обстановки, назначали для батарей дополнительные участки и рубежи заградительного огня. Этим достигалась возможность сосредоточения мощного огня на вероятных направлениях атак и контратак противника. В этом нет ничего нового, такое было, скажем, и в РККА, но немцы только этим не ограничивались.

У них были еще и передовые наблюдатели, обычно в чине лейтенанта, вахмистра или опытного унтер-офицера. Они находились в траншеях вместе с пехотой. Наблюдателя сопровождали радисты или телефонисты (командир, два телефониста, коновод, выучная лошадь с барабаном кабеля). Передовой наблюдатель сопровождал пехотную роту в наступлении и в обороне, он передавал на НП командира батареи донесения о действиях противника, целях и расстоянии до них, управлял огнем и докладывал о результатах стрельбы.

Наши ветераны из тех, кто профессионально мог оценить события, воспоминания немцев подтверждают. Вот выше немецкий ветеран утверждал: *«Когда атаковал, к примеру, батальон русских, вся артиллерия стреляла по нему»*. А вот генерал-лейтенант И. Толконюк вспоминает, как в 1943-м он, начальник оперативного отдела 33-й армии, был послан командующим армией проконтролировать разведку боем, проводимую как раз силами батальона:

«Под прикрытием 10-минутного артиллерийского налета батальон выбрался из траншеи и устремился к высоте. Залп дивизиона «М-20» ошеломил противника, хотя устрашающие взрывы непривычных снарядов рассеялись на большой площади и объекту атаки большого вреда не причинили. Противник вскоре пришел в себя, сориентировался и встретил атакующих губительным огнем. Батальон залег в нейтральной полосе на открытой местности. Вслед за этим, сосредоточив огонь двух артдивизионов с соседних участков, немцы обрушились на нашу траншею: 105-миллиметровые снаряды ложились настолько точно и кучно, что траншея стала сплошь обваливаться и сравниться с землей. Мы с Шуруповым наблюдали из открытой траншеи и, когда она начала засыпаться, пошли по ней в поисках укрытия: я пробирался впереди, а Шурупов следом за мной. Как только я поравнялся со связистом, прижавшимся к телефонной трубкой в руке к стенке изуродованной траншеи, в него попал снаряд, превратив в брызги. Меня оглушило и отбросило метров на 10 вдоль траншеи, обдав кровью и липкими хлопьями разорванного тела солдата. Шурупова присыпало землей. Я руками с большим трудом освободил голову товарища из-под земли; он не подавал признаков жизни. Налет продолжался минут 10 и внезапно оборвался, все стихло. Батальон, потерявший десятки бойцов убитыми и ранеными, отполз в исходное положение и приступил к откапыванию траншеи».

Давайте обдумаем это сообщение Толконюка. Наш батальон атаковал, в лучшем случае, немецкую роту, а скорее всего, позиции одного или двух немецких пехотных взводов – на фронте вряд ли больше 500 м. И наша, и немецкая артиллерия вели огонь по 10 минут. Причем наша артиллерия не сумела подавить огневые средства немцев даже на то короткое время, которое требовалось нашему батальону, чтобы добежать до немецкой траншеи. А

немцы немедленно сосредоточили в защиту этого своего взвода огонь половины своей дивизионной артиллерии – огонь орудий, расположенных по фронту минимум в 5 км. Причем били не по площадям, а точно по нашей атакующей пехоте и по нашей траншее.

У немцев, кроме передовых наблюдателей, огонь батарей обеспечивали и батареи инструментальной разведки целей, эти батареи разведывали цели и давали возможность пристреляться по не видимым с НП целям на глубину 7—10 км в тылу противника. Эта разведка давала возможность немцам не просто подавить, а уничтожить не видимую с НП вражескую батарею, находящуюся на закрытой позиции, с расходом для 150-мм орудий – 180 снарядов и для 105-мм орудий – 240 снарядов. (Миддендорф Э. Русская кампания. Тактика и вооружение.) А по довоенным справочным данным, артиллерийским полкам РККА для подавления на закрытой позиции артиллерийской батареи противника методом огня по площадям требовалось не 180, а от 400 до 700 снарядов 152-мм гаубиц. А 700 снарядов 152-мм гаубицы – это более 32 тонн только стали и взрывчатки, не считая зарядов. Это весь боекомплект двух гаубичных батарей.

Технические и количественные аспекты артиллерии

Надо бы сравнить расход боеприпасов нашей и немецкой артиллерии, но это пока непросто сделать. Вот автор статьи «Боеприпасы»⁵ собрал многочисленные данные по этому вопросу, но они по периодам войны несопоставимы. Скажем, он сообщает, что немцы за первый год войны с СССР (то есть до 22.06.42) израсходовали на Восточном фронте 440,1 тысячи тонн только артиллерийских боеприпасов. Считая по вагонам все боеприпасы, поставленные в действующие армии Красной Армии за первые полтора года войны (с 22.06.41 г. по 19.11.42 г.), он приходит к выводу, что их поставлено не менее 2 млн тонн. (В структуре боеприпасов более половины составляли артвыстрелы.) С одной стороны, к немецкому расходу нужно приплюсовать расход артиллерийских боеприпасов румын и финнов, но и с нашей стороны нужно учесть какую-то часть советского довоенного запаса боеприпасов в 2,3 млн тонн, который в большей части уже находился на складах западных округов и его не требовалось везти в войска вагонами. Из этого запаса был потерян миллион тонн, тем не менее и оставшееся число в 1,3 млн тонн существенно. А по итогам войны этот автор сообщает данные официальных советских источников: «на Восточном фронте германские войска израсходовали меньше боеприпасов, чем советские (5,6 млн т против 8,0 млн т)».

Но по расчетам, сделанным по данным, опубликованным А. Исаевым, это несколько не так, особенно если брать начальный период войны и делать сравнение только полевой дивизионной и корпусной артиллерии (без полковой, береговой и корабельной). В 1942 году немцы до поздней осени успешно наступали на всех театрах военных действий, и в этом году их дивизионная и корпусная артиллерия израсходовали 24 470 тысяч штук снарядов, калибром от 75 до 210 мм. Разумеется, к этому количеству нужно добавить неизвестное мне количество снарядов, выпущенное на Восточном фронте такой же артиллерией союзников немцев, но временно вычтем также неизвестный мне расход снарядов немцами на других театрах военных действий (на тот период – тремя немецкими дивизиями в Африке). С учетом этих плюсов и минусов допустим, что на Восточном фронте части дивизионной и корпусной артиллерии израсходовали 24,5 миллиона штук снарядов и мин.

В том же 1942 году, когда эвакуированная промышленность СССР еще не развернулась на полную мощность (к примеру, из 65 заводов, входивших в систему Наркомата боеприпасов, 45 подлежали эвакуации), советская дивизионная и корпусная артиллерия (вместе с артиллерией РГВК), испытывая дефицит и снарядов, и потерянных орудий, выпустила по врагу 18,2 миллиона штук снарядов – уже меньше, чем немцы. Но тут есть еще два нюанса.

Во-первых, из этих 18,2 миллиона штук снарядов советской корпусной и дивизионной артиллерии 10,7 миллиона (почти 60 %) были снарядами 76-мм пушек. Весили 76-мм снаряды в среднем 6,2 кг, то есть мощность этих снарядов и, соответственно, их опасность были и так не очень велики.

Мало этого, 76-мм системы стреляли выстрелами унитарного заряжания, в которых невозможно изменить заряд, соответственно при стрельбе на небольшие расстояния эти снаряды падали под острым углом к земле и основная масса даваемых ими осколков уходила в землю и вверх.

Кроме этого, этими снарядами трудно было достать противника за укрытиями местности – в балках, на обратных скатах высот. Малоэффективны были эти снаряды и для разрушения мало-мальски укрепленных позиций.

Чистый вес снарядов, выпущенных советской дивизионной и корпусной артиллерией в 1942 году, можно оценить в 285 тысяч тонн.

---

⁵ <http://www.proza.ru/2009/05/12/1124>

У немцев в дивизионном и корпусном звене вообще не было артсистем унитарного заряжания – все их орудия могли посылать по противнику снаряды под крутым углом, при таком падении на землю основная масса осколков от этих снарядов летела над землей и была опасной на большом расстоянии от взорвавшегося снаряда. Разумеется, стреляя по крутой траектории, немецкие орудия могли достать противника за основной массой естественных укрытий, мало этого, минимальный вес снаряда дивизионной и корпусной артиллерии немцев был 14,8 кг, то есть более чем в два раза превышал вес снаряда советской 76-мм пушки.

И чистый вес всех немецких снарядов, выпущенных их дивизионной и корпусной артиллерией в 1942 году, оценивается в 522 тысячи тонн – чуть ли не в два раза больше, чем вес снарядов, посланных в сторону немцев советской артиллерией.

Эти технические аспекты немецкой артиллерии объясняют, почему немцам хватало для наступления 40 стволов на километр фронта, почему, к примеру, Манштейн безо всяких танковых соединений, одними пехотными дивизиями занял Крым, прорвавшись через сильнейшие позиции советских войск на Перекопе и у села Ишунь. Снаряды немецкой артиллерии были таковы, что никакие полевые укрепления не помогали.

Немцы стреляли по целям, мы – по площадям, на которых находятся (или предполагаются) цели, – по квадратам на карте. Помните, как у К. Симонова: «По квадрату четыре-десять было шесть батарей». «Четыре-десять» – это квадрат, образованный сеткой карты.

Мало того что основная масса советских снарядов сильно уступала в мощности немецким, но хотя бы таких снарядов было много! Так ведь и этого не было: на каждые три советских снаряда, весом среднего снаряда в 15 килограммов, в 1942 году немцы отвечали четырьмя, весом среднего снаряда в 21 килограмм. Ну, куда было еще и по квадратам стрелять?

А ведь мы стреляли по квадратам очень долго.

Вот 14 января 1944 года, Волховский фронт, Новгородско-Лужская наступательная операция. Вспоминает командир батальона связи 2-й стрелковой дивизии А.В. Невский: *«Едва я успел доложить генералу о выполнении приказа, как началась артиллерийская подготовка, загрелся «бог войны». Такой музыки мы никогда не слышали, длилась артподготовка 1 час 50 минут. За огненным валом пошла пехота, связисты потянули провода. Пробираясь приходилось в буквальном смысле по выжженной земле. Наша артиллерия перепыхала всю немецкую оборону, как по фронту, так и в глубину на 6 км. В этой полосе не осталось даже следа от проволочных заграждений, дотов, дзотов или окопов. Понятно, что не увидели мы и ни одного немца». А как так? Куда немцы подевались? А если их тут изначально не было, то зачем почти два часа молотили артиллерией по этому месту?!*

Дело в том, что когда немцы поняли, что у советских артиллеристов тактика 1918 года, они немедленно нашли противоядие этой тактике, а возможно, заранее его разработали. Когда наша артиллерия сосредотачивалась у места прорыва (а незаметно сосредоточить 1000 стволов на километр фронта нельзя) и немецкая разведка определяла время начала нашей артподготовки, то немцы просто бросали первую линию своей обороны (временно оставляя на ней на ночь перед нашим наступлением дежурных пулеметчиков, отходивших с началом нашей артподготовки). Немцы отводили свои войска на вторую линию обороны, находящуюся вне досягаемости нашего артиллерийского огня. Ведь выше немец вспоминал: *«Мы сидели в бункере, во второй линии, с первой нас уже выжгли»*. Заметьте – не разгромили и даже не выбили, а выжгли.

Итак, наша артиллерия в ходе артподготовки по площадям расходовала снаряды по пустому месту, и когда наши пехота и уже растратившая снаряды артиллерия приближались ко второй линии обороны, немцы контратаковали их с флангов в чистом поле, порою возвращая себе и первую линию обороны.

Нельзя сказать, что все наши генералы этого не понимали. К примеру, маршал Тимошенко уже в 1941 году, прорывая оборону немцев под Ростовом, уторм перед началом наступ-

ления послал разведку и убедился, что немцы уже оставили первую линию обороны и отошли на вторую. Тимошенко отменил артподготовку, выдвинул артиллерию с нерастраченным боезапасом ко второй линии обороны немцев, и хотя и у него тактика артиллерии оставалась та же, но немцы тут были. И артиллерия Тимошенко перепахала оборону немцев вместе с немцами, а войска Тимошенко вышли немцам в тыл, заставив их оставить Ростов и отступить, бросив массу танков и боевой техники. А вот такие военные гении, как Г. Жуков, этого не понимали, но о Жукове ниже, а сейчас приведу момент из воспоминаний генерала А.В. Горбатова.

Вот немецкий офицер сообщает свое видение причин тупого уничтожения советской пехоты советскими генералами под Киришами на Волховском фронте: *«Но Сталин приказал, и они снова и снова наступали. Огромное количество людей там погибло»*. Сталин приказал?! Нет, Сталин приказывал другое. Вот Горбатов делится своими, так и не разрешенными вопросами той войны (выделено мною. – Ю.М.).

«Ставка Верховного Главнокомандования своим письмом от 10 января 1942 года требовала не давать немцам передышки, сосредоточенными силами, с превосходством над противником в три-четыре раза, взламывать их оборону на большую глубину, обеспечивая наступление артиллерией, – и не только артподготовкой, но и мощной артиллерийской поддержкой в ходе всего наступательного боя.

Письмо Ставки содержало глубокий смысл и содействовало бы успехам, если бы точно выполнялось все, что в нем было указано. Но мы по-прежнему получали приказы, противоречащие требованиям письма, а поэтому не имели успеха. Трудно объяснить, почему поступали такие приказы даже от командарма, о котором я был хорошего мнения.

В той обстановке естественно было, чтобы командир дивизии сам выбирал объекты для частных операций, сам определял силы отряда и время для нападения с использованием внезапности. В таких случаях противник имел обычно потери в два, три, а то и в четыре раза большие, чем мы. Другое дело, когда тебе издадека все распишут и прикажут захватить 17 января – Маслову Пристань, 19 января – Безлюдовку, 24 января – Архангельское и т. д., с указанием часа атаки, определяют силы (к тому же не соответствующие ни задаче, ни твоим возможностям). В этих случаях результат почти всегда бывал один: мы не имели успеха и несли потери в два-три раза большие, чем противник.

Особо непонятными для меня были настойчивые приказы – несмотря на неуспех, наступать повторно, притом из одного и того же исходного положения, в одном и том же направлении несколько дней подряд, наступать, не принимая в расчет, что противник уже усилил этот участок. Много, много раз в таких случаях обливало мое сердце кровью... А ведь это был целый этап войны, на котором многие наши командиры учились тому, как нельзя воевать и, следовательно, как надо воевать. Медленность, с которой усваивалась эта наука – как ни наглядны были кровавые примеры, – была результатом тех общих предвоенных условий, в которых сложилось мышление командиров».

Теперь о командарме, о котором Горбатов «был хорошего мнения», и, видимо, не один он. В зиму на 1942 год под Харьковом 226-я дивизия под командованием А. Горбатова входила в 38-ю армию генерал-майора В. Цыганова, офицера царской армии еще с 1916 года. В. Цыганов в 1933 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1939 года он начальник кафедры Военно-хозяйственной академии РККА в Харькове, а с февраля 1941 года начальник факультета в той же академии. С 1941 года кандидат военных наук. Ученый! Теоретик! Учил других, как воевать, и сам воевал на местности, хорошо ему знакомой с 1937 года.

Сняли Цыганова с командования армией за такое командование. Кореша по генеральской мафии устроили его заместителем командующего Московским военным округом по вузам. Учил других воевать по науке.

Немец пишет, что это Сталин гонял пехотинцев в бесплодные атаки с одного и того же направления. Нет, не Сталин. Их посылали на убой наши выдающиеся генералы-теоретики. Стратеги!

Хочу немного вернуться к результатам анализа Лена Дейтона в части того, что советская артиллерия была на уровне 1918 года, но уже с позиций расхода огнеприпасов.

Не хочется отвечать Дейтону: «Сам дурак!» – но кое-какие соображения выскажу. Строго говоря, британская армия одерживала победы над немцами исключительно в случае существенного превосходства в силах и, главное, в огневых средствах. Немцев с позиций сбивал огневой вал британской артиллерии и удары союзной авиации, а потом эти позиции занимали танки и пехота. Разумеется, не всегда так получалось, как задумывалось, но именно это и есть «уровень артиллерии Второй мировой» по-британски.

Сравним две битвы той войны – Курскую и под Аль-Аламейном. В Курской битве соотношение сил советских и немецких войск 1,3 миллиона против 0,9 миллиона. В битве при Аль-Аламейне 220 тысяч британских против 115 тысяч итало-немецких.

Красная Армия в этой битве израсходовала 14 миллионов снарядов и мин, из которых количество собственно снарядов всех видов артиллерии (от полковых до танковых пушек) можно оценить в 6,3 миллиона. Под Аль-Аламейном англичане только дивизионной артиллерией (25-фунтовые гаубицы-пушки) выпустили по итало-немецким войскам 1,5 миллиона снарядов весом 11,3 кг. В результате для выведения из строя 1 солдата противника (помимо огня пехоты и ударов авиации) Красная Армия затратила около 13 собственно снарядов всех видов, а англичане – 49 только снарядов дивизионных 25-фунтовок.

По подсчетам того же Дейтона, семь из восьми немецких дивизий воевали на Восточном фронте. Тут же были и все румынские, финские, словацкие и венгерские дивизии, европейская добровольческая сволочь, свои предатели и значительная часть итальянских вооруженных сил. В Красной Армии дивизионная артиллерия вооружалась 76-мм пушками, но ими же вооружалась противотанковая и танковая артиллерия, в разные годы разной и численностью дивизионная артиллерия вооружалась 122-мм и 152-мм гаубицами, но этими же гаубицами вооружалась корпусная артиллерия и артиллерия РГК. Так вот, все, а не только дивизионные, 76-мм пушки, 122-мм и 152-мм гаубицы за 1942–1945 годы (по 1941-му нет данных) и на 7 из 8 немецких дивизий с союзниками израсходовали 85,5 миллиона снарядов. А только британские дивизионные 25-фунтовки на свою долю из каждой одной из восьми немецких дивизий (были же еще и американцы) за войну расстреляли 84 миллиона снарядов.

То есть, если бы в Первую мировую войну противостоящие англичанам немцы тоже были материально настолько слабы, как во Вторую, то и в Первую мировую войну эта тактика англичанами была бы применена, ведь они и тогда без большой радости посылали пехоту на неподавленную оборону. То есть во Второй мировой войне англичане не показали ничего, чем бы стоило особенно гордиться как вершиной военной мысли, что, правда, никак не возвышает советскую военную мысль. Тем не менее соотношение потерь, приведенное Дейтоном, заставляет задуматься над причиной этого факта.

Тактика в числах

Напомню, вся эффективность немецкой артиллерийской тактики блицкрига обеспечивалась дополнительными людьми в артиллерийских батареях, дивизионах и полках немецкой артиллерии – всеми помянутыми выше лейтенантами, вахмистрами и унтер-офицерами. А их, кстати, надо было не только обучать, но и обеспечивать биноклями, стереотрубами, приборами звуковой разведки, радиостанциями, телефонными аппаратами, телефонным кабелем, средствами передвижения.

Сравним штаты батарей и дивизионов артиллерийских полков советских и немецких дивизий, тем более что гаубичные батареи и дивизионы советских артиллерийских полков имели столько же орудий и примерно такого же калибра, как и немецкие – по 12 орудий в дивизионе, по 4 в батарее, у немцев 105-мм и 150-мм калибра, у нас 122-мм и 152-мм калибра.

По штатам от 14.08.1939 года, при которых в дивизии было всего 8,9 тысячи человек (штаты дивизий советско-финляндской войны), в батарее 122-мм гаубиц гаубичного артиллерийского полка стрелковой дивизии был 71 человек, в дивизионе – 254 человека. В батарее 152-мм гаубиц были по штату те же 71 человек, в дивизионе – те же 254.

По штатам от 5 апреля 1941 года (с которым встретили Великую Отечественную) в батарее 122-мм гаубиц гаубичного артиллерийского полка стрелковой дивизии было 80 человек, в дивизионе – 346 человек. В батарее 152-мм гаубиц были по штату 89 человек, в дивизионе – 353.

Как следует из воспоминаний генерала В.С. Петрова, прибывшего накануне войны лейтенантом на службу в уже приведенный в боевую готовность 92-й отдельный артиллерийский дивизион, вооруженный 152-мм гаубицами, дивизион имел численность в 650 человек. Но это была уже артиллерийская часть, а не подразделение, по сути, маленький полк с батареей управления (которая в дивизионной артиллерии была только в полку), учебной, парковой батареями, транспортной ротой и своими ремонтными и интендантскими службами. Как бы то ни было, но даже при такой численности дивизиона Петров не упоминает ни о каком тесном взаимодействии с пехотой, ни о каких передовых наблюдателях – стрелял только командир батареи.

После оставления немцам огромного количества накопленных до войны артиллерийских орудий иметь в дивизии два артиллерийских полка уже было невозможно. Был оставлен один артполк сокращенного и смешанного состава. По воспоминаниям артиллериста П. Михина, 1028-й артиллерийский полк 52-й стрелковой дивизии, в котором автор начал воевать в июне 1942 года, имел в своем составе три дивизиона:

«I дивизион. 300 человек. Три батареи: две пушечные 76-мм – по 4 орудия, и одна гаубичная 122-мм – 4 гаубицы. Взвод управления: отделение разведки и отделение связи. Еще хозяйственный взвод.

II дивизион. Такой же.

III дивизион. Только две батареи: одна 76-мм – 4 орудия и одна 122-мм гаубичная – 4 гаубицы.

Плюс все обслуживающие подразделения.

Всего в полку 8 батарей с орудиями. 9-я батарея называется штабной, в ней нет орудий, она обслуживает штаб полка: связь, разведка и т. д.

Артбатарея – 80 человек, состоит из двух огневых взводов, в каждом из которых по два орудия, и взвода управления(управленцы), в нем два отделения: отделение связи – 10 связистов и отделение разведки – 10 разведчиков. И еще есть хозяйственный взвод: транспорт, кухня, имущество».

А теперь сравните: к нападению на СССР у немцев в батарее 105-мм гаубиц дивизионной артиллерии было 171 человек, а в дивизионе 609 человек. У немцев в батарее 150-мм гаубиц дивизионной артиллерии было 194 человека, в дивизионе – 678 человек.

Разница разительна!

И я не встречал в воспоминаниях уцелевших командиров наших стрелковых рот и батальонов, чтобы им помогали вести бой артиллерийские наблюдатели. Артиллерия Красной Армии воевала как-то сама по себе.

Если же у нашей пехоты была связь с артиллерией, то положение выравнивалось. Опять обопрись на воспоминания Толконюка. У него начались трения с командующим 33-й армией Гордовым, и тот его с понижением в должности отправил командовать 620-м полком, входившим в состав 164-й дивизии, безуспешно пытавшейся взять село Губино и практически обескровленной в этих атаках, в которых погиб и командир 620-го полка.

«В полку оказалось, без учета тыловых подразделений, 130 человек, две 45-мм пушки па конной тяге, два станковых пулемета и две малочисленных минометных роты: 6 82-мм и 4 120-мм миномета».

Еще его полку был придан дивизион 122-мм гаубиц. Толконюку удалось выполнить задачу дивизии маневром этих малочисленных сил своего полка, но дальше он показал в своих воспоминаниях роль артиллерии.

«Обойдя Губино слева перед рассветом, полк внезапно захватил его после короткого боя почти без потерь: немцы, боясь оказаться в окружении, оставили Губино без серьезного сопротивления. Дальше лежала местность открытая, и путь полку преграждала плоская безымянная высота, прочно удерживаемая противником.

Мне оборудовали НП в поспешно вырытом окопе впереди рва, установив стереотрубу для безопасного наблюдения за полем боя. В это время из-за высоты показываются три самоходки и открывают огонь. Они бьют по моему НП, где вправо и влево от меня во рву залег весь полк. Самоходки били настолько точно, что небольшой впереди меня бруствер пронизывали очень точно; снаряды, продырявив бруствер, ложились позади рва и там рвались. Некоторые попадали в ров. Я даже разглядел, как иной остроконечный снаряд, упав в ров, некоторое время вертелся на месте и через какое-то мгновение разрывался, обдавая нас осколками. Один снаряд угодил в мою переносную радиостанцию, убил радиста и выбил микротелефонную трубку из моей руки, оглушив меня так, что из ушей брызнула кровь, и я некоторое время был совершенно глухим. Огонь нашего гаубичного дивизиона вскоре вынудил самоходки отползти назад и укрыться за высотой.

И вот я замечаю в стереотрубу накопление немцев впереди справа: выдвигаются из леса и становятся на прямую наводку шесть орудий, разворачиваются в боевой порядок до батальона, а это значит человек 500 пехоты, три танка. Видно, немцы решили нас контратаковать, чтобы вернуть себе Губино. Я отдавал себе отчет, что отбить контратаку наличными силами, когда она начнется, невозможно. Надо было ее сорвать. Это можно сделать только артиллерией и минометами, благо снаряды и мины были в достатке.

Расположив во рву возле себя, вопреки всяким правилам, обе минометные батареи, ставлю им конкретную задачу: беглым огнем выпустить на каждый миномет соответственно – 82-мм мин по 30, а 120-мм по 15, сосредоточив налет по центру готовившегося к контратаке противника. Туда же обрушиться и 122-мм гаубичному дивизиону. Минометчики разделись до пояса, чтобы легче было работать в жару, и приступили к делу. Одни подносили мины, другие опускали их в дуло. Мины и снаряды ложились в самую гущу группы фашистов. За каких-то 10 минут немцы были рассеяны; на месте остались шесть изуродованных и брошенных при-слугой орудий, не сделавших ни одного выстрела. Замысел удался. Контратака не состоялась. Оценив роль минометчиков и артиллеристов, спасших полк от уничтожения, я с удовлетворением объявил им благодарность».

Вы спросите, а где же здесь передовые артиллерийские наблюдатели? Дело в том, что Толконюк по своей первоначальной воинской профессии и службе был артиллеристом, посему сам весь огонь артиллерии и организовал – он сам был таким передовым наблюдателем.

Дополню уже начатое сравнение в числах тактик артиллерии. Трудно сказать, рассчитывали ли немцы, сколько снарядов им надо, чтобы, скажем, подавить пулемет. Ведь если артиллерия стреляет прямо по нему, а корректировщик огня умелый и, главное, видит цель, то, возможно, и не много. Как вы прочли выше у немецкого ветерана, советский командир батареи попал в такую малоразмерную цель, как немецкий блиндаж, с третьего выстрела одним оружием. Но когда артиллеристы стреляют по площадям и им «цель» задают квадратом на карте, то снарядов нужно больше, и в Красной Армии были справочные расходы. На совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 года генерал Павлов эти справочные данные сообщил: для подавления станкового пулеметного гнезда на поле боя расчетное количество 76-мм снарядов – 120 штук или 80 снарядов 122-мм гаубицы. Для подавления пушки на поле боя – те же 70–90 снарядов 122-мм гаубицы.

Это то, что значит «тактика артиллерии 1918 года» в числах. А эффективность ее сообщали выше не только советские, но и немецкие ветераны, которые, как видите, отмечают два периода войны: в первом было совершенно тупое применение артиллерии советским командованием, а во втором периоде войны советская артиллерия уже стала более-менее эффективной.

Вы скажете, что это сообщают какие-то командиры немецких пехотных рот – что они могут понимать в артиллерии! Не скажите, о тупом применении артиллерии говорит и генерал-полковник Гальдер (артиллерист, кстати) в своих дневниках. Но Гальдер написал всего несколько строчек по интересующему меня в данной теме эпизоду, поэтому придется его объяснять отдельно.

Ельнинская операция 1941 года

В выдающийся подвиг маршалу Жукову записано временное освобождение города Ельни в 1941 году. Советская энциклопедия «Великая Отечественная война» повествует об этом подвиге маршала Жукова так:

«ЕЛЬНИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1941, наступат. операция войск 24-й А Резервного фр., проведенная 30 авг. – 8 сент. в ходе Смоленского сражения 1941 с целью ликвидации т. н. Ельнинского выступа. Ельнинский выступ образовался в сер. июля в результате прорыва 2-й танк. группы пр-ка южнее Смоленска и овладения ею 19 июля г. Ельня. Нем. – фаш. командование планировало использовать этот выступ в качестве выгодного плацдарма для возобновления наступления на Москву. Попытки войск 24-й А (ген. – майор К.И. Ракутин) в июле – авг. ликвидировать Ельнинский выступ успеха не имели, хотя танк. и моторизов. соединения пр-ка понесли серьезные потери (нем. – фаш. командование вынуждено было заменить их пех. соединениями). 21 авг. команд. войсками Резервного фр. ген. армии Г.К. Жуков приказал ген. – майору К.И. Ракутину прекратить наступат. действия и приступить к подготовке более сильного и организованного удара по врагу. Под рук. Жукова штаб фронта разработал план операции, согласно к-рому 24-я А получила задачу встречными ударами под основание выступа окружить и уничтожить ельнинскую группировку пр-ка (4-я А группы армий «Центр») и продолжать наступление на З. Не имея превосходства в силах и средствах кроме артиллерии, войска армии 30 авг. перешли в наступление и прорвали вражескую оборону. Отразив контратаки, войска армии к 4 сент. глубоко охватили осн. силы пр-ка, оборонявшиеся в выступе. Под угрозой окружения пр-к начал отход. 19-я сд ворвалась в Ельню и, взаимодействуя с соседними соединениями, к утру 6 сент. освободила город. Преследуя пр-ка, войска армии продвинулись на З. на 25 км и 8 сент. вышли к рр. Устром и Стряна, где нем. – фаш. войска на заранее подготовленном оборонит. рубеже оказали организованное сопротивление. Успеху армии способствовали наступат. действия войск соседних 16-й и 20-й А Зап. фр. на смоленском и 43-й А Резервного фр. на рославльском направлениях. Е. о. первая наступательная операция в войне. В результате ее войска 24-й А нанесли поражение двум танк., одной моторизов. и 7 пех. дивизиям пр-ка, ликвидировали Ельнинский выступ, угрожавший лев. крылу войск Зап. фр., освободили значит. территорию».

Прославляя Жукова, энциклопедия и недоговаривает, и откровенно лжет.

Немцы заменили танковые дивизии в ельнинском выступе на пехотные не потому, что они понесли какие-то особенно большие потери от Жукова, а потому, что танковые и моторизованные дивизии Гудериана были отправлены на юг для окружения советских войск под Киевом. В связи с таким ослаблением группы армий «Центр» немцы еще в первой половине августа приняли решение вывести свои войска из этого выступа, имеющего размеры где-то 20 км на 20 км. Однако это решение зависело от действий советского командования. 15 августа командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Бок записал в свой дневник: *«Трудно дать окончательный ответ на вопрос, что лучше: удерживать выступ или оставить его. Если русские будут продолжать атаковать выступ, тогда удерживать его невыгодно. Если же они прекратят атаки, что вполне может быть, тогда выступ стоит сохранить, поскольку он не только станет опорным пунктом для наших дальнейших атак в восточном направлении, но и даст возможность обеспечить определенное прикрытие для смоленского железнодорожного узла и шоссейной дороги Смоленск – Москва».*

Энциклопедия сообщает о войсках, предоставленных Жукову: «Не имея превосходства в силах и средствах». Но это откровенная ложь. Только у 24-й армии было 11 дивизий, из которых 2 танковые и 1 моторизованная, да еще у 43-й армии было 6 дивизий, из которых 2 танковые. Немцы считали, что советская дивизия по силе равна 65 % немецкой, таким образом,

даже по такому счету у Жукова было не менее 11 дивизий, даже без учета того, что четверть из них были танковые. Кроме этого, дополнительно к дивизионной артиллерии у Жукова было еще 16 корпусных артполков, полков РГК и ПТО. Согласно схеме в энциклопедии, ельнинский выступ защищали 4 немецкие пехотные дивизии 20-го немецкого армейского корпуса: 137-я, 78-я, 292-я и 268-я. Однако еще 15 августа в дневнике Гальдера запись: «На фронте Гудериана 78-я и 137-я пехотные дивизии отводятся в тыл за дугу фронта у Ельни». То есть ельнинский выступ остались защищать только две немецкие дивизии, и общее превосходство войск у Жукова над немцами было примерно в 5,5 раза.

С другой стороны, Ельня, конечно, уже городок и станция, и освободить ее было бы полезно, но давать Жукову такие крупные силы для такой чепухи, как освобождение маленького городка, ни Сталин, ни Генштаб РККА не стали бы. На самом деле задача Жукова была иной – в п. 2 директивы Ставки ВГК от 25.8.1941 приказывалось: *«Войскам Резервного фронта, продолжая укреплять главными силами оборонительную полосу на рубеже Осташиков, Селижарово, Оленино, р. Днепр (западнее Вязьмы), Спас-Деменск, Киров, 30.8 левобережьем 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: покончить с ельнинской группировкой противника, овладеть Ельней и, нанося в дальнейшем удары в направлении Починок и Рославля, к 8.9 выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи»*.

То есть Жуков должен был артиллерией и пехотой сначала уничтожить немцев в ельнинском выступе и этим сделать прорыв фронта. А затем танковыми дивизиями наступать через этот прорыв на запад, выйти на железную дорогу Смоленск – Брянск (Рославль и Починок – железнодорожные станции на этой дороге) и наступать еще дальше (Хиславичи, Петровичи, это примерно в 100 км на запад от Ельни). Для чего Жукову и давались танковые дивизии.

Жуков полностью и старательно обгадил порученное ему Ставкой ВГК дело и продвинулся только до второго рубежа обороны немцев, который еще с 15 августа оборудовали заранее отошедшие на него 78-я и 137-я пехотные дивизии немцев, то есть продвинулся на запад от Ельни примерно на 15 километров. Почему?

Возможно, на это дает ответ Гальдер, который 5 сентября записал в дневнике: *«Наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. Противник еще долгое время, после того как наши части уже были выведены, вел огонь по этим оставленным нами позициям и только тогда осторожно занял их пехотой. Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования»*.

То есть Жуков по пустому месту расстрелял весь запас снарядов, и вторую линию обороны немцев ему уже нечем было прорывать. Кстати, сразу за этим описанием подвига Жукова Гальдер сделал запись: *«На участке 8-го армейского корпуса (9-я армия) противник снова начал яростные атаки в стиле крупных сражений, характерных для (первой) мировой войны»*.

А начальник артиллерии Красной Армии генерал-полковник Н.Н. Воронов в своем докладе Сталину сообщал о применении многочисленной артиллерии, выделенной Жукову, под Ельней:

«Артиллерия занимала удаленные огневые позиции и наблюдательные пункты и почти не имела передовых наблюдательных пунктов в передовых частях пехоты. Крайняя недостаточность средств связи в артиллерии ряда дивизий (утрачено в предыдущих боях) ставила под угрозу управление огнем дивизионов и групп и вынуждала прибегать к пользованию плохо налаженной связью пехоты. Общее стремление сидеть в убежищах, землянках и т. д. не способствовало живому руководству. Многие командиры батарей, из числа недавно назначенных, были плохо подготовлены к стрельбе. Плохо организованное наблюдение мало давало данных о противнике, его огневых точках, инженерных сооружениях и т. д. Батареи много расходовали снарядов, стреляя по «надуманным заявкам пехоты», по прямым приказам пехотных, общевойсковых и старших артиллерийских командиров, часто без всякой пользы для дела, а лишь для успокоения нервов. Артиллерийская обработка рубежа проводилась, но нужных результа-

тов не достигали. Каждый день повторяли одно и то же, ложных переносов огня не применяли и приучили противника к нашим действиям по шаблону».

То есть расхожий афоризм: «Генералы всегда готовятся к прошедшим войнам», – это про Жукова и таких, как он.

После подвигов у Ельни и обороны Ленинграда, который немцы накануне приезда Жукова в Ленинград отказались штурмовать, Г.К. Жуков с октября 1941 года по август 1942 года командовал Западным фронтом. И все это время (за исключением небольшого промежутка весной 1942 года) у него начальником штаба был В.Д. Соколовский, причем именно при Жукове, в июне 1942 года, Соколовский стал генерал-полковником. И надо полагать, что их дружная работа объяснялась полным единством их взглядов на то, как надо воевать – на тактику. А с февраля 1943 года по апрель 1944 года Соколовский сам командовал Западным фронтом. И надо сказать, что под командованием Жукова и Соколовского Западный фронт безмерно потреблял людские и материальные ресурсы, добиваясь неизменно убогого результата.

В конце концов в августе 1943 года Сталин сам выехал в штаб Западного фронта, но военные профессионалы, надо думать, сумели повесить на уши своему главнокомандующему лапшу «объективных причин», и оргвыводов не последовало. Вернее, Сталин послал на Западный фронт членом военного совета Мехлиса, но убогость действий фронта продолжалась.

Полковник и Сталин

Судя по датам, в конце марта или в самом начале апреля Сталин получил с фронта письмо, посланное с явным нарушением субординации.

«Начальник оперативного отдела штаба 33-й армии полковник Толконюк Илларион Авксентьевич. Действующая армия 30 марта 1944 года.

Верховному главнокомандующему Маршалу Советского Союза товарищу Сталину.

Анализируя неудачно проведенные операции 33-й армией за последние месяцы и учитывая, что целый ряд причин успеха и бесполезного расходования сил и средств до Вас не доходит, считаю своим долгом поделиться с Вами своими наблюдениями и выводами и внести ряд предложений, если они окажутся полезными для нашего великого дела в нынешней войне.

Я обращаюсь к Вам исключительно потому, что убедился непосредственно на поле боя и в практике длительной работы в армейском аппарате, что некоторые из наших руководящих генералов Западного фронта и 33-й армии, от которых зависит буквально все при подготовке и проведении операции, не могут или не хотят понять, что на успех неподготовленной операции рассчитывать нельзя, что к проведению операции следует подходить исключительно серьезно, что здесь нужен разумный расчет потребных сил и средств, которые могут быть израсходованы безо всякой пользы и в течение длительного времени не восстановлены, что проигранный бой или сражение надолго и намного уменьшает силы армии, что одним желанием бить врага немцев победить нельзя. Не могут понять того, что мы стали не настолько богаты, чтобы расходовать свои войска и материальные средства по мелочам, не подумав заранее о возможных тяжелых последствиях. Наконец, некоторые наши руководящие товарищи не могут понять, что подготовка войск, то есть реальных исполнителей боя, является одним из главных и основных предпосылок успеха и что умение подготовить подчиненные войска к предстоящим боям есть одно из важнейших качеств полководца.

Кроме того, следует отметить, что за плечами наших больших артиллерийских начальников творится множество вопиющих безобразий в боевом применении артиллерии, прикрываемых ничем не обоснованным авторитетом этих начальников и заслуженно созданной славой нашей артиллерии в целом.

Чтобы не быть голословным, я приведу ряд фактов и примеров, невольно наталкивающих на такие выводы.

Во второй половине 1943 и в начале 1944 года (с сентября 1943 по март 1944 года) 33-я армия во взаимодействии с другими армиями Западного фронта провела пять основных наступательных операций (и много промежуточных операций) с задачей прорвать оборону противника и овладеть сначала Оршей (при действии восточнее Орши), а затем городом Витебск (при действиях юго-восточнее Витебск).

С большим рвением и желанием подавляющее большинство генералов и офицеров армии взяли на себя эту миссию, но понесла колоссальные потери, желаемых результатов не добились. За этот период 33-я армия потеряла только убитыми 20 975 человек, а всего потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 103 011 человек, в том числе убито 3 и ранен 1 командиров дивизий, убито и ранено 8 заместителей командиров и начальников штабов дивизий, 38 командиров полков и их заместителей, 174 командира батальонов, за этот же период армия потеряла 419 танков и 60 самоходных орудий сожженными и разбитыми артиллерией и авиацией противника непосредственно на поле боя; при неудачном вводе для развития успеха понес большие потери и приведен в небоеспособное состояние 2-й гв. Тацинский танковый корпус.

На подготовку каждой из указанных операций отводилось от 5 до 10 суток, длительность операций была от 5 до 22 суток.

Оборона противника прорывалась на фронте от 4,8 км до 9 км, каждой наступающей в первом эшелоне дивизии давалась полоса от 1 до 2 км по фронту.

Плотность артиллерии в каждой из проведенных операций составляла от 126 до 206 орудий на 1 км фронта (без учета 45-мм орудий, орудий ПА и 82-мм минометов).

Израсходовано всего 1 801 600 снарядов и мин.

В результате тяжелых и длительных боев, сопровождаемых большими потерями, армия имела продвижение от 2 до 13 км в глубину обороны противника, а в некоторых операциях продвижения совсем не имела.

За все это время армия заняла 148 кв. км территории и освободила 82 населенных пункта.

Учитывая большое количество затраченных сил и средств и совершенно незначительные успехи при этом, многие из нас угнетены неудачами, некоторые мечутся, «рвут на себе волосы», нервничая и волнуясь, не получая удовлетворения в бою, с огорчением и разочарованием проклинают сложившуюся на нашем участке фронта обстановку, часто употребляя роковое слово «не везет».

В чем же основные причины неудач, приведших к срыву неплохо задуманных операций и к большим потерям в живой силе и технике и желаемых результатов.

1) Первой и основной причиной являлось то, что силы и средства расходовались по мелочам, вместо серьезного и сокрушительного удара противнику наносились «булавочные уколы», от которых он очень быстро оправлялся, материальные средства расходовались также по мелочам, частями и серьезного результата дать не могли.

Если ударить человека бревном, то он безусловно будет убит, но если это бревно расчленишь на щепки и бить этого же человека в разное время этими щепками, то он легко вынесет эти удары и нисколько не потеряет своей жизнеспособности. Так образно можно выразить удары по врагу нашей 33-й армией.

Если на самый прочный блиндаж сбросить в разное время одна за другой тысячу килограммовых бомб, то они не причинят этому блиндажу никакого ущерба, если же на указанный блиндаж бросить одну тысячекилограммовую бомбу, то блиндаж будет разрушен до основания.

Этими сравнениями я хочу подчеркнуть, что одни и те же силы и средства, при различных способах их применения, могут дать резко различные результаты.

2) Недостатки в планировании, подготовке и проведении операций. При планировании предстоящих операций фронт указывал армии состав привлекаемых сил и участок прорыва. Место прорыва определялось лишь исходя из конфигурации фронта без учета условий местности. Полоса армии и участок прорыва определялись Командующим фронтом и были настолько узки, что исключали всякий выбор удобной для прорыва местности Командармом. Кроме того, узкий фронт прорыва (4–6 км) ставил под перекрестный и фланкирующий прицельный огонь всех видов оружия врага вклинившиеся в его оборону наши наступающие части. Это одна из важных причин неуспеха и больших потерь. Ширина полосы наступления дивизиям главного удара давалась от 1 до 2 км, боевой порядок дивизии, как правило, глубоко эшелонировался, и дивизии почти всегда атаковали вначале двумя батальонами, а затем последовательно вводились в бой остальные подразделения, то есть дивизии вводились в бой побатальонно. При этих условиях ни мощь огня, ни ударная сила дивизии одновременно не использовалась, а расходовалась по частям. В большинстве случаев в бою фактически принимали участие лишь передовые батальоны, а остальные части дивизии, эшелонированные в глубину, рассеивались артогнем противника еще до подхода к переднему краю его обороны, неся большие потери они полностью теряли свою боевую способность.

Ваш приказ № 306 о новых боевых порядках в армии не выполнялся, и командующий армий его значения и выгоды новых боевых порядков или не понимал, или не признавал.

Операции, как правило, готовились поспешно, разведать оборону противника как следует никогда не удавалось (фотосхемы часто получались да 1–2 суток до начала операции, а часто и в день начала операции).

Войска вводились в бой с неосвоенным и необученным пополнением, составляющим основную массу состава боевых подразделений. Офицерский состав принимал подразделения на ходу и шел с ним в бой, не зная подчиненных ему людей, которые также не знали своих офицеров.

Дивизии вступали в бой полувооруженными: автоматического оружия имели мало, станковых пулеметов каждая дивизия имела от 16 до 30 штук, к ручным пулеметам и автоматам имелось по одному магазину.

Если учесть, что большинство бойцов было вооружено винтовками и этим, и без того малым количеством автоматики люди владели плохо, то станет ясно, что огневая мощь дивизии была крайне низка.

Эти обстоятельства и неразумное боевое использование артиллерии, как мы укажем ниже, создавали условия, при которых взаимодействие родов войск на поле боя совершенно отсутствовало. Стреляла артиллерия – пехота лежала, пехота поднималась в атаку – артиллерия прекращала огонь и молчала.

Необученные подразделения и офицеры никаких маневров на поле боя не предпринимали, а ложились под огнем противника и давали себя истреблять, [неразб] тем самым врага, который получал удовлетворение, безнаказанно расстреливая нашу лежащую пехоту, которая, ко всему прочему, даже не имела лопат для окапывания. За один-два дня боя наступающая дивизия теряла почти всю свою пехоту и результатов не добивалась. В полках оставалось пехоты по 10–15 человек, а высокие начальники все требовали наступления и с нетерпением ждали результатов. Потери в живой силе были главным образом от артиллерийского огня противника. Это подтверждается тем, что из всего числа раненых на осколочные ранения приходится от 70 до 90 %.

С физическими свойствами человека у нас никто не считался, и люди до оцепенения лежали под огнем противника на поле боя и становились совсем недеятельными и безразличными.

3) В нашей практике боевого применения артиллерии существует вредная и неграмотная тенденция – считать плотность артиллерийских средств по количеству орудий (стволов) на километр фронта, а не по количеству предназначенных для расхода боеприпасов.

Ради этого к фронту прорыва стягивалось большое количество артиллерийских частей и соединений, ради этого до предела суживались фронт прорыва и полосы наступления дивизий. Снарядов же отпускалось в начальный период операции от 1 до 1,5 б/к, которые могли быть эффективно выпущены в четыре-пять раз меньшим количеством артиллерии. Сокращение же количества поддерживающих дивизию артиллерийских частей и сих сложными средствами управления, за счет увеличения расхода боеприпасов на каждое орудие, гораздо упростило бы организацию взаимодействия и управления войсками в динамике боя и повысило бы эффективность огня.

Продолжительность и порядок артиллерийской подготовки определялись не по какому-либо обоснованному расчету, исходя из характера обороны противника, количества имеющихся артиллерийских средств и отпускаемого лимита боеприпасов, а просто случайно, по избитому и изученному противником шаблону (начало артподготовки, как правило, обозначалось залпом «РС», затем от нескольких десятков минут до часа-полтора проводился так называемый период «разрушения», хотя никто из артиллеристов не знал, что он, собственно, должен разрушить и есть ли что разрушать. Затем проводился 10–20-минутный огневой налет по переднему краю обороны противника, и артиллерия стрельбу, как правило, прекращала, а пехота начинала атаковать).

Работа артиллерии строилась так, что наша артиллерия, на нашем участке фронта, никогда не могла подавить артиллерию противника, а последняя, выбрав удобный момент, обрушивалась на нашу пехоту на заранее пристрелянных рубежах и почти полностью истребляла ее. В самые ответственные периоды на поле боя господствовал огонь противника (обороняющегося), а не наши (наступающих). Бороться с танками и самоходными орудиями противника артиллерия нашей армии оказалась почти неспособной. Делались попытки с наступающими ротами тянуть на руках орудия прямой наводки, но они всегда отставали, часто выводились из строя огнем противника и эффекта не давали.

4) Практическая подготовка предстоящих операций проводилась очень неумело, на виду у противника: за несколько дней до начала операции на передний край (на участке прорыва) ставились предназначенные для прорыва войска, а затем, в течение нескольких дней, накапливались материальные средства. Следовало бы делать как раз наоборот: сначала накопить материальные средства, разведать оборону противника, поставить на позиции и подготовить артиллерию, а войска вывести в исходное положение не ранее как за сутки до начала атаки. Это одна из важных гарантий внезапности.

Можно было бы привести очень много фактов, подтверждающих изложенные выше положения, но я считаю, что в этом письме делать это нецелесообразно.

Цель моего письма доложить Вам некоторые важные причины, являющиеся основным препятствием к успешному выполнению проводимых 33-й армией операций.

Среди некоторых руководящих работников нашей армии существует мнение, что на фоне общей стратегической обстановки мы не могли иметь времени и возможности для серьезной подготовки и достаточного материального обеспечения проводимых операций и что мы вполне добились цели, которая перед нами ставилась, сковывая противника перед нашим фронтом, не допуская переброски его сил на юг, где ведутся операции широкого масштаба. Такое мнение мне кажется неправильным, и я с ним не согласен.

Простой подсчет показывает, что с затраченными в течение описанного периода на Западном фронте силами и средствами можно было провести одну или две серьезных и хорошо подготовленных операции, прорвать фронт обороны противника по крайней мере на 20–30 км фронта, развить успех и не только сковать противника, а освободить большую территорию и/или притянуть значительную часть сил противника с других направлений, или вследствие больших поражений вынудить его к оперативному отходу.

Неуспехи же проведенных операций можно объяснить исключительно неумелым и примитивным их планированием, подготовкой и практическим проведением. Ни масштаб операций, ни способ их подготовки и проведения не соответствовали целям, которые ставились.

В настоящем письме я не задаюсь целью обвинить кого бы то ни было и не имею в виду собрать все плохое в один котел, чтобы предъявить кому-либо обвинения (хотя это тоже сделать было бы необходимо), я считаю своим долгом отметить основное, что являлось плохим и нецелесообразным в проведенных боевых действиях 33-й армией, для того, чтобы в будущем не допускать подобных недочетов. А все отмеченные выше недочеты у нас вольно или невольно повторяются и сейчас: дивизии, доведенные до трехтысячного состава, упорно толкаются в атаку почти безо всякого артиллерийского обеспечения.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Считаю целесообразным:

1) Запретить попытки прорыва обороны противника меньше чем на 12-километровом фронте, то есть на таком фронте, который позволяет подвергать прострелу фланкирующим и косопрямельным огнем противника всю полосу прорыва.

2) Дивизии, доведенные до 4,5-тысячной численности и меньше, из боя выводить на доукомплектование, как небоеспособные.

3) Дивизиям, получившим пополнение более 50 % общего состава боевых подразделений, на обучение и сколачивание давать не менее 30 суток.

4) С целью экономии нашей пехоты, боев, которые не обеспечиваются достаточным количеством боеприпасов для подавления артиллерии и минометов противника, в светлое время не проводить.

5) Намеченную для проведения операцию подробно планировать не ниже как в штабе фронта, что даст возможность большего выбора удобной местности, участка прорыва и сосредоточения тех средств, которые необходимы (в масштабе армии часто этого сделать нельзя).

6) Боевые порядки пехоты, при прорыве полевой обороны противника, строить в строгом соответствии с Вашим приказом № 306 о новых боевых порядках. Запретить (в первую очередь командармам и командирам корпусов, которые являются главными нарушителями указанного приказа, прикрывающих нарушение приказа № 306 и боевого устава пехоты термином «глубокие боевые порядки»), путем эшелонирования боевых порядков дивизий в глубину, расходовать эти дивизии по частям, не используя их полной ударной силы.

7) При планировании и проведении артиллерийского обеспечения операции, в первую очередь учитывать возможности полного подавления на необходимое время и частичного уничтожения артиллерийских и минометных батарей противника, как главных истребителей нашей пехоты. При господстве на поле боя артиллерийского огня противника атаку пехоты и танков запретить.

8) Для борьбы с самоходными орудиями и танками противника, являющимися пока что у нас основным «пугалом» нашей пехоты в глубине обороны противника, необходимо создать специальные части, вооруженные самоходными орудиями и танками, которые бы сопровождали наступающую пехоту, с задачей уничтожения танков и самоходных орудий противника, действующих небольшими группами против нашей пехоты. Противотанковую артиллерию стрелковых дивизий передвигать малыми танками или специальными бронетранспортерами, чтобы обеспечить движение орудий ПТО в боевых порядках пехоты.

9) Использование танковых соединений в лесисто-болотистой местности (белорусские леса и болота) запретить.

10) За каждую из проведенных операций требовать специальный письменный отчет командарма с заключением лично не заинтересованных (нейтральных) лиц. Это повысит ответственность, расширит оперативно тактический кругозор высшего командного состава и поможет своевременно вскрывать допущенные недочеты и ошибки, а также учитывать их в дальнейших боевых действиях.

С искренним приветом, полковник Илл. Толконюк.

В результате этого письма или проблема и без него уже назрела, но Сталин практически сразу же послал на Западный фронт комиссию под председательством члена ГКО Г. Маленкова, в составе генерал-полковника А. Щербакова, генерал-полковника С. Штеменко, генерал-лейтенанта Ф. Кузнецова и генерал-лейтенанта А. Шимонаева⁶.

У меня вообще к контролерам крайне нехорошее отношение: я считаю их свиньями, которые обязаны найти грязь, даже если ее нет. Но в ряде случаев без подобных комиссий обойтись нельзя – начальник большого дела сам все выяснить по делу просто не сумеет. Однако надо понять, что работа комиссии создает конфликт, в котором и сама комиссия становится уязвимой стороной – ведь проверяемый отчаянно защищается от обвинений комиссии. В связи с этим комиссия может дать чему-либо несправедливо обвиняющую оценку («мы так считаем») или умолчать о важных обстоятельствах («виноваты – недоучили»), но комиссия, как правило, не станет врать в числах и фактах – для нее самой это опасно. Тем более что Маленков был не

---

⁶ http://www.infox.ru/science/past/2010/04/26/Pisma__Syerzhant_Okt_1.phtml.

менее Сталина заинтересован в победе над немцами, и ему не было никакого смысла интриговать против командования Западного фронта. Я предваряю этой сентенцией цитаты из доклада этой комиссии, чтобы читатели понимали, что брать на веру можно только числа и факты, а выводы по событиям нужно стараться сделать самому.

Энтузиасты тактики 1918 года

Хотя я рассматриваю артиллерию, но все же начну с раздела доклада, посвященного помянутому Толконюком, но на тот момент уже бывшему командующему 33-й армией Гордову. Уж больно он похож на Жукова, такой себе «маленький Жуков», возможно, даже пример брал с него. На указанном сайте есть такая справка на Гордова.

ГОРДОВ Василий Николаевич, Герой Советского Союза, генерал-полковник. Родился 30 ноября 1896 г. в селе Матвеевка Мезелинского района (Татарстан). Участник Первой мировой войны, старший унтер-офицер. В декабре 1917 г. вступил в Красную Гвардию. В годы Гражданской войны командовал ротой, батальоном, полком на Восточном и Западном фронтах, участвовал в ликвидации военных формирований Н.И. Махно. После войны – на командных и штабных должностях; в 1925–1926 годах – инструктор в Монгольской народной армии. С 1927 года – помощник командира стрелкового полка, помощник начальника отдела управления боевой подготовки сухопутных войск. С 1933 по 1935 год – начальник штаба Московской военной пехотной школы, затем начальник штаба стрелковой дивизии. С 1937 г. командовал стрелковой дивизией, с 1939 г. – начальник штаба Калининского военного округа, с 1940 г. – ПриВО. Во время Великой Отечественной войны – начальник штаба (июнь – октябрь 1941 г.), затем – командующий 21-й (август 1941 года и октябрь 1941 года – июнь 1942 года). В июле-августе 1942 г. командовал Сталинградским фронтом. Допустил ряд ошибок, которые привели к прорыву противником внешнего оборонительного обвода Сталинграда, за что был освобожден от командования фронтом. В последующем командовал 33-й армией (октябрь 1942 года – март 1944 года) и 3-й гвардейской армией (апрель 1944 года – июль 1945 года). После войны командовал войсками ПриВО. Расстрелян в 1950 году. Реабилитирован в 1954 году».

О его деятельности в должности командующего 33-й армией в докладе говорится:

«33-я армия во многих операциях на Западном фронте занимала центральное место, ей придавались значительные средства усиления, командование фронтом уделяло армии большое внимание и считало командарма Гордова лучшим командующим армии».

Ну, точь-в-точь Жуков!

«Однако факты показывают обратное. Нигде так плохо не был организован бой, как в армии Гордова. Вместо тщательной подготовки операции и организации боя, вместо правильного использования артиллерии Гордов стремился пробить оборону противника живой силой. Об этом свидетельствуют потери, понесенные армией. Общее количество потерь, понесенных 33-й армией, составляет свыше 50 % от потерь всего фронта».

Вопреки указаниям Ставки, запрещавшим использование в бою специальных подразделений как обычную пехоту, Гордов нередко вводил в бой разведчиков, химиков и саперов.

К числу наиболее тяжких проступков Гордова следует отнести факты, когда Гордов весь офицерский состав дивизии и корпуса направлял в цепь.

В своем приказе от 4 сентября 1943 г., адресованном командиру 173 стр. дивизии полковнику Зайцеву и командирам полков подполковнику Милованову, подполковнику Сизову, майору Гуслицер, Гордов требовал: «Весь офицерский состав поставить в боевые порядки и цепью пройти лес, назначив небольшие отряды для выкуривания автоматчиков из их гнезд».

И дальше Гордов в приказе писал: «Лучше нам быть сегодня убитыми, чем не выполнить задачу».

Четвертого сентября 1943 г. Гордов приказал начальнику штаба 70-го ск генерал-майору Иконникову: «Немедленно все управление корпуса отправить в цепь. Оставить в штабе только начальника оперативного отдела».

Такие недопустимые действия Гордова приводили к дезорганизации управления боем и ни чем не оправдываемым потерям в офицерском составе. За последние полгода в 33-й армии

под командованием Гордова убито и ранено 4 командира дивизии, 8 заместителей командиров дивизий и начальников штабов дивизий, 38 командиров полков и их заместителей и 174 командира батальона.

Гордов преступно нарушил приказ Ставки о запрещении прибегать к расстрелам командиров без суда и следствия. Так, 6 марта по приказу Гордова без суда и следствия был расстрелян майор Трофимов якобы за уклонение от боя. На самом деле, как установлено следствием, майор Трофимов не был виноват.

Во время боевых действий управление со стороны Гордова сводилось к ругани и оскорблениям. Гордов часто прибегал по отношению к своим подчиненным к угрозам расстрела. Так было в отношении командира 277-й сд генерал-майора Гладышева и командира 45-го ск генерал-майора Поплавского. По заявлению ряда командиров, работавших с Гордовым, нечеловеческое отношение к людям, сплошная истерика так издегали их, что были случаи, когда командиры не могли командовать своими соединениями и частями.

Командование фронтом проходило мимо всех этих безобразий в действиях Гордова, не поправляло его и продолжало считать его лучшим командующим армией». Кстати, Гордова еще до приезда комиссии сняли с командования армией по требованию Мехлиса.

По Гордову комиссия сделала следующее предложение: «е) учитывая крупные ошибки генерал-полковника Гордова в командовании 33-й армией, а также ряд его неправильных действий, за что он был отстранен от командования 33-й армией, предупредить Гордова, что при повторении допущенных им ошибок в 33-й армии он будет снижен в звании и должности. Сообщить о недостатках Гордова командующему 1-м Украинским фронтом маршалу Жукову, где Гордов в настоящее время работает в качестве командующего 3-й Гвардейской армией».

Цена тактики 1918 года

Сначала о том, за что, собственно, предъявили претензии командованию Западного фронта.

«В этих безрезультатных операциях, в период с 12 октября 1943 г. по 1 апреля 1944 г., только на участках активных действий фронт понес потери убитыми – 62 326 человек, ранеными – 219 419 человек, а всего убитыми и ранеными – 281 745 человек. Если к этому добавить потери на пассивных участках фронта, то за период с октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт потерял 330 587 человек. Кроме того, за это же время из войск Западного фронта в госпитали поступило 53 283 человека больных.

В указанных выше операциях с октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт израсходовал очень большое количество боеприпасов, а именно: 7261 вагон. За год же, с марта 1943 г. по март 1944 г., фронт израсходовал 16 661 вагон боеприпасов. За это же время, то есть за год, Белорусский фронт израсходовал 12 335 вагонов, 1-й Украинский фронт – 10 945 вагонов, 4-й Украинский фронт – 8463 вагона, и каждый из остальных фронтов израсходовал боеприпасов меньше перечисленных фронтов. Таким образом, Западный фронт израсходовал боеприпасов гораздо больше любого другого фронта.

Безуспешные действия Западного фронта за последние полгода, большие потери и большой расход боеприпасов объясняются не наличием сильного противника и непреодолимой обороны перед фронтом, а исключительно неудовлетворительным руководством со стороны командования фронта. Западный фронт при проведении всех операций всегда имел значительное превосходство в силах и средствах перед противником, позволяющее, безусловно, рассчитывать на успех.

По отдельным операциям соотношение в силах выглядит следующим образом:

Оршанская операция 12-18 октября 1943 г. Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 19 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 8 сд, во 2-м эшелоне – 11 сд; танковый корпус, кавкорпус, 12 артиллерийских бригад, 20 артполков РГК, 3 танковых бригады, 6 танковых и самоходных полков. Всего было танков – 134. Артиллерийская плотность от 150 до 200 стволов на 1 км фронта. Силы противника. Две пехотных дивизии, 3-5 артполков и около 30 танков. Впоследствии были подтянуты: одна пд, две мд и 3-4 артполка.

Оршанская операция 21-26 октября 1943 г. Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 11 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 8 сд, во 2-м эшелоне – 3 сд; танковый корпус, 13 артбригад, 19 артполков РГК, 2 танковых бригады, 3 танковых и самоходных полка. Всего было танков – 172. Артиллерийская плотность от 115 до 260 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 4 пехотных дивизии, одна бригада СС, 6-7 артполков и до 60 танков.

Оршанская операция 14-19 ноября 1943 г. Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 32 стрелковых дивизии, из них в 1-м эшелоне – 18 сд, во втором эшелоне – 14 сд; танковый корпус, 16 артбригад, 23 артполка РГК, 4 танковых бригады, 7 танковых и самоходных полков. Всего было танков – 410. Артиллерийская плотность от 120 до 260 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 4 пехотных дивизии, 2 танковых дивизии, бригада СС, до 12 артполков. Всего было танков около 70 штук.

Оршанская операция 30 ноября по 2 декабря 1943 г. Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 34 стрелковых дивизии, из них в 1-м эшелоне – 24 сд, во 2-м эшелоне – 10 сд; 13 артбригад, 24 артполка РГК, 4 танковых бригады, 10 танковых и самоходных полков. Всего было танков – 284. Артиллерийская плотность от 120 до 170 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 43 пехотных дивизии, 2 танковых дивизии, до 10 артполков. Всего было танков около 200 штук.

Витебская операция с 23 декабря 1943 г. по 6 января 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 11 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 5 сд, во 2-м эшелоне – 6 сд; танковый корпус, 10 артбригад, 4 арtpолка РГК, 4 танковых бригады, 5 самоходных арtpолков. Всего было танков – 147. Артиллерийская плотность 110 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 2 пехотных дивизии, до 5 арtpолков и около 60 танков. К концу операции было подброшено еще три пехотных дивизии.

Богусевская операция 8-24 января 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 16 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 11 сд, во 2-м эшелоне – 5 сд и одна сбр; танковый корпус, 12 артбригад, 6 арtpолков РГК, 6 танковых бригад, 8 самоходных арtpолков. Всего было танков – 295. Силы противника. 4 пехотных дивизии, части 2 мотодивизий, до 9 арtpолков и до 130 танков.

Витебская операция 3-16 февраля 1944 г. Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 16 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 9 сд, во 2-м эшелоне – 7 сд; танковый корпус, 15 артбригад, 9 арtpолков РГК, 2 танковых бригады, 2 самоходных полка. Всего было танков – 129. Артиллерийская плотность от 115 до 140 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 5 пехотных дивизий, до 9 арtpолков и около 140 танков. Впоследствии было подброшено около 2 пехотных полков.

Витебская операция 29 февраля – 5 марта 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 15 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 13 сд, во 2-м эшелоне – 2 сд и сбр; 7 артбригад, 10 арtpолков РГК, 6 танковых бригад. Всего было танков – 87. Силы противника. 5 пехотных дивизий, 10 арtpолков и около 90 танков.

Оршанская операция 5-9 марта 1944 г. Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 8 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 3 сд, во 2-м эшелоне – 5 сд; 3 артбригады, 6 арtpолков РГК, 1 танковая бригада, 2 танковых полка. Всего было танков – 80. Артиллерийская плотность – 100 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 1 пехотная дивизия, 3 арtpолка и до 35 танков.

Богусевская операция 21-29 марта 1944 г.

Наши силы. Для проведения операции было сосредоточено: 9 стрелковых дивизий, из них в 1-м эшелоне – 6 сд, во 2-м эшелоне – 3 сд; 10 артбригад, 6 арtpолков РГК, 5 танковых бригад, 4 самоходных полка. Всего было танков – 3. Артиллерийская плотность – от 100 до 150 стволов на 1 км фронта. Силы противника. 2 пехотных дивизии, до 5 арtpолков и до 40 танков.

Таким образом, Западный фронт во всех проводимых операциях имел явное превосходство перед противником в силах и средствах. Несмотря на это, все операции кончались неудачно, и фронт с октября месяца вперед не продвинулся.

В результате застойного положения на Западном фронте и продвижения соседних фронтов создалось крайне невыгодное для нас начертание линии фронта на Смоленско-Минском направлении. Противник на этом направлении имеет выступ в нашу сторону глубиной до 150 километров.

Такое положение оказывает неблагоприятное влияние на соседние фронты, дает возможность противнику иметь в треугольнике Лепель, Могилев, Минск свою авиацию и воздей-

ствовать ей по кратчайшим направлениям по тылам Прибалтийских и Белорусского фронтов. Со стороны Западного фронта противник находится ближе всего к Москве.

II. Крупные недостатки в работе артиллерии. В проведенных операциях наша артиллерия, несмотря на сосредоточение ее в больших количествах и превосходство над артиллерией противника, не подавляла, как в период артиллерийской подготовки, так и в процессе боя, огневую систему противника. Зачастую артиллерия вела огонь по пустому месту, не выполняла заявок пехоты, теряла с ней взаимодействие, иногда вела огонь даже по своей пехоте. Пехота шла в атаку на неподдавленную огневую систему противника, несла громадные потери и не продвигалась вперед. Огневая деятельность нашей артиллерии и особенно контрбатарейной, во всех периодах боя была неполноценной и не отвечала предъявляемым к ней требованиям.

В 33-й, 31-й и 5-й армиях были неоднократные случаи, когда артиллерия вела огонь по районам (квадратам), данным штабами артиллерии армии, а на самом деле в этих квадратах целей не было, и артиллерия вела огонь по пустому месту, а нашу пехоту расстреливали огневые точки противника из других районов.

В операции 33-й армии 23 декабря 1943 г. на наблюдательных пунктах некоторых артиллерийских полков были не офицеры, а рядовые бойцы. Не везде были наблюдатели в первом эшелоне пехоты. В результате этого 199-я стр. дивизия была обстреляна своей артиллерией. В этой же артиллерии дело доходило до того, что орудия прямой наводки вели огонь по своей пехоте.

При наступлении 33-й армии 3 февраля с. г. в ряде дивизий не было организовано взаимодействие артиллерии с пехотой. Так, например, 144-я сд наступала на Павлюченки, а поддерживающая ее артиллерия вела огонь западнее Павлюченки. В это же время при наступлении 222-й сд поддерживающая ее артиллерия молчала.

О неудовлетворительной работе артиллерии Западного фронта свидетельствуют многие показания пленных немцев.

Командующий Западным фронтом генерал армии т. Соколовский, бывший член Военного Совета фронта генерал-лейтенант т. Булганин и командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии т. Камера повинны в том, что они не вскрыли крупных недостатков и ошибок в работе артиллерии. Среди артиллеристов царит самоуспокоенность, чванство и зазнайство. Артиллеристы своих ошибок и недостатков не вскрывают, не изучают, а пытаются замазать их. Фронт и армии до последнего времени не издавали приказов по недочетам в действиях артиллерии и не указывали мер по устранению их. В результате такого неправильного отношения командования фронта к делу руководства артиллерией в каждой операции повторялись грубые ошибки и недостатки в действиях артиллерии.

В период подготовки операции артиллеристы во всех звеньях исключительно плохо ведут разведку целей и не вскрывают огневой системы противника. Вследствие незнания целей артиллерия не может вести прицельного огня по конкретным целям, а, как правило, ведет малоэффективный огонь по площадям. В этот же период артиллеристы медленно разворачивают разведывательные органы, разведку ведут пассивным наблюдением, мало применяют подвижные и выдвинутые к переднему краю обороны противника наблюдательные пункты. Старшие артиллерийские командиры и их штабы лично разведку почти не ведут и свои функции в этом важнейшем вопросе ограничивают сбором и фиксацией сведений от нижестоящих и менее квалифицированных инстанций, к тому же поступающие сведения не проверяются. Особенно плохо ведется разведка во время наступления пехоты. Разведорганами не нарезаются конкретные полосы и секторы наблюдения, а поэтому внимание разведчиков рассеивается по всему полю, и они занимаются беспредметным наблюдением картины боя, а не розыском огневых точек противника. Во многих артиллерийских частях разведывательные подразделения содержатся в некомплекте, при полной штатной укомплектованности небоевых под-

разделений. Для целей разведки и корректировки огня плохо используется авиация и совсем не используются аэростаты наблюдения.

Огонь артиллерии, как правило, планируется в высших штабах, без учета конкретных данных об огневой системе противника, вследствие этого он планируется не по целям, а по площадям. Исполнителям огневые задачи на местности ставятся очень редко. Во многих случаях командиры батарей и дивизионов получают схемы, которые не отвечают действительному положению целей. Такое планирование и доведение задач до исполнителей приводит к стрельбе по пустому месту и тем самым не обеспечивает подавления огневых точек противника. В период подготовки операции высшие артиллерийские штабы для своей работы по планированию забирают большую часть времени, отведенного на подготовку. В результате этого низшим артиллерийским звеньям почти не остается времени, особенно светлого, для отработки задач на местности и организации взаимодействия.

Артподготовка проводится по шаблону. Начало артподготовки обозначалось залпом РС, затем проводился период разрушения и в конце – налет артиллерии по переднему краю. Противник привык к этому шаблону и, зная порядок огня, умело сохранял свою живую силу в укрытиях. Вследствие же того, что в период артподготовки наша артиллерия, как правило, вела огонь по площадям и не подавляла огневую систему противника, наша пехота встречалась противником организованным огнем всех видов, несла большие потери и во многих случаях с самого начала не могла продвигаться вперед.

С начала наступления плохо организуется сопровождение пехоты артиллерией. Как правило, связь и взаимодействие пехоты с артиллерией и минометами в этот период теряется. Обнаруженные и мешающие нашей пехоте цели или совсем не подавляются, или подавляются с большим опозданием. Чрезмерная централизация артиллерии, при продвижении пехоты вперед, в руках командиров стрелковых дивизий и выше – лишает командира батальона средств подавления и возможности реагировать на обстановку. Особенно плохо воспитаны минометчики, в ряде случаев они просто уклоняются от связи с пехотой, задерживаются в тылу, вследствие чего минометы бьют куда попало. Радиостанций в низовом звене мало, и питанием они не обеспечены, хотя во фронте радиостанций достаточно для того, чтобы обеспечить наступающие войска. Орудия прямой наводки, несмотря на обилие их в боевых порядках пехоты, используются плохо и неумело. Подчиненность этих орудий неопределенна, конкретных целей они зачастую не имеют. От пехоты орудия прямой наводки часто отстают и вследствие этого иногда бьют по своим. Самоходные орудия используются неумело и должного эффекта не дают. Борьба с самоходными орудиями противника не организована и никем не планируется. Управление огнем в динамике боя осуществляется слабо. Вследствие незнания целей, старший начальник бессилён в определении огневых задач подчиненным. Штабы артиллерии, как правило, находятся на большом удалении от наблюдательных пунктов, а следовательно, выключаются из управления огнем артиллерии.

Особенно плохо организуется контрбатарейная и контрминометная борьба с артиллерией и минометами противника как в период артподготовки, так и при продвижении пехоты вперед. Наши контрбатарейные и контрминометные группы не подавляют артиллерию и минометы противника, вследствие чего продвижение пехоты сдерживается сильным артиллерийским и минометным огнем противника, и она несет большие потери, о чем свидетельствует тот факт, что в некоторых операциях процент осколочных ранений доходил до 70-80 %. Огонь контрбатарейных артгрупп вследствие плохого знания целей и отсутствия корректировки малоэффективен. Артиллерия дальнего действия привыкла стрелять по площадям, по знакам разрыва стреляет плохо, не умеет быстро и точно переносить огонь. Контрминометные группы подавлять минометные батареи противника не умеют, стреляют плохо и не метко.

Контроль за выполнением огневых задач почти не осуществляется. С исполнителя не спрашивают результатов огня, на него возлагается ответственность только за своевременное его открытие. Такое положение порождает безответственность у офицерского состава артиллерии».

Далее в докладе рассматриваются вопросы:

– о недостатках в планировании операций (*...Вопреки сложившемуся опыту войны командование Западного фронта в некоторых операциях организовывало прорыв на очень узких участках: в Витебской операции 23 декабря – на фронте 6 км, в Оршанской операции 5 марта – на фронте 5 км. Это позволяло противнику сосредоточить губительный фланкирующий огонь и в сочетании с контратакующими небольшими резервами исключить возможность продвижения нашей пехоты и нанести ей большие потери...*);

– о дурацком построении боевых порядков (*...В большинстве операций, проведенных фронтом армии, особенно 33-я армия, наступали, глубоко эшелонируя свои боевые порядки, и создавали излишнюю плотность живой силы, нарушая тем самым приказ Ставки № 306. Такое построение боевых порядков приводило к тому, что в дивизии атаковало 2-3 батальона, а остальные батальоны стояли в затылок. При этих условиях ударная сила дивизии использовалась не одновременно, а расходовалась по частям, и огневые средства замораживались. Все это приводило к большим потерям еще до вступления войск в бой, а, понеся такие потери и находясь под непрерывным огнем, части теряли свою боеспособность еще до боя*);

– о бездарном использовании танков (*...постоянное стремление командования фронта добиться прорыва обороны посредством преждевременного ввода в бой танкового корпуса не дало результатов и привело к тому, что в танковом корпусе в настоящее время осталось два танка. В танковых бригадах, действующих непосредственно с пехотой, во всех боях наблюдаются исключительно большие потери. Основная причина этих потерь заключается в том, что противотанковые средства противника не подавляются нашим артиллерийским огнем и отсутствует взаимодействие между танками, поддерживающей артиллерией и пехотой*);

– о совершенно бредовом положении штаба (*...штаб обезличен, оторван от командования фронтом и от насущных задач, решаемых войсками, и по существу является каким-то статистическим бюро, собирающим только данные по обстановке, и то с опозданием. Вопросы планирования операций, организации боя и контроля за выполнением принятых командованием решений на деле изъяты из функций штаба. В течение четырех месяцев начальник штаба и весь штаб находятся на расстоянии около 100 километров от расположения командования фронта, и за это время командующий и начальник штаба встречались не более 3-4 раз*);

– о бездарной разведывательной работе (*...основная задача поиска – захват контрольных пленных – во многих случаях не выполняется. Так, в декабре месяце в 192-й сд проведено 23 разведоперации с целью захвата «языка». Ни одного пленного в этих операциях не захвачено, а потери наших разведгрупп составили 26 человек убитыми и ранеными. В 192-й, 247-й и 174-й сд с 1 января по 15 февраля проведены сотни поисковых разведопераций и не захвачено ни одного пленного. В 331-й и 251-й сд разведчики неоднократно подрывались на своих минных полях, так как им не было указано их расположение. ...Авиационная разведка хотя формально и проводится, но данные, получаемые от авиации, своевременно не обрабатываются, не сверяются с другими источниками и зачастую не доводятся до войск. Фотосхемы и фотопланы застревают в высших штабах и в войска своевременно не направляются. Радио-разведка, несмотря на большое количество радиосредств, работает плохо, очень часто дает абсолютно неправильные данные и вводит наши штабы в заблуждение*);

– о бездарном командовании фронтом (*...командующий фронтом т. Соколовский оторван от своих ближайших помощников – командующих родами войск и начальников служб,*

по много дней не принимает их и не решает их вопросов. Некоторые заместители командующего не знали о задачах своих родов войск в связи с проводившимися операциями, не говоря уже о том, что они не привлекались к разработке операций. Например, командующий БТ и МВ генерал-лейтенант танковых войск Родин заявил: «Меня ни разу не спрашивали, как лучше использовать танки. Я только диспетчер и посылаю танки то в одну, то в другую армию. Задачи танковых войск я узнавал в армиях или от подчиненных танкистов»).

Понятно, что это комиссия, что она давала только черные стороны, но все же...

Командующего фронтом В.Д. Соколовского сняли и навсегда перевели начальником штаба к Жукову, после войны Соколовский стал крупным военным теоретиком, труд написал – «Военная стратегия». Что поделать, у нас все генералы «а-ля Жуков» стратеги. Командующего артиллерией Камеру тоже сняли с понижением в должности, но, в связи с болезнью, отправили в отставку. А начальника разведки полковника Ильницкого еще и разжаловали в подполковники.

Но заметим, что это 1944 год, заканчивался третий год войны, а генералы Западного фронта кем были, тем и оставались. Ничему сами не учились, подчиненных не учили и продолжали командовать вверенными им войсками не так, чтобы немцев победить с минимальной кровью, а так, как им удобнее, как их в академиях научили.

Этот мой критический отзыв о советских академиях многих обидел, и один из комментаторов привел мне в пример китайско-вьетнамский конфликт 1979 года, в ходе которого артиллерией командовали уже не простые вьетнамские партизаны, победившие американскую армию в 1973 году, а выпускники советских военных академий. Знай наших!

Правда, этот восторг быстро погасил более компетентный комментатор, уточнивший подробности цитатой из книги В. Славина «Первая социалистическая»:

«Вторжению китайских войск предшествовала артиллерийская подготовка, начавшаяся в 5.20 17 февраля 1979 г. (на лангшонском направлении в 2.30 17 февраля 1979 г.). Артиллерия ВНА открыла ответный огонь с большим опозданием, причем только в 7.00.

Большинство артиллерийских дивизионов к тому времени вести огонь уже не могли, так как ряд наблюдательных пунктов был захвачен противником. Уже 17.2 большая часть артиллерийских батарей артиллерийского полка одного из военных округов ВНА оказалась в тылу противника. 18.2 в таком же положении оказались и батареи артиллерийского полка соседнего военного округа.

В течение 17–18.2 артиллерия пехотных дивизий, военных округов и РВГК вела в основном заградительный огонь. В ряде случаев вьетнамской артиллерией отмечались попытки ведения контрбатареинной борьбы (но без какого-либо существенного результата).

Только 19 февраля 1979 г. артиллерия начала поддержку контратак своей пехоты. В ряде случаев в результате успешного отхода пехоты артиллерийские подразделения оказывались без прикрытия и отбивали атаки неприятеля огнем прямой наводкой и из стрелкового оружия. Свои задачи артиллерия выполняла, как правило, огнем батареи, дивизиона, редко двумя дивизионами. Сосредоточение огня артиллерийского полка (бригады) не проводилось. 6 марта в 5-м АК было спланировано массирование огня, но ввиду отхода противника осуществлено не было. Взаимодействие между артиллерией дивизий, корпусов, округов и резерва ВГК (так же как и с общевойсковым командованием) так и не было налажено должным образом. Артиллерийские командиры вели огонь в основном самостоятельно, по своей инициативе, причем на борьбу с артиллерией противника приходилось всего 10 процентов общего объема выполняемых огневых задач. На всех направлениях остро ощущался недостаток в полковой и батальонной артиллерии, особенно при отражении атак обходящих отрядов, так как условия местности не позволяли осуществлять маневр огнем дивизионной и окружной артиллерии.

Артиллерия резерва ВГК использовалась нерешительно, силы распылялись, управление было децентрализовано. Треть ее оставалась в пунктах дислокации. Части и подразделения резерва подчинялись окружным артиллерийским полкам и даже артиллерийским полкам дивизий. К сосредоточению и массированию артиллерии на главных направлениях у вьетнамских военачальников даже стремления не было отмечено. Артиллерийские группы не создавались. Реактивный полк резерва ВГК был выведен на позиции только 5 марта 1979 г. Простояв там до 24 марта и не сделав ни одного выстрела, реактивный артиллерийский полк был возвращен в пункт постоянной дислокации».

Да, действительно, знай наших!

* * *

Когда армия комплектуется не людьми, идущими защищать свой народ, а лицами, соблазненными высоким доходом и большой пенсией при службе, в которой все определено уставом, то военным итогом боев такой армии будут неоправданно высокие потери народа в такой войне.

Это ведь понятно, но эта понятность скрыта воем победных фанфар и ура-патриотическим запретом «не клеветать на наших полководцев!». А это приводит к тому, что от войны к войне ничего не меняется.

Глава 3. Предатели, ставшие «ероями»

Версия

В выводах к теоретической части я писал, что достаточно большое количество офицерства Красной Армии отказывалось быть единым целым с солдатами и выделяло себя в особо ценную касту, а солдат в расходный материал войны. Это было мерзким наследством царской армии с его дворянством в офицерах и быдлом в солдатах, тем не менее это наследство прижилось и Красной. В царской армии это приводило к тому, что в тяжелых боях «белая кость» бросала солдат, оставляя их без командования, а сама пыталась спастись. В Первой мировой войне было достаточно таких случаев, я приводил в качестве примеров поведение генералов Самсонова, Корнилова, коменданта Новогеоргиевской крепости генерала Бобыря.

Я уже писал об этом и хочу повторить положения опубликованных работ о кадровом офицерстве Красной Армии, повторить с дополнениями, поскольку полагаю, что народ обязан знать и таких своих героев.

Но начну с того, что помимо общего малодушия генералов, их трусости, существует и еще два обстоятельства, толкающие генералов на измену – страх потерпеть поражение и страх появиться перед собственным командованием после того, как генерал потерпел поражение. У нас ни в литературе, ни в исторических работах не рассматривается вопрос, а каково было этим генералам после поражений вверенных им войск возвращаться домой? В старину такие генералы бросались на меч от позора, а в гитлеровской армии в день капитуляции Германии свыше 200 генералов застрелилось. Полководцы РККА в массе своей на такое были не способны, впрочем, в этом они не далеко ушли и от царских генералов – тем тоже позор глаза не ел.

Однако то, что полководцам РККА позор глаза не ел, еще не означает, что им было безразлично, как к ним будут относиться люди, которые своих сыновей и мужей отдали им под командование. Ведь понимаете, сотни тысяч родственников тех, кого этот генерал привел к поражению и смерти, вполне могли сказать этому полководцу: «Мой муж (сын, отец) по твоей вине погиб, а ты тут довольной рожей блистаешь!» А если даже не скажут, то подумают...

Так что полководцу, потерпевшему поражение, желательно было тоже пострадать, но не очень больно. Взять оружие, поднять своих бойцов в последнюю атаку и в ней погибнуть – это для многих полководцев было слишком! Это очень больно. А вот попасть в плен и пострадать в плену – это в самый раз. Тем более что в плену генералов хорошо кормят, хорошо содержат – почему же не принять этот «мученический венец»? Ну, а после войны, если враг победил, то ты вроде и не глупее и не подлее всех остальных генералов – они же ведь, мертвые или оставшиеся в живых, тоже войну проиграли, так чем они лучше тебя? А если они войну выиграют, то тебя, на радостях от победы, простят, а ты будешь сопли по животу размазывать и доказывать, что тебе в плену было гораздо хуже, чем убитым на поле боя, и наши интеллигентствующие придурки тебя еще и пожалеют – «ероем» будешь!

Согласитесь, что для генерала, проигравшего битву (хотя бы в своем представлении), сдача в плен выглядит весьма соблазнительно.

Но для полководцев РККА была проблема: согласно Дисциплинарному Уставу РККА советские военнослужащие в плен не сдаются ни при каких обстоятельствах. А это означает, что как только ты начнешь сдаваться в плен, то тебя свои же (из тех, кто серьезно относится к присяге) и пристрелят. Что же делать?

Давайте попробуем ответить на этот вопрос, воспользовавшись логикой.

Во-первых. К моменту сдачи в плен надо иметь вокруг себя как можно меньше тех, кто честно относится к присяге, тех, кто может не дать тебе сдаться. Короче, желательно было бы,

как генерал Власов, остаться одному с парой-тройкой таких же, как и ты, сопровождающих. Но этого маловато, поскольку ведь надо, чтобы к тебе гуманно относились в плену.

А для этого, во-вторых, нельзя раздражать победившего врага его ненужными потерями, поскольку к потерям уже после победы все относятся крайне отрицательно. Для полководца РККА, собравшегося сдаться в плен, это большая проблема, поскольку нельзя объявить своим войскам о сдаче, нельзя сдачей своих войск уменьшить потери врага. Что же делать? Логически следует, что полководец РККА, решивший лично сдаться в плен, будет делать все, чтобы вверенные ему войска нанесли врагу как можно меньше потерь, и для этого он в первую очередь дезорганизует вверенные ему войска и этой дезорганизацией прекратит их сопротивление.

Это, конечно, версия, но давайте посмотрим, не было ли в истории той войны случая или случаев, когда полководцы РККА, увидевшие, что они проиграли сражение, начинали дезорганизовывать вверенные им части и соединения, после чего пытались остаться в распоряжении противника с как можно меньшим числом сопровождающих?

Вот давайте с позиции этой версии рассмотрим пару трагедий той войны и начнем с окружения советского Юго-Западного фронта под Киевом в сентябре 1941 года. Командовал фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос, Герой Советского Союза. Некий историк Марк Солонин, уже демократ до мозга костей, в книге «22 июня» пишет о нем так: *«Михаил Петрович Кирпонос погиб на поле боя 20 сентября 1941 г. при попытке выйти из окружения восточнее Киева. Какими бы ни были обстоятельства его гибели (встречаются три версии: гибель в бою, самоубийство, особысты выполнили секретный приказ Сталина не допустить пленение высшего командного состава фронта), он отдал свою жизнь за Родину, и это обстоятельство заставляет автора быть предельно сдержанным в оценках».*

Надо сказать, что и в этом я тоже отличаюсь от Солонина – меня гибель в той войне почти девяти миллионов солдат совершенно освобождает от всякой сдержанности по отношению к командовавшим ими генералам, в том числе и к погибшим, но дело не в этом. Как видите, есть вопрос о том, как погиб Кирпонос. Меня этот вопрос мало трогает – погибать ему было ничуть не тяжелее, чем остальным миллионам солдат, а вот поведение Кирпоноса на посту командующего Юго-Западным фронтом представляет интерес как с точки зрения генеральской измены, так и с точки зрения только что выдвинутой мною версии.

Но начнем несколько издалека.

Стратег Жуков

Стратегия – это наука и искусство выиграть войну. Наука в смысле того, что в чем-то можно опереться на более-менее точные расчеты, и искусство потому, что зависит от таланта стратега.

По мере того, как войны становятся общенародными, стратегия из области чисто военной перемещается в область государственную. Стратег должен быть государственным деятелем и, помимо знаний о военном деле, обязан знать все о государственном деле – об экономике, климате, демографии и т. д. и т. п. Поэтому в вопросах стратегии Жуков был и остался абсолютным нулем. Думаю, что главным образом потому, что его общекультурная подготовка была крайне низка.

В ночь на 9 января 1948 г. на даче Жукова был сделан негласный обыск, закончившийся впоследствии конфискацией имущества. Сотрудники МГБ оценили объем барахла, вывезенного Жуковым из Германии. Не будем перечислять тысячи метров тканей, количество ковров, столового серебра и т. д., воспроизведем впечатление рядовых сотрудников госбезопасности: *«...дача Жукова представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причем их так много, что 4 картины висят даже на кухне»*. Нам более интересно другое их впечатление: *«На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке»*.

Вот эта характеристика обстановки дачи Жукова (пыль в глаза!) говорит о нем больше, чем десятки томов. Не может быть государственным деятелем, а значит, и стратегом, человек, у которого на даче *«нет ни одной советской книги»*, т. е. книг на русском языке. Если их нет, значит, книги ему были просто неинтересны. То, что ему было интересно, – все на даче нашли. Скажем: *«аккордеонов с богатой художественной отделкой – 8 штук; уникальных охотничьих ружей фирмы Голанд-Голанд и других – всего 20 штук»*.

Все ли полководцы РККА были такими? Наверное, таких было немало, но среди них были и люди с очень высоким интеллектом. Вот, к примеру, о маршале С.М. Буденном вспоминает его дочь Нина Семеновна.

«Отец обладал уникальной памятью и имел способности к языкам. На Дону, откуда папа был родом, находились немецкие поселения, и еще в юности папа хорошо овладел разговорным немецким языком. Позже на всех официальных церемониях общался с немцами без переводчика. Неплохо знал он и калмыцкий, так как рядом с их станицей Платовской жили калмыки. Во время Первой мировой папа пару лет воевал на Кавказе на турецком фронте и освоил турецкий».

Конечно, из-за Первой мировой и гражданской папа не смог получить образование. И поэтому уже в конце двадцатых годов, когда ему было за пятьдесят, он поступил в Академию имени Фрунзе.

Он собирал книги, доставал редкие экземпляры. Его довоенную библиотеку считали уникальной. В ней было собрано больше десяти тысяч томов – папа очень интенсивно занимался самообразованием. Одно время он брал уроки у доцента Московского университета Андрея Снесарева, под руководством которого углубленно изучал военную историю и военную теорию. Об этом мало говорят, но Снесарев до революции служил в чине генерала в царской армии и был одним из ведущих преподавателей в Академии генерального штаба. Так что Семен Михайлович военной науке учился у царского генерала.

...Он буквально жил коневодством, прилагал все усилия для выведения новой, буденновской породы (чтобы вывести породу, нужно двадцать лет). Он днями пропадал на конезаводах, подыскивая нужных для спаривания лошадей, доставая племенных жеребцов, изучая

литературу – у него был огромный шкаф, доверху набитый книгами о коневодстве. И буденновскую породу все-таки вывели. Лошади обладали хорошей резвостью, выносливостью, были пригодны для кавалерии и работы в сельском хозяйстве».

От себя добавлю, что в истории советского коневодства было два случая уникальных продаж с Московского ипподрома. За миллион долларов (огромную сумму по тем временам) американскому миллиардеру Хаммеру был продан чистокровный жеребец арабской породы и голландской королеве за такую же сумму была продана кобыла буденновской породы. Но вернемся к Жукову.

Говорить, что благодаря Жукову мы выиграли войну, – просто смешно. С его участием мы победили в ряде сражений той войны, и уже это достаточно много.

Бывает или должно так быть, что после событий человек задумывается и начинает понимать то, что в ходе событий понять не мог. Что касается стратегии, то с Жуковым даже этого не произошло. Стратегических замыслов сторон в той войне он не понимал даже тогда, когда в плененные годы начал писать мемуары.

В них, к примеру, он хвастается, что смог, якобы, предугадать окружение советских войск под Киевом, а на совещании 29 июля он, якобы, предлагал Сталину оставить Киев и отвести войска, но Сталин не согласился, что и повлекло, дескать, их окружение.

При этом интересно, что он в своих мемуарах обильно цитирует немецких генералов. А эти генералы дружно утверждают, что взятие Киева и окружение на Украине советских войск – явилось **величайшей стратегической ошибкой Гитлера**, повлекшей поражение Германии в войне. Жуков должен был, по крайней мере, хотя бы заинтересоваться, в чем тут дело и почему Гудериан или Меллентин так думают.

Если уделить этой проблеме несколько больше внимания, то я, к примеру, считаю, что и немцы не правы. Гитлер совершил стратегическую ошибку, напав на СССР. А в случае со взятием Киева у него просто уже не было выбора – любой вариант был плох.

Тут ведь что нужно представить. Немцы вторглись в СССР тремя потоками, имея на вооружении стратегический принцип Гитлера – уничтожить войска СССР, сконцентрированные на западе страны.

Давая задание на разработку плана «Барбаросса» на совещании 5.12.1940 г., Гитлер так определял задачу своим генералам: *«Ведя наступление против русской армии, не следует теснить ее перед собой, так как это опасно. С самого начала наше наступление должно быть таким, чтобы раздробить русскую армию на отдельные группы и задушить их в «мешках»... Если русские понесут поражения в результате ряда наших ударов, то начиная с определенного момента, как это было в Польше, из строя выйдут транспорт, связь и тому подобное и наступит полная дезорганизация»⁷.*

Государство не может защитить себя без армии, если армия (или большая ее часть) гибнет – страна сдастся. Так было и в Польше, и во Франции. А в СССР было так.

На севере группа немецких армий «Север» гитлеровский принцип осуществить не смогла – Ворошилов не дал им окружить сколько-нибудь значительную часть войск Северо-Западного фронта. На юге Буденный после потерь пограничных боев закрепился на рубеже Киева, и здесь группа немецких армий «Юг» также не смогла одержать решительной победы над Юго-Западным фронтом. До августа немцы вообще не смогли здесь, окружив, уничтожить ни одной дивизии. Все окруженные пробивались к своим. И лишь в Белоруссии группа армий «Центр» смогла почти полностью разгромить войска под командованием Павлова, и то – благодаря его предательству. Группа армий «Север» была нацелена на Ленинград, «Центр» – на Москву, «Юг» – на Украину. С разгромом Западного фронта дорога на Москву была открыта.

---

⁷ В записи Ф. Гальдера.

А взятие Москвы несло победу. И не потому, что она столица. Москва – это узел всех железных дорог европейской части СССР; это крупнейший, производящий оружие и средства войны район СССР; это, наконец, исконно русская часть населения СССР. Взятие Москвы делило СССР на куски, связь между которыми была бы чрезвычайно затруднена. Конечно, это понимали все (кроме Жукова).

Но если бы группа армий «Центр» сразу же после разгрома Западного фронта рванулась на Москву, которую в это время практически некому было защищать, то у нее открылся бы южный фланг, а на нем еще не разгромленный немцами Юго-Западный фронт под командованием генерал-полковника М. Кирпоноса. И чем дольше сидел бы этот фронт в обороне, тем сильнее ее оборудовал. А значит, оборона стала бы требовать меньше людей, что, в свою очередь, позволяло сформировать у Юго-Западного фронта большие войсковые резервы для удара. И ударить Кирпонос мог под основание клина стремящейся к Москве группы армий «Центр».

А эта группа армий была механизирована, следовательно – чрезвычайно зависима от путей своего снабжения. Если бы Юго-Западный фронт их перерезал, то окруженной под Москвой группировке «Центр» осталось бы только сдаться.

И Гитлер выбрал осторожный вариант. Он остановил наступление на Москву и направил большую часть подвижных войск группы армий «Центр» на Украину, где она совместно с группой «Юг» 12 сентября нанесла удар и окружила четыре армии Юго-Западного фронта. **Но немцы потеряли время и силы.** А за это время вокруг Москвы были собраны войска, и немцы ее взять уже не смогли. Всю войну этот чисто русский район оставался без оккупации и явился поставщиком всем фронтам оружия и людей. А СССР остался неразделенным.

Вот за это немецкие генералы и ругают Гитлера, считают, что он обязан был рискнуть и броситься на Москву, не беря Киев. Но еще неизвестно, что было бы хуже для немцев.

Но зато понятно, что было бы для немцев лучше. Это если бы Сталин принял совет Жукова отвести войска от Киева уже в июле. Группа армий «Юг» погнала бы покинувший окопы и Киевский УР Юго-Западный фронт на восток, громя его своими более подвижными соединениями. А у группы армий «Центр» южный фланг стал бы безопасным, и она рванула бы на Москву.

Но если немецкие генералы обвиняют своего главнокомандующего в спорной нерешительности, приведшей к поражению в войне, то Жуков Сталина в чем обвиняет? В том, что Сталин оказался стратегом и не дал немцам выиграть войну? Не дал Жукову помочь им в этом?

Мне порою кажется, что мемуары Жукова «Воспоминания и размышления» читал кто угодно, кроме военных. Поскольку когда Георгий Константинович начинает «размышлять», то возникает масса вопросов даже у штатских.

Вернемся, например, к описанию им совещания 29 июля 1941 г., на котором Жуков был снят с должности начальника Генштаба⁸. Заявив с апломбом, что *«исходя из анализа обстановки, они (немецкие войска. – Ю.М.) могут действовать именно так, а не иначе»*, Жуков дал анализ обстановки и свои предложения (сжато):

«На московском стратегическом направлении немцы в ближайшие дни не смогут вести наступательную операцию, так как они понесли слишком большие потери. У них нет здесь крупных стратегических резервов для обеспечения правого и левого крыла группы армий «Центр»;

– Наиболее слабым и опасным участком наших фронтов является Центральный фронт. Армии, прикрывающие направления на Унечу, Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта».

---

⁸ Согласно журналу посетителей Сталина, в этот день у него не было никаких совещаний.

Надо:

«Прежде всего укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Одну армию за счет западного направления;

– Юго-Западный фронт необходимо целиком отвести за Днепр... Киев придется оставить...»

В этой фантазии Жукова начисто отсутствует и логика, и хроника событий.

Во-первых. От Черного моря на север, в Бессарабии, держал оборону Южный фронт, к его северному флангу примыкал южный фланг Юго-Западного фронта. Если армии Юго-Западного фронта отвести за сотни километров на север за Днепр, то что станет с 9-й и 18-й армиями Южного фронта, с Одессой, с Крымом? Жуков об этом молчит, видимо, так далеко он по карте не смотрел.

Во-вторых. Вокруг Киева на правом берегу Днепра в 30-е годы еще против поляков был построен укрепленный район с противотанковыми рвами, бетонными дотами и т. д. Немцы на попытке его прорыва понесли столь тяжелые потери, что прекратили его атаковать. Допустим, Юго-Западный фронт нужно вывести на левый берег Днепра, но зачем бросать уже готовый плацдарм, крепость на правом берегу? В чем смысл сдачи немцам этой крепости, Жуков тоже молчит.

В-третьих. Конечно, в 1972 г. Жуков уже знал, что немцы сначала ударили в тыл Юго-Западному фронту, а уж затем начали наступать на Москву. Но 29 июля, по настоянию Генерального штаба, немцы готовили наступление именно на Москву! И снятие целой армии с этого направления (западного) было военным безумием⁹. Поскольку тогда еще никто не мог знать, что предпринятое Ворошиловым в середине августа наступление в районе озера Ильмень будет настолько успешным, что Гитлер все же отменит директиву о наступлении на Москву и только 21 августа даст новую директиву о повороте 2-й танковой группы Гудериана в тыл Юго-Западного фронта.

В-четвертых. Если войска группы армий «Центр» *«понесли слишком большие потери»*, чтобы дойти 300 км до Москвы, то откуда у этой группы могли взяться силы, чтобы прорвать Центральный фронт и пройти 500 км в тыл Юго-Западного фронта? В анализе и предложениях Жукова начисто отсутствует какая-либо логика. Он и в 1972 г. не понял не только стратегический, но и оперативный смысл немецких операций 1941 г. А ведь, к примеру, Гот уже в 1956 г. его открыл всем желающим. Не «потери», а совершенно другие соображения двигали немцами:

«Правда, против продолжения наступления на Москву в то время был один веский аргумент оперативного значения. Если в центре разгром находившихся в Белоруссии войск противника удался неожиданно быстро и полно, то на других направлениях успехи были не столь велики. Например, не удалось отбросить на юг противника, действовавшего южнее Припяти и западнее Днепра. Попытка сбросить прибалтийскую группировку в море также не увенчалась успехом. Таким образом, оба фланга группы армий «Центр» при продвижении на Москву подверглись опасности оказаться под ударами, на юге эта опасность уже давала себя знать».

---

⁹ В тот момент это направление защищали остатки армий, прорвавшихся из окружения под Смоленском.

Буденный и Киев

Давайте поговорим подробнее об окружении немцами наших войск под Киевом в сентябре 1941 г. Напомню, что ни на севере, где Северо-Западным направлением командовал маршал Ворошилов, ни на юге, где Юго-Западным направлением командовал маршал Буденный, у немцев никаких окружений не получилось. В результате группа немецких армий «Центр» глубоко вклинилась по направлению к Москве, и ее положение стало опасным: неразгромленные войска Ворошилова и Буденного могли ударить с севера и с юга по основанию немецкого клина и окружить войска, идущие на Москву. Гитлер этой опасностью пренебречь не смог, тем более поняв, что его армия сражается не с французами или поляками, а с солдатами совсем иного качества.

Гитлер не смог не учесть изменения обстоятельств и вынужден был импровизировать. Он поставил крест на «Барбароссе» и изменил задачу группе «Центр». Он остановил ее движение к Москве и повернул входящую в ее состав 2-ю танковую группу Гудериана и 2-ю армию на юг – в тыл советского Юго-Западного фронта с целью окружить и уничтожить его войска. То есть перед наступлением на Москву Гитлер снимал угрозу своим войскам с юга. (А 3-я танковая группа, входившая в группу армий «Центр», была направлена на север для снятия угрозы удара оттуда).

Особенно велика была опасность от этого маневра Гитлера для Юго-Западного фронта. Его войска держали оборону далеко на западе, причем крайним западным участком был укрепленный район (УР¹⁰) на правом берегу Днепра у Киева. Здесь, кстати, находилась самая крупная и сильная группировка советских войск Юго-Западного фронта.

Сталин видел эту опасность и принял меры: был создан Брянский фронт в составе двух армий под командованием генерал-лейтенанта Еременко восточнее того места, откуда немцы могли нанести удар в тыл Юго-Западного фронта. Предполагалось, что ударом с запада войск Юго-Западного фронта и с востока – войск Брянского фронта прорыв немцев на юг будет смят и ликвидирован. Но из-за отсутствия радиосвязи наша многочисленная и не управляемая в воздухе авиация в то время не представляла существенной угрозы немецкой авиации, и люфтваффе Геринга практически выбомбило Брянский фронт еще на станциях выгрузки. Еременко остановить Гудериана не смог.

Г.К. Жуков в своих мемуарах, как видите, глупо врет, что, дескать, 29 июля 1941 г. он предложил отвести войска Юго-Западного фронта на восток и оставить Киев, а Сталин, дескать, его за это гениальное предложение выгнал с должности начальника Генштаба. Жуков, по обыкновению, украл эту историю у другого военачальника, поскольку произошла похожая история спустя полтора месяца после заявленной Жуковым даты.

Началось это трагическое событие в ночь на 11 сентября. Маршал Баграмян, на тот момент генерал-майор и начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, восстановил его по копиям телеграмм и собственным воспоминаниям. Оказывается, это не Жуков, а маршал Буденный дал телеграмму Сталину: *«Военный совет Юго-Западного фронта считает, что в создавшейся обстановке необходимо разрешить общий отход фронта на тыловой рубеж...»* (Далее идет оценка обстановки Буденным и такие выводы: *«Промедление с отходом Юго-Западного фронта может повлечь к потере войск и огромного количества материальной части. В крайнем случае, если вопрос с отходом не может быть пересмотрен, прошу разрешения вывести хотя бы войска и богатую технику из Киевского УР, эти силы и средства, безусловно, помогут Юго-Западному фронту противодействовать окружению»*).

---

¹⁰ УР – укрепленный район – система инженерных заграждений и сооружений (доты, рвы, минные поля), предназначенная для обороны границ или важных объектов.

Сталин был в очень трудном положении. Как глава страны он должен был согласовать оставление врагу столицы уже шестой союзной республики и огромного количества населения. Генштаб против отвода войск. Что делать? Сталин принимает собственное решение, и это решение военного вождя – он ставит Юго-Западному фронту задачу на спасение войск, на спасение не бегством, а боем. Вечером 11 сентября он связывается по телеграфу с Кирпоносом и, оценив обстановку, заканчивает анализ своим решением:

«Первое. Немедленно перегруппировать силы хотя бы за счет Киевского укрепрайона и других войск и повести отчаянные атаки на конотопскую группу противника¹¹ во взаимодействии с Еременко, сосредоточив в этом районе девять десятых авиации. Еременко уже даны соответствующие указания. Авиационную же группу Петрова мы сегодня специальным приказом передислоцируем на Харьков и подчиним Юго-Западному направлению.

Второе. Немедленно организовать оборонительный рубеж на реке Псел или где-либо по этой линии, выставив большую артиллерийскую группу фронтом на север и на запад¹² и отведя 5–6 дивизий на этот рубеж.

Третье. По исполнении этих двух пунктов, и только после исполнения этих двух пунктов, т. е. после создания кулака против конотопской группы и после создания оборонительного рубежа на реке Псел, словом, после всего этого начать эвакуацию Киева. Подготовить тщательно взрыв мостов. Никаких плавсредств на Днепре не оставлять, а разрушить их и после эвакуации Киева закрепиться на восточном берегу Днепра, не давая противнику прорваться на восточный берег.

Перестать, наконец, заниматься поисками рубежей для отступления, а искать пути для сопротивления».

Надо пояснить, чего боялся Сталин. Когда 30 июня 1941 г. Ставка разрешила Юго-Западному фронту отвести войска от новой границы к укрепрайонам на старой границе, то фронт этот маневр произвести не смог. Отвод всех войск сразу привел к тому, что немцы опередили колонны наших отступающих войск и едва не ворвались в Киев. Закрепиться на УРах старой границы не удалось, пришлось отступать дальше – до Днепра.

Поэтому Сталин, поддержав в целом предложение Буденного, расширил его и разбил на этапы: сначала нужно было войска с правого берега Днепра (Западного), с Киевского УРа немедленно перебросить навстречу Гудериану и не дать тому замкнуть окружение; одновременно отвести часть войск на Псел и начать готовить оборонительные позиции, а затем на эти позиции отводить и весь фронт. Сам маршал Баграмян это решение Сталина откомментировал так: *«Своей железной логикой Верховный Главнокомандующий мог обезоружить кого угодно»*.

Но дальше случилось невероятное, вернее, то, чего ни Баграмян, ни другие оставшиеся в живых свидетели объяснить не могли, случилось то, отчего *«Тупиков, слушая Кирпоноса, схватился за голову»*. Кирпонос и член Военного совета фронта Бурмистенко телеграфировали Сталину: *«У нас и мысли об отводе войск не было до получения предложения дать соображения об отводе войск на восток с указанием рубежей, а была лишь просьба в связи с расширением фронтом до 800 с лишним километров усилить наш фронт резервами...»*

Сталин не понял. Он передал Кирпоносу текст телеграммы, которую получил от Буденного. Телеграфный аппарат долго молчал, видимо, растерянный Сталин не знал, что решить, ведь оказалось, что и Генштаб, и командующий Юго-Западным фронтом против отвода фронта с занимаемых позиций. Затем последовал приказ: *«Киева не оставлять и мостов не взрывать без особого разрешения Ставки»*. На следующий день Ставка сняла Буденного с должности и назначила на его место Тимошенко.

¹¹ На прорывающиеся в тыл Юго-Западного фронта войска Гудериана.

¹² Против войск Гудериана.

Так что совершать подлость по отношению к своим коллегам, как видите, у ряда советских полководцев было в обычае. Подлость в данном случае в том, что Кирпонос сначала попросил Буденного запросить у Сталина разрешение на отвод войск от Киева, а когда Сталин по этому вопросу связался с Кирпоносом, нагло заявил, что он тут ни при чем, представив Буденного паникером.

Проблемы окружения

В сентябре 1941 года Юго-Западный фронт занимал дугу от фланга до фланга по прямой почти в 300 км. На северном фланге вела бои 40-я армия, за нею 21-я и 5-я, собственно Киев защищала 37-я армия. (Между прочим, во всей своей книге Баграмян не упоминает фамилию генерала, командовавшего 37-й, и во всех соответствующих эпизодах пишет о некоем безымянном «командующем». А командовал 37-й генерал-майор А.А. Власов.) Уже на левой стороне Днепра ниже Киева оборону держали 26-я и 38-я армии. В сентябре 2-я танковая армия немцев под командованием Гудериана ударила в стык между 40-й и 21-й армиями и вышла в тыловые районы Юго-Западного фронта. Навстречу ей с плацдарма у Кременчуга в стык между 38-й и 26-й армиями ударила 1-я танковая армия Клейста. Как вы видели выше, 11 сентября Кирпонос отверг предложение Буденного отводить войска на рубеж реки Псел и заверил Сталина, что фронт справится с ситуацией и Киев оставлять нет необходимости. А 15 сентября обе немецкие танковые армии соединились в районе села Лохвица, примерно в 70 км к востоку от города Прилуки, в котором находился штаб Юго-Западного фронта. На тот момент об окружении говорить не приходилось: при прорыве немцы понесли большие потери и в наших тылах действовали, по сути, отдельными отрядами, для создания сплошной линии фронтов (внутреннего и наружного) немцам не хватало войск, соответственно и коммуникации их были уязвимы. То есть ситуация была такова, что еще было неизвестно, кто кого окружил и чем это дело закончится.

Но формально территория, занятая Юго-Западным фронтом, была окружена с запада фронтом немецких пехотных дивизий, а с востока – отрядами двух немецких танковых армий. Не нужно быть генералом, да, по-моему, и военным, чтобы понять, что тут нужно было делать: нужно было ударами из кольца и снаружи перерезать коммуникации танковых армий немцев, и тогда получится соединение окруженных со своими войсками, а прорвавшиеся немцы в свою очередь окажутся окруженными советскими войсками. Это настолько очевидно, что немцы своим офицерам прямо объяснили, что дивизии, вошедшие в прорыв, обязаны быть готовы к действиям в условиях окружения, т. е. предупреждали, что в самом окружении не только для полководца, но и для солдата нет ничего необычного – это дополнительная трудность, но не более того.

Тут вопрос: а где взять силы для окружения прорвавшихся немцев в твой тыл? Эти силы берутся за счет сжатия кольца окружения. Предположим, что для удержания фронта нужно 1000 солдат на километр, и если ты в кольце диаметром 100 км, то тебе нужно 300 тысяч человек, но если ты сожмешь кольцо до диаметра в 50 км, то у тебя при той же плотности на фронте высвободится 150 тысяч человек, которых ты можешь использовать для удара в нужном месте. Говоря в принципе – для накопления сил для удара по прорвавшимся, нужно сократить длину внешнего фронта. Юго-Западный фронт имел вид ломаной дуги или даже клина, имеющего в своем острие Киев. Если оставить Киев и спрямить внешний вид фронта, то могло высвободиться до половины войск. Причем Кирпоносу нужно было делать это немедленно, не упуская ни часа и не дожидаясь никаких приказов Сталина, поскольку, во-первых, запас боеприпасов внутри кольца сокращался, а во-вторых, немцы, вслед за танковыми, вводили в прорыв и пехотные дивизии. А те, в отличие от танковых, закрепляли за собой местность – они зарывались в землю, готовили систему огня, защищали коммуникации танковых клиньев, и их было уже значительно труднее сбить с позиций.

То есть Кирпоносу уже 15 сентября нужно было приказать Власову выводить 37-ю армию из Киева, остальные армии, оказавшиеся в кольце, отводить на восток к местам, где будут нанесены удары, окружающие прорвавшихся немцев, а двум своим армиям (40-й и 38-й), оказавшимся вне кольца окружения, приказать готовить удары извне. Ведь Кирпонос считался

полководцем, и только на нем лежала ответственность за то, чтобы вверенные ему люди эффективно уничтожали врага, а не бездарно и бесполезно пали. Однако вместо этого произошло следующее.

Отход

И.Х. Баграмян, хотя и старше Черняховского, но, как и тот, был замечен Сталиным и, начав войну полковником, закончил ее генералом армии и командующим фронтом. В целом мемуары Баграмяна достаточно содержательны, но он все же типичный советский генерал, то есть сплочен солидарностью генеральской касты и скорее будет нагло врать, чем напишет то, за что генеральская мафия на него обидится. И в деле с Кирпоносом и с гибелью Юго-Западного фронта он либо недоговаривает, либо откровенно лжет, и лжет, чтобы выгородить генералов РККА и представить их этакими «ероями».

Баграмян начал войну полковником, начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, вскоре ему присвоили звание генерал-майора, он практически до конца находился с Кирпоносом, видел, что тот делал, но в своих мемуарах старательно лепит из Кирпоноса героя. Давайте посмотрим, как он это делает.

Предварительно следует сказать, что когда немецкие танковые армии соединились у Лохвицы, Баграмян оказался вне кольца, поскольку находился в 38-й армии. Не знаю, из каких соображений, но первым документом начавшейся трагедии Баграмян представляет вот такую телеграмму:

«Мне показали донесение Кирпоноса в Генштаб и главкому направления. Оно заканчивалось словами: «Фронт перешел к боям в условиях окружения и полного пересечения коммуникаций. Переносю командный пункт в Киев, как единственный пункт, откуда имеется возможность управления войсками. Прошу подготовить необходимые мероприятия по снабжению армий фронта огнестрелами при помощи авиатранспорта».

У меня защемило сердце».

И никаких комментариев к этой телеграмме, кроме состояния своей сердечной мышцы, Баграмян не дает, хотя тут возникает существенный вопрос к Кирпоносу.

Историки и литераторы взхлеб уверяют, что под Киевом немцы окружили миллионы советских солдат и только пленных взяли 650 тысяч, забывая сообщить, что эту цифру поведал миру доктор Геббельс в своих радиопрограммах, газетах и в листовках, сбрасываемых на советские войска. На самом деле в четырех армиях, попавших в окружение, было около 300 тысяч человек (Гудериан пишет о 290 тысячах пленных), но и это была огромная сила, которую Кирпонос обязан был с толком использовать для победы. А для этого он обязан был эффективно командовать фронтом, для чего ему нужно было находиться в таком месте, с которого командовать им наиболее удобно, т. е. с которого ближе всего и до всех армий, и до полей намечаемых боев. Удобнее всего это было делать из пункта на оси отхода окруженных советских армий, тогда бы до каждой из них было оптимальное расстояние, и эти армии все время приближались бы к штабу, что облегчало бы связь с ними (за связь отвечают вышестоящие штабы). В то же время с такого пункта было бы недалеко до мест, в которых армии Юго-Западного фронта начали бы отсекал от флангов клинья немецкого прорыва. Кроме того, должна была быть надежная радиосвязь и с 40-й и 38-й армиями, ведь им подлежало бить по немцам там, где будут наносить удары окруженные армии.

А что такое Киев? Это крайняя западная точка фронта, максимально удаленная ото всех армий и мест будущих боев, это пункт, из которого было труднее всего управлять фронтом. Кроме этого, в этот момент немцы предпринимали решительные действия по отсечению 37-й армии и Киева от остальных армий фронта, и если бы Кирпонос успел в Киев проскочить, то он вообще не смог бы управлять войсками. Но и немцы не дали Кирпоносу улизнуть туда, и, надо думать, Тимошенко приказал перевести штаб фронта из Прилук на 50 км южнее – в городок Пирятин, расположенный как раз на оси отхода Юго-Западного фронта и недалеко от мест предполагаемых боев с прорвавшимися немцами. Пирятин – узел хороших дорог ко всем

армиям фронта, кроме того, защищен рекой Удай с востока от неожиданностей со стороны танковых дивизий Гудериана и Клейста.

И возникает вопрос, а в связи с чем это Кирпонос, только узнав 15 сентября об окружении, вдруг заторопился в место, из которого невозможно командовать всем фронтом, но зато в котором легко попасть в плен?

Далее Баграмян сообщает, что уже утром 16 сентября его вызвал в Полтаву командующий Юго-Западным направлением маршал Тимошенко и приказал вылететь к Кирпоносу и передать устный приказ. Баграмян довольно много и не по делу рассуждает о согласовании этого приказа со Сталиным, но суть приказа, нет сомнений, передал точно.

«— Доложите, товарищ Баграмян, генералу Кирпоносу, что в создавшейся обстановке Военный совет Юго-Западного направления единственно целесообразным решением для войск Юго-Западного фронта считает организованный отход. Передайте командующему фронтом мое устное приказание: оставив Киевский укрепленный район и прикрывшись небольшими силами по Днепру, незамедлительно начать отвод главных сил на тыловой оборонительный рубеж. Основная задача — при содействии наших резервов разгромить противника, вышедшего на тылы войск фронта, и в последующем перейти к обороне по реке Псел. Пусть Кирпонос проявит максимум активности, решительнее наносит удары в направлениях на Ромны и Лубны, а не ждет, пока мы его вытаскиваем из кольца.

...Медленно потирая пальцами виски, словно утихомиривая боль, маршал сказал:

— Сейчас мы делаем все, чтобы помочь фронту: стягиваем на Ромны и Лубны все силы, которые смогли собрать, в том числе усиленный танками кавкорпус Белова и три отдельные танковые бригады. Через несколько дней к нам подойдут дивизии Руссиянова и Лизюкова. Этими силами мы попытаемся пробиться навстречу окруженным войскам фронта.

...Я облегченно вздохнул. Появилась надежда, что не все еще потеряно.

Дав указания о порядке отвода и организации управления войсками в условиях выхода из окружения, главком сказал на прощание:

— Спешите, товарищ Баграмян. И пусть Кирпонос не медлит! Ваш перелет из Полтавы в район Пилятина обеспечит генерал Фалалеев.

Не теряя времени, я направился к командующему ВВС направления. Ф.Я. Фалалеев сказал, что уже выделил для меня скоростной бомбардировщик с опытным экипажем.

Казалось, все шло хорошо. Но меня смущало одно обстоятельство: такие важные полномочия, которыми наделил меня Военный совет Юго-Западного направления, не подкреплялись документами. Правда, приходилось учитывать, что самолет могут сбить, и совсем нежелательно, чтобы такой документ попал в руки врага...»

Как видите, речь и близко не шла о каком-то там «выходе из окружения», да если вы думаетесь, то и не могла идти. С чего бы это Сталин и Тимошенко вдруг сочли войска Юго-Западного фронта, отрезанные от остальных войск Красной Армии, уже не советскими войсками, а каким-то чудом морским, которому воевать уже не надо, бить немцев не надо, а надо или сидеть и ждать, когда их кто-то спасет, погибнув сам, или, бросив оружие, удирают от немцев? Окружены были такие же солдаты, командиры и генералы, как и все остальные, и окруженные обязаны были бить немцев, как и все остальные. Это был неизменный подход Сталина к этому вопросу — он никогда, и вы это увидите дальше, не давал приказов на «выход из окружения», он давал приказы только на отход с уничтожением прорвавшегося противника. Байку про приказ на «выход из окружения» придумали уже после войны в своих мемуарах полководцы РККА, а Баграмян, из-за своей кастовой солидарности, стал одним из таких народных сказителей.

Саботаж

Далее Баграмян начинает откровенно врать: *«Из-за непогоды мы смогли вылететь лишь на следующий день. Меня усадили в прозрачной башне стрелка-радиста, откуда открывается широкий обзор. Нас сопровождают два истребителя. Пройдя через линию фронта, они повернули назад. И тотчас над горизонтом появились черные точки. Летчик не стал сворачивать и на предельной скорости вел самолет на запад. Нам повезло. Мы проскочили сквозь заслон вражеских истребителей. Вот и аэродром Гребенка – пункт назначения, – пишет Баграмян, а через несколько страниц дополняет: – Добирались мы очень долго. Дорога была сплошь забита машинами, обозами, передвигавшимися колоннами тыловых частей и учреждений.*

У генерала Кирпоноса мы застали Бурмистенко и Рыкова. Я доложил о распоряжении главкома».

Вот исходя из этого текста, скажите, когда Баграмян доставил приказ Тимошенко Кирпоносу? Сам Баграмян заучил этот приказ 16-го утром, но если он вылетел на следующий день, да еще в какую-то Гребенку, а потом долго добирался до Кирпоноса, то что получается? Получается, что Баграмян передал приказ 17-го, в лучшем случае, во второй половине дня.

Но когда вышло первое издание воспоминаний Баграмяна, то откликнулся летчик, переправивший его через фронт, и Баграмян, не подумавши, соблазнился в последующих изданиях поместить письмо этого живого свидетеля своего подвига. А в летной книжке этого пилота была сделана запись: *«16 сентября 1941 года. Полет Полтава-Пирятин. Особое задание».* То есть Баграмян доставил Кирпоносу приказ не 17-го вечером, а 16-го в худшем случае во второй половине дня. (От Полтавы до Пирятина около 150 км, скорость СБ свыше 400 км/ч, штаб фронта находился на хуторе Верхояровка, в 3 км от Пирятина, а командный пункт Кирпоноса находился в роще в паре километров от штаба.) Мы видим, что Баграмян лжет, на сутки или более затягивая время получения приказа Кирпоноса. Почему лжет?

А потому что Кирпонос саботировал исполнение приказа – он не стал трансформировать его в свой приказ армиям Юго-Западного фронта и не стал передавать его войскам сразу же по получении! Кирпонос более суток цинично ждал, пока немцы окружат его армии основательнее! К примеру, за это время немцы перерезали основные пути отхода из Киева 37-й армии, и в промежуток Яготин-Березань немцы успели ввести крупную группировку своих войск.

Поскольку Тимошенко давал Кирпоносу приказы и по радио, то Баграмяну все же надо было как-то объяснить причины бездействия Кирпоноса, и он объясняет их доводами, достойными американского адвоката. Кирпонос, оказывается, не исполнял приказ, так как не были выполнены надлежащие формальности.

«– Вы привезли письменное распоряжение на отход? – не отвечая ему, спросил меня командующий.

– Нет, маршал приказал передать устно.

Кирпонос, насунив густые брови, зашагал по комнате. Потом сказал:

– Я ничего не могу предпринять, пока не получу документ. Вопрос слишком серьезный. – И хлопнул ладонью по столу: – Все! На этом закончим».

Как видите, Кирпонос требовал в бумажном виде приказ, который обязан был дать сам безо всяких начальников. Каков педант!

Ну, как же, скажут умники, а потом бы на Кирпоноса свалили вину за оставление Киева, вот он и требовал письменного указания, чтобы в этом случае бумагой оправдаться. Во-первых, будь Кирпонос хоть немного порядочным человеком, он бы в этот момент думал не о собственной заднице, а о тех 300 тысячах советских солдат, гибель которых он приближал и приближал. Во-вторых, такие полководцы РККА, как Кирпонос, когда речь идет об их шкуре,

плевать хотели на Сталина и его приказы. Ниже вы это увидите, а сейчас еще об одной причине, по которой Кирпонос не давал своим войскам приказ. Баграмян продолжает.

«Вечером 17 сентября в Москву была отправлена радиogramма следующего содержания:

«Главком Тимошенко через заместителя начальника штаба фронта передал устное указание: основная задача – вывод армий фронта на реку Псел с разгромом подвижных групп противника в направлениях на Ромны, Лубны. Оставить минимум сил для прикрытия Днепра и Киева.

Письменные директивы главкома совершенно не дают указаний об отходе на реку Псел и разрешают взять из Киевского УР только часть сил. Налицо противоречие. Что выполнять? Считаю, что вывод войск фронта на реку Псел правилен. При этом условии необходимо оставить полностью Киевский укрепленный район, Киев и реку Днепр. Срочно просим ваших указаний».

Видели, какой умник?

Любой отвод войск проводится этапами – войска переходят с одного промежуточного рубежа обороны на другой, пока не доберутся до заданного. До реки Псел таких промежуточных рубежей могло быть с десяток, скажем, они могли быть и на реке Сула, и на реке Хорол. Так, Кирпонос даже на первый промежуточный рубеж не собирался отводить войска, пока ему точно и письменно не укажут последний! Начальнику штаба фронта генералу Тупикову уже только за эту телеграмму нужно было Кирпоноса пристрелить и взять командование на себя. Но, как утверждает Баграмян, они с Тупиковым уговаривали и уговаривали Кирпоноса, пока барин не смилоствился и все же 17-го вечером подписал приказ во исполнение приказа, данного 16 сентября Тимошенко.

«Посоветовавшись с Тупиковым, Бурмистенко и Рыковым, командующий приказал поставить армиям следующие задачи: 21-й – к утру 18 сентября сосредоточиться на рубеже Брагинцы, Гнединцы (юго-восточнее Прилук) и главными силами нанести удар на Ромны, навстречу 2-му кавалерийскому корпусу; 5-й – частью сил прикрыть отход 21-й армии с запада, а остальными нанести удар на Лохвицу; 26-й – создать ударный кулак из двух дивизий, наступать на Лубны; 37-й – вывести войска из киевского укрепрайона на левый берег Днепра, создать из них ударную группу и прорываться на Пирятин и далее на восток, составляя арьергард сил фронта; 40-й и 38-й – ударить с востока навстречу главным силам фронта в направлениях на Ромны и Лубны.

Генерал Тупиков набросал на карте план отхода войск и приказал мне внести необходимые изменения в заранее подготовленные штабом боевые распоряжения армиям. Но передать эти документы адресатам было уже нелегко. С большими трудностями мы довели их только до командующих 5, 26 и 40-й армиями. Со штабами 21-й и 37-й армий связи не было даже по радио. Мы послали в Киев двух старших офицеров на автомашинах. Они не смогли пробраться в город и, видимо, погибли в пути. Лишь несколько позднее нам удалось через штаб главкома известить 37-ю армию о необходимости пробиваться на восток.

В 21-ю армию был направлен мой заместитель полковник Захватаев, который должен был вручить приказ генерал-лейтенанту В.И. Кузнецову и отходить вместе с его штабом.

К нашему счастью, почти вся авиация фронта и основная часть фронтового тыла своевременно были перебазированы за реку Псел, и мы в эту трудную пору могли не отвлекаться на организацию их выхода из окружения».

(Заметим, что Кирпонос только что послал Сталину радиogramму, чтобы тот сказал точно: на Псел выходить или не на Псел, а оказывается, тылы фронта и авиация уже давно были за этой речкой.)

Итак, пустяк Кирпонос сделал – дал-таки приказ, хотя и поздно. И вот только теперь у него и его штаба начиналась настоящая работа – нужно было организовать исполнение этого приказа, т. е. дополнительными распоряжениями, ввиду меняющейся обстановки, организо-

вать, чтобы все армии фронта этот приказ исполнили, срезали клинья прорвавшихся в тыл фронта немцев, окружили их и уничтожили, а сами отошли на реку Псел. Ведь в армии ответственность за исполнение приказа лежит на том, кто его дал, в данном случае – на Кирпоносе и штабе фронта.

И посмотрите, что творит Кирпонос и его штаб!

Дезорганизация войск фронта

Баграмян пишет: *«Военный совет и штаб фронта тронулись в путь в ночь на 18 сентября. Было решено пробиваться через Лохвицу. Для большей маневренности управление фронта разделялось на два эшелона. Я следовал в первом эшелоне, в который входили Военный совет, основная часть штаба, политуправление, начальники родов войск и служб».*

Как это вы «тронулись в путь»? А фронтом кто будет командовать? «Дед Пихто!» – отвечает мне с того света Баграмян и начинает горестный рассказ о трагической судьбе штаба Юго-Западного фронта. Нет, не будем спешить и рассмотрим сначала это сообщение.

Во всех армиях и во все времена первые, кого стремится убить противник, это командиры. И стремится это сделать по простой причине – противника без командиров можно бить по частям. Если бы Гитлер поручил какому-нибудь Скорцени уничтожить управление Юго-Западным фронтом и тот бы это исполнил, то получил бы минимум Рыцарский крест. А Кирпонос «забесплатно» уничтожил управление своего фронта, причем для этого ему не потребовалось никакого письменного приказа Сталина, поскольку никакой Сталин или Тимошенко не давали ему приказа «выходить из окружения». Это вопиющий по своей наглости акт измены Родине и воинскому долгу!

Теперь второй вопрос – а куда это они «тронулись в путь»? «В Лохвицу», – скромно отвечает Баграмян. А что вам там делать? – возникает следующий вопрос. Ведь в Лохвице уже три дня как укрепились немцы. А приказ 5-й армии о наступлении на Лохвицу вы, Кирпонос и штаб, передали несколько минут назад, значит, войска 5-й армии получают его, если получают, только к утру, а когда сосредоточатся для исполнения этого приказа – еще неизвестно, а когда начнут исполнять, то им до Лохвицы с боями еще идти и идти. А штабу фронта на автомашинах до Лохвицы три часа пути. Так, повторю, что было делать в ночь на 18 сентября штабу фронта в Лохвице?

Итак, штаб Юго-Западного фронта, находясь среди своих войск и не испытывая никакого давления со стороны немцев, вдруг начал удирать от своих войск к немецким. Почему?

Но, правда, на вопрос, что делать в Лохвице, Баграмян отвечает, и неизвестно, краснел ли он от стыда при этом. Оказывается, в Лохвице есть мост через реку Сула, а штаб удирал на автомашинах и Сулу мог пересечь только по мосту, вот Кирпонос и поехал в Лохвицу. Видите, как все просто! Да, но есть маленький вопрос – чтобы переехать мост через Сулу у Лохвицы, надо было получить разрешение у немцев, а немцы, что, это разрешение Кирпоносу уже дали?

И главное – чего вообще штаб Юго-Западного фронта всполошился? Было бы понятно, если бы немцы атаковали Верховяровку и были уже в 500 метрах от нее. Но ведь на севере немцы были не менее чем в 50 км от Пирятина, на западе не менее чем в 40, но там из Киева в тыл этим немцам выходила мощная 37-я армия, которой Кирпонос приказал пробиваться на Пирятин, т. е. к штабу фронта. Только на юге и на востоке немцы могли быть примерно в 30 км. Штаб находился там, где ему и полагается быть, – в центре своих войск.

Ну, положим, штабу срочно захотелось перейти из окружения к войскам, ведущим деблокаду, но снаружи кольца 40-я армия Юго-Западного фронта находилась на северо-востоке, в районе города Ромны, а 38-я – на юго-востоке и должна была атаковать Лубны. Так зачем нужно было из-за моста через Сулу под Лохвицей переться 60 км с форсированием двух рек – Удаи и Многи? Тем более что за Лохвицей и советских войск-то не было – только в Гадяче случайно оказавшийся там саперный батальон высылал дозоры да вел разведку. Сулу надо было форсировать в Лубнах, там тоже есть мост, до города Лубны было всего 45 км, да еще по трассе Киев – Полтава, и без всяких форсирований рек.

Более того, согласно только что отданному приказу самого Кирпоноса, Лохвица должна была стать центром окруженной немецкой группировки, а окружить ее Кирпонос приказал

прорывами у Ромны и Лубны. Так ехал бы к Лубнам командовать войсками 26-й и 38-й армий, которым сам же и приказал взять этот город!

Таким образом, с какой точки зрения ни посмотри, а то, что Кирпонос и штаб поспешно прекратили управление войсками фронта и поспешно выехали в направлении Лохвицы, честных объяснений не имеет. Оно имеет только одно объяснение: цель этого – дезорганизация войск фронта с тем, чтобы немцы могли легко их добить и не предъявляли потом пленному Кирпоносу претензий из-за «бессмысленного сопротивления», повлекшего потери немецких войск.

Ведь даже дезорганизованные и преданные частью полководцев РККА полки и подразделения Юго-Западного фронта дрались очень долго. В ночь на 18 сентября Кирпонос бросил их без командования, а части 26-й армии сражались и пробились к своим только к октябрю, части 37-й армии сражались до 5 октября.

Топтание на месте

А теперь давайте рассмотрим, как Кирпонос и штаб фронта проделали свой путь на Лохвицу. Баграмян продолжает: *«Из деревни Верхояровка взяли курс на Пирятин, где был мост через реку Удай. Во второй половине ночи подошли к реке».*

Выше Баграмян сообщил, что колонна штаба тронулась в путь «в ночь на 18 сентября», т. е. в 8–9 часов вечера, а «во второй половине ночи», т. е. после 12 часов, они подошли к мосту через Удай. Автотранспорту воинских колонн задают скорость 20 км/ч. От Верхояровки до моста через Удай – 4 км. Отметим, что Кирпонос как-то не сильно спешил к мосту через Удай, позже постараемся понять, почему. Далее Баграмян сообщает: *«Вражеская авиация бомбила переправу, потребовалось много труда, чтобы поддержать порядок. Преодолев реку, колонна штаба под прикрытием частей 289-й стрелковой дивизии полковника Д.Ф. Макишанова миновала Пирятин и направилась к населенному пункту Чернуха, но перед рассветом была атакована немецкими танками с севера и отсечена от стрелковых подразделений. Пришлось менять направление».*

Возникает вопрос. Если 289-я стрелковая дивизия, задачей которой было охранять штаб фронта, увидела, что колонна штаба атакована немцами, то дивизия обязана была развернуться и принять бой с тем, чтобы защитить штаб? Вооруженный до зубов противотанковой артиллерией и бронемашинами с пушечным вооружением полк охраны штаба фронта обязан был принять бой с тем, чтобы колонна штаба соединилась с дивизией? Вроде так, но Баграмян ничего не пишет о бое, а отсюда следует, что они свернули, как только увидели танки (если они были), а дивизия ушла уже так далеко, что не видела немецкого нападения на колонну штаба. Имеем два вывода:

- колонна штаба не ехала за дивизией, поскольку не может автоколонна на шоссе отстать от пеших подразделений;
- Кирпонос умышленно отделился от 289-й дивизии, иначе послал бы полк охраны в бой, чтобы с нею соединиться.

Видите ли, от Пирятина до Чернух около 30 км, за осеннюю ночь по шоссе даже пеший солдат пройдет это расстояние, и автоколонне отстать от дивизии можно было только специально. Но даже без 289-й дивизии с Кирпоносом оставалось еще очень много солдат и оружия. Баграмян продолжает.

«Свернули на проселочную дорогу, пролежавшую вдоль левого берега реки Удай. Двигались под бомбежками и артиллерийским обстрелом. Фашисты неоднократно пытались сбросить нас в реку, но все их атаки были отбиты. Здесь мы потеряли много машин: часть была разбита снарядами и бомбами, часть мы сами вывели из строя, чтобы сделать колонну более компактной и боеспособной».

Утром 19 сентября добрались до села Городище, расположенного при слиянии рек Удай и Многа. Командующий фронтом приказал сделать остановку, чтобы привести колонну в порядок, выяснить обстановку и наметить дальнейший план действий. В этом селе к нам присоединилась колонна штаба 5-й армии. Она следовала под прикрытием остатков 31-го стрелкового корпуса генерала Калинина».

Знаете, я не верю в этот рассказ.

Прежде всего, я не верю в бой – в то, что немцы их атаковали. Там такая местность, что атаковать немцы могли только с севера, поскольку с востока немцы занимали рубежи на восточном берегу реки Многа, и в треугольнике, образованном впадением Многи в Удай, немцев уж точно не было. На севере же одним из катетов этого треугольника является дорога Пирятин – Чернухи. А штабу 5-й армии, чтобы 19 сентября догнать Кирпоноса, нужно было из Пирятина по этой дороге проехать до какого-либо поворота с нее на север – на Городище.

Но если штаб 5-й не пробился к ним, а просто присоединился с того направления, с которого их, якобы, атаковали немцы, то, значит, немцев не было!

Далее, немцы в этот район пока еще только подтягивали свою пехоту, чтобы образовать сплошной фронт окружения, и вне магистральных дорог нападали на наши отступающие войска отдельными отрядами, а ночью эти отряды отдыхали в селах. Если бы штаб Кирпоноса действительно пытался прорваться к своим, то его могла спасти только быстрота. А смотрите, что происходит. От Пирятина до Городища по прямой 36 км, по дорогам пусть будет 60 км. И они это расстояние проехали с вечера 17 сентября по утро 19 сентября, т. е. более чем за 30 часов?! Они что, похожи были на спешащих людей?

Если даже мифические немцы и атаковали их с севера, то это могло быть на участке не более чем 10 км и только в том случае, если колонна штаба сразу же после Пирятина свернула на Городище, т. е. если Кирпонос и не собирался следовать за 289-й дивизией, а затем немцы должны были колонну штаба догонять. Так почему же даже с погоняющими их немцами они двигались со средней скоростью едва ли 2 км/ч? Вот и получается, что весь день 18-го они просто стояли и уничтожали свои технику и тяжелое оружие, но даже это сколько может занять времени? Почему они не уходили на восток? Вот и думаю, что Кирпонос на этой дневке давал возможность уйти от него дезертирам и тем, кто понял его намерения и решил пробиваться на восток самостоятельно.

И еще. Там в округе трудно найти закуток, в котором было бы еще проще сдаться в плен (ввиду безвыходного положения), нежели это село Городище. Ведь Кирпонос завел штаб фронта на полуостров, окруженный двумя сливающимися речками с очень болотистыми берегами. Там и немцев-то не было по той причине, что им и в голову не могло прийти, что в это междуречье, из которого очень трудно выбраться, кто-то может заехать. Но, что смешно, именно немцы и помогли им оттуда сбежать, но об этом позже.

А пока отметим, что как только командующий 5-й армией генерал Потапов, чей штаб был к северу от Прилук, т. е. где-то в 60 км от Пирятина, понял, что Кирпонос бросил командование фронтом и сбежал, то и Потапов тут же бросил командование 5-й армией и тоже сбежал. А как только командир 31-го стрелкового корпуса генерал Калинин увидел, что Потапов уже сбежал, то тут же бросил командовать корпусом и тоже сбежал. А ведь Потапов имел приказ Кирпоноса взять Лохвицу, к которой Кирпонос так стремился.

Почему же Кирпонос их не расстрелял? Ведь статья 193 тогдашнего Уголовного кодекса гласила: *«Самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, ... – а равно – Самовольное оставление поля сражения во время боя, ... – а равно – Самовольное оставление части или места службы в боевой обстановке, влечет за собой – высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества»*. Не расстрелял потому, что ведь и сам Кирпонос самовольно не выполнил данное ему для боя распоряжение Тимошенко об отводе войск, сам отказался руководить сражением фронта, сам начал убегать из расположения вверенных ему войск. Пришлось ему Потапова и Калинина принять как родных.

Избавление от честных

Баграмян продолжает.

«В Городище подсчитали свои силы. Осталось около трех тысяч человек, шесть бронемашин полка охраны и несколько пулеметных зенитных установок. Вражеская авиация не оставляла нас в покое. К счастью, потери были незначительны. Больше всего нас огорчила гибель радиостанции – она была разбита взрывом бомбы. Порвалась последняя ниточка, связывающая нас с армиями и штабом главкома».

Как видите, Кирпонос своими маневрами добился определенных успехов: если при выходе из Пирятина вокруг него вместе с 289-й дивизией было около 15 тысяч человек, то теперь осталось только 3. Но и это было много, посему, как продолжает вспоминать Баграмян, произошло следующее.

«В одной из хат Кирпонос собрал руководящий состав, оказавшийся в Городище. Генерал Туников доложил обстановку. Враг обступает со всех сторон. По южному берегу реки Удай, у устья которой мы находимся, немцы укрепляют оборону фронтом на север; восточный берег реки Многа занимают танковые и моторизованные части Гудериана; к северу и северо-западу от нас все крупные населенные пункты тоже захвачены противником.

После этой неутешительной информации воцарилось молчание. Его прервал генерал Кирпонос:

– Ясно одно: нужно прорываться. Остается уточнить, в каком направлении.

Сейчас не помню, кто предложил вечером форсировать реку Многа у Городище и за ночь выйти к Лохвице. Против этого решительно выступил генерал Туников:

– Этого-то и ждут от нас немцы. Они наверняка приготовили засаду у моста. По моему мнению, нам надо подняться выше по течению и форсировать реку у Чернух, в двенадцати километрах к северо-западу отсюда.

Его поддержал генерал Потапов:

– Мы уже убедились, что немцы не оставляют без внимания ни одного моста через реки. Прорыв у Чернух выгоден тем, что он окажется внезапным для противника. К тому же там имеются броды, поэтому и мост не понадобится захватывать.

Остановились на этом предложении. Решено было создать три боевые группы: головную, которая должна была расчищать дорогу колонне штаба фронта, и две на флангах. Головной группой должен был командовать генерал М.И. Потапов. Мне приказали взять под свою команду роту НКВД с задачей прикрывать всю нашу колонну от противника с тыла».

Давайте разберем это по очереди и начнем с обстановки. Насчет немцев, укрепляющих оборону по южному берегу Удай фронтом на север – это фантазии. Получается, что у этих немцев в тылу советская 26-я армия, а они обороняются против войск Гудериана. Какие там были немцы, вы чуть позже увидите, а пока обратите внимание на следующий ужас: *«...к северу и северо-западу от нас все крупные пункты тоже захвачены немцами»*, т. е. дорога в этом направлении начисто отрезана.

Теперь по поводу восточного берега Многи, который заняли «танковые части», т. е. полки Гудериана. Село Городище имеет вид трех довольно длинных улиц, протянувшихся с запада на восток. С запада к северной улице подходит проселочная дорога из села Лесовая Слободка, а на востоке из этой улицы выходит дорога к речке Многа и вдоль нее тянется на северо-запад к селу Вороньки, расположенному примерно в трех километрах по прямой. Речка Многа, по-видимому, из тех, которые и курица вброд перейдет, и в этом месте на ней есть и броды, но примерно в 700 м от села Городище через нее переброшен мостик, дорога от которого уже за Многой ведет на северо-восток к селу Исковцы и далее – к Лохвице. А в Вороньках тоже есть мостик (даже два) через Многу, и с него дорога тоже ведет на Исковцы,

соединяясь с дорогой из Городища примерно в 5 км, и на таком же расстоянии этот перекресток находится и от Городища.

Дорога из Городища на Вороньки огибает продолговатую холмистую гряду, которая расположена на севере села, шириной эта гряда от середины северной улицы до мостика на Многе около километра, и высотой она около 50 м. Причем эти холмы круто спускаются к Многе, так что получается, что с их хребта до мостика метров 300–400.

А за мостиком, на восточном берегу Многи, местность представляет собою болотистую низину, и лишь примерно в двух километрах к северу от мостика эта низина заканчивается холмами, на которых расположено село Мелехи. Дорога от мостика на Исковцы проходит примерно в километре от него, а дорога из Вороньков на Исковцы – примерно в 2 км от Мелех.

Немцы, конечно, никакой обороны («засады») перед мостиком у Городища не держали, поскольку там ни окопаться, ни спрятаться, а с холмов у Городищ их можно перестрелять даже из винтовок. Поэтому немцы, в числе около роты мотоциклистов, а возможно, и меньше, сидели на холмах в Мелехах, с которых хотя и не могли воспрепятствовать проезду через мостики у Городища и в Вороньках, но могли обстреливать всех едущих мимо них по обеим дорогам. Поскольку у этих немцев не было артиллерии, а минометы против бронетехники бес- сильны, то Кирпоносу нужно было бы сделать то, что сделал бы любой капитан, – выкатить на холмы 45-мм орудия и открыть из них огонь по огневым точкам в Мелехах, послать на Мелехи в атаку броневые автомобили и, учитывая свое двадцатикратное превосходство в силах, тут же уничтожить всех немцев. После чего самому быстро двигаться через Исковцы к Суле. И сделать это надо было еще 18 сентября.

Но, как вы видите, Кирпонос начал с того, что после однодневного отдыха 18 сентября, 19 сентября тоже объявил выходным днем. И собрал совет в Городище, на котором, надо думать, генералов было больше, чем у Кутузова в Филях. Я в то, что написал Баграмян, не верю.

Смотрите, Тупиков сообщил, что все села на севере и северо-западе заняты немцами, а этот совет вдруг принимает решение ехать именно на северо-запад к Чернухам. Но если ехать прямо на северо-запад, то дорога идет через Вороньки, Позняки, Ковали, если сначала на запад, а потом на север, то дорога идет через Лесовую Слободку, Постав-Муха, Сухоносовку, Кизловку. А как же вы будете туда через *«занятые немцами села»* ехать, чтобы этот прорыв оказался *«внезапным для противника»*? Более того, почти двое суток назад вы уже пытались форсировать Многу у Чернух и даже вместе с 289-й дивизией, но у вас ничего не получилось, а дивизия сгинула. И снова туда? И опять же Кирпонос собрался снова ехать в Лохвицу! Да что там, немцы жирнее, что ли, чем в других местах?

То есть это вранье Баграмяна преследует очевидную цель, как то: скрыть очевидное – то, что Кирпонос, а возможно, и ряд других генералов, не на восток прорывались, а имели какие-то свои намерения, не связанные с выходом из окружения.

И эти намерения хорошо видны по тому, как именно Кирпонос разделил свой отряд. Дело в том, что по численности это был примерно полк, а от полка в походные сторожевые заставы направляют до усиленного взвода всего лишь с задачей не допустить внезапного нападения противника. Ведь в случае встречного боя очень важно, чтобы по врагу немедленно открыли огонь как можно больше бойцов и оружия – весь полк сразу, чтобы враг не бил полк по частям. А Кирпонос свои 3 тысячи человек разделил на пять отрядов, которые должны были ночью двигаться самостоятельно. В случае, если какой-нибудь из этих отрядов начнет боестолкновение, остальные ему и помощи оказать не смогут. Кроме того, только три отряда – головной, штаб и арьергард – должны были ехать по дороге, а боковые – где-то в отдалении, ночью и по бездорожью. Как вы полагаете, сколько человек при таком плане должно было остаться у Кирпоноса к утру?

Теперь по поводу того, кого именно отделял от себя Кирпонос. Войска НКВД и пограничники, которые тоже входили в НКВД, были наиболее боеспособными в Красной Армии,

поскольку даже в мирное время они вели бои с бандами на границах, в связи с чем солдаты НКВД и пограничники были морально готовы атаковать противника даже малыми силами и инициативно действовать в одиночку. Ведь недаром первыми гвардейскими дивизиями в Красной Армии стали дивизии НКВД. Вот и возникают вопросы: зачем Кирпонос отделил от себя роту НКВД и почему поставил ее в тыловое охранение, а не в авангард, где от этих инициативных солдат было бы больше толку, если бы требовалось прорываться? Чтобы потерять их в ночном марше?

Но Баграмян продолжает:

«...Построил свое войско. Сто пятьдесят молодцов – zalюбуешься: brave, подтянутые. Мне, пожалуй, повезло больше всех – в моем распоряжении был настоящий боеспособный отряд. Я взял с собой и большинство офицеров нашего оперативного отдела – образовал отделение управления.

Молча обошел шеренги, глядя в лица красноармейцев и командиров. Устали люди, отдохнуть бы им хоть немного. Но времени нет. Объясняю задачу. Предупреждаю, что будет трудно.

– Верю, – сказал я, – что каждый из вас не посрамит чести советского бойца.

Стоявший напротив меня молоденький красноармеец с головой, обмотанной почерневшими бинтами, проговорил:

– Не беспокойтесь, товарищ генерал, мы не подведем.

Над рядами пронесся одобрителный гул. В это время подбежал адъютант генерала Кирпоноса: меня вызывал командующий.

Приказав отряду разойтись и готовиться к предстоящему бою, я поспешил в центр села. Кирпонос, Бурмистенко, Рыков и Туников стояли в кругу генералов и офицеров. Бурмистенко негромко, спокойно что-то говорил товарищам. Трудно было поверить, что беседа происходит буквально под прицелами противника. В этом непоказном самообладании и уверенности был весь Бурмистенко, славный сын украинского народа. Подойдя ближе, я услышал его слова:

– Главное, товарищи, сохраняйте выдержку. Нет таких трудностей и опасностей, какие не смогли бы преодолеть наши люди. Коммунисты обязаны показать пример в выполнении воинского долга».

Не удержусь, чтобы не откомментировать вранье Баграмяна, заложенное в последних предложениях. Бурмистенко, как комиссару, уже давно пора было пристрелить Кирпоноса или арестовать его, а самому взять в руки винтовку и вести остальных на прорыв, тем самым показав им «пример в выполнении воинского долга». Ведь не мог Бурмистенко не видеть, что Кирпонос пытается сдать немцам в плен!

Немцы все испортили

И у Кирпоноса это получилось бы – он бы дождался, когда немцы найдут хотя бы свободный батальон, чтобы заняться штабом Юго-Западного фронта. Ведь немцев на тот момент в этом районе было еще очень мало, и они все силы бросили на перехват магистральных дорог Пирятин – Ромны и Пирятин – Лубны, чтобы не дать отходящим частям Красной Армии вывезти тяжелое оружие и технику. На блокировку боковых дорог сил у немцев не было, и эти дороги либо вообще были свободны, либо удерживались мизерными заслонами. Немцы сами были на пределе сил, уже за две недели до этого Гудериан бросал в бой хлебопекарные роты и радовался любому дополнительному батальону. Из показаний пленных немцы безусловно знали, что в селе Городище сидит и чего-то ждет штаб Юго-Западного фронта, но, повторю, заняться им не успевали.

Кирпонос, судя по всему, конечно, подождал бы, пока Гудериан соберется с силами, но все дело испортило немецкое мотоциклетное подразделение, сидевшее в Мелехах. Увидев, что толпы русских трусливо топчутся в Городище целый день, немцы к вечеру обнаглели и решили добыть себе к ужину советских генералов и кадрового офицерства на гарнир. Этим немцам крупно не повезло. Во-первых, у Кирпоноса в подчинении было еще более 3 тысяч человек с большим количеством тяжелого оружия, посему положение обязывало Кирпоноса отдавать соответствующие приказы, во-вторых, бедные немцы наткнулись не на кадровое офицерство Красной Армии, а на роту НКВД. Дело развивалось так.

«Я доложил командующему, что прибыл по его вызову.

– Товарищ Баграмян, – проговорил он с несвойственной ему поспешностью. – Из Мелех выступил крупный отряд фашистских мотоциклистов. Форсировав реку Многа, он сбил наши подразделения, занимавшие вот те высоты, – командующий показал на резко выделявшуюся в километре к востоку холмистую гряду, – и вот-вот может прорваться сюда. Немедленно разверните свой отряд и атакуйте противника. Ваша задача: овладеть грядой этих высот, захватить мост через реку и двигаться на Сенчу! Выполняйте!

Что ж, выходит, все изменилось. Будем пробиваться на Сенчу, и в первом эшелоне – мой отряд... Вспомнилось вчерашнее, когда фашисты оттеснили колонну штаба фронта от следовавших впереди нас частей 289-й стрелковой дивизии. Опасаясь, как бы и сегодня так не получилось, я сказал, что, если атака моего отряда увенчается успехом, главным силам лучше держаться поближе к нам. Командующий нетерпеливо махнул рукой:

– Добре, идите, товарищ Баграмян.

Я заметил – никогда еще командующий не выглядел таким усталым, удрученным.

Бегу к своему отряду. Построив людей и разъяснив новую боевую задачу, быстрым шагом вывожу их за околицу. В кустарнике развернулись в цепь Гитлеровцы, засевшие на холмах, открыли огонь. Но мы продолжали движение. Завидя нас, с земли поднимаются люди. Это бойцы подразделений, вытесненных с холмов противником. Обрадованные, они вливаются в наши цепи. Отряд растет, как снежный ком. Слышу громкий крик:

– Товарищи, с нами генерал! Вперед!

Вот мы и на вершине холма. То, что недоделала пуля, довершают штык и приклад. Гитлеровцев полегло много. Мы захватили 40 пленных, несколько минометов и мотоциклов. Все это отправили в Городище, а сами поспешили к реке. К счастью, фашисты не успели взорвать мост. Он в наших руках».

Итак, то, чего не делали генералы во главе с Кирпоносом, имеющие под началом 3 тысячи бойцов, мимоходом сделала рота НКВД силою в 150 человек – она не только захватила мост, который генералы не брали из-за якобы охранявших его «танковых и моторизованных частей

Гудериана», но и уничтожила все эти полчища Гудериана в округе: теперь примерно на 10 км к северу и на 20 км к востоку до самой Сулы не осталось ни одного немца! Баграмян продолжает.

«Темно уже, но кругом пылают стога сена. Это прекрасный ориентир для наших главных сил. Но они что-то медлят. Посылаю воентехника 2 ранга Степанова доложить о результатах боя и о том, что мы следуем, как было приказано, на Сенчу.

Тем временем к нам все прибывает пополнение. Начальник снабжения горючим и смазочными материалами фронта генерал Алексеев и начальник охраны тыла фронта полковник Рогатин привели с собой группу пограничников. По одному, по двое, по трое подходят бойцы и командиры из различных тыловых учреждений. А колонны штаба все нет.

Поздней ночью мы приблизились к селу Исковцы-Сенчанские (Юсковцы). Несмотря на темноту, быстро сориентировались по дорожным указателям, которые гитлеровцы с немецкой педантичностью успели поставить почти на каждом перекрестке. Остановились, чтобы подтянуть и привести в порядок отряд. Пока Алексеев и я занимались этим, офицеры оперативного отдела обошли хаты. Узнав, что в село нагрянули не немцы, а «червонноармейцы», попрятавшиеся жители высыпали на улицу, наперебой стали потчевать бойцов разной снедью».

На этой широте в двадцатых числах сентября солнце заходит примерно в 19.00, Баграмян, судя по всему, ждал у развилки дорог с Городища и Вороньков, и если бой начался еще засветло, то получается, что он ждал часа 4–5, сначала примерно в 5 км от Городища, а затем примерно в 10 км от развилки – в Исковцах. В армии за связь отвечают вышестоящие командиры: это Кирпонос обязан был посылать к Баграмяну связных, а не наоборот. А здесь получается, что Кирпонос задержал у себя даже того связного (Степанова), которого послал к нему Баграмян.

Но одновременно Баграмян совершенно не объясняет ситуацию с прибытием «пополнения». Тут ведь всего два варианта: либо Алексеев и Рогатин поняли, что Кирпонос предал, и, плюнув на дисциплину, сами уехали от него к Баграмяну, либо Кирпонос отослал их и пограничников сам, но не передал с ними Баграмяну никаких распоряжений. (Заметим, что и в этом случае Кирпонос избежал от самых боевых подразделений, в данном случае – пограничников.)

«Возвратился один из командиров оперативного отдела, посланный для связи со штабом фронта. Он принес неожиданную новость: никто за нами не следует. Ему встретились бойцы, прорвавшиеся сквозь вражеский заслон из Городища. Они в один голос заявляют, что никого из наших там не осталось, все машины ушли на запад. Ничего не могу понять. Но нам приказано двигаться на Сенчу, и мы пойдем туда. Возможно, штаб фронта следует туда другой дорогой. Миновать Сенчу он не может: там мост через Сулу. На этой каверзной речке с широкой заболоченной поймой мосты только в Сенче и Лохвице. Но соваться в Лохвицу безумие – такой крупный населенный пункт наверняка забит вражескими войсками».

Последнего предложения Баграмяну писать не следовало, получается, что ему, да и остальным, было с самого начала понятно, что все свои наличные силы немцы держат на магистральной Пирятин – Ромны, то есть у Чернух и Лохвицы. Тогда как понять, что Кирпонос и его генералы упорно направляли колонну штаба фронта именно в эти пункты?

Баграмян продолжает.

«Перед рассветом наш отряд с ходу ворвался в Сенчу в западной части села. Немцев там не было. Но стоило нам приблизиться к мосту, как с того берега ударил ураганный пулеметный и артиллерийско-минометный огонь. Пришлось залечь. Советуюсь с Алексеевым и Рогатиным. Решаем атаковать. Надо захватить переправу и все село и удерживать их до прихода колонны штаба фронта. Огонь не стихает, но бойцы по моей команде поднимаются, вбегают на мост. В это время показались немецкие танки. Стреляя из пушек и пулеметов,

они устремились на наш берег. А у нас не было даже бутылок с горючей смесью. Пришлось оставить село. Стало ясно, что нам его не взять. Попытаемся обойти.

Разбиваю отряд на две части. Генерал Алексеев повел свою группу на север, а я – на юг, к небольшому селу Лучка. Обе группы подготовят подручные средства для переправы и до утра будут ждать подхода колонны штаба.

Перед рассветом, потеряв всякую надежду на встречу со штабом фронта, мы переплыли на лодках реку. Местный житель провел нас по путаным и топким тропам через заболоченную пойму. Благополучно пересекли шоссе и укрылись в копнах пшеницы. Я послал в разведку молодого разворотливого лейтенанта Дорохова. Он вернулся радостный:

– Товарищ генерал! Здесь поблизости совхоз. Там ни одного немца. Жители приглашают нас».

Тут Баграмян, что называется, «вешает лапшу на уши». От Исковцев до Сенчи 9 км – даже ночью и в колонне полчаса езды. А у него получается, что они в один и тот же час («перед рассветом») и в пустую Сенчу «ворвались», и бой вели, и разделились, и у местных жителей лодки нашли, и переправились. Поскольку наверняка переправлялись через Сулу они еще потемну, то, значит, наткнулись они на немцев за мостом едва за полночь (восход солнца около 7.00). Какие танки ночью? Из них и днем плохо видно, а ночью без приборов ночного видения они вообще слепые! А поскольку немцев было так мало, что они не могли занять предмостное укрепление (тет де пон), которым в данном случае была западная часть Сенчи, то Баграмяну неудобно объяснять, почему же они все же не взяли мост с боя и не переправили по нему свою технику и тяжелое оружие. Ведь переправляясь через Сулу на лодках, они все это бросили немцам, а сами за Сулой пошли пешком.

Тем не менее в итоге отряд Баграмяна в ночь на 20 сентября, с боем форсировав две реки и часов 5–6 ожидая Кирпоноса, к утру проделал на машинах и пешком путь примерно в 30 км. На следующий вечер и ночь, форсировав реку Хорол, они вышли к реке Псел недалеко от города Гадяч, встретившись с войсками тыла своего фронта и преодолев только по прямой 36 км, а реально, наверное, все 50, что, тем не менее, для пехоты не является таким уж большим достижением.

Позорный конец

А сколько же в ночь на 20 сентября проехала колонна, возглавляемая Кирпоносом? Вас, наверное, уже не удивит, что якобы «прорываясь к своим», колонна штаба Юго-Западного фронта за целую ночь (почти 12 часов), безо всяких боевых контактов с немцами, проехала целых 11 км, сильно устала и остановилась отдохнуть на целый день у хутора Дрюковщина, не доехав не то что до Сенчи и Сулы, а даже до свободных от немцев Исковцев. Понимаете, по-другому это расценить нельзя – Кирпонос ни к каким «своим» выходить не собирался: он сидел в Вороньках и нагло ждал, пока его обнаружат достаточно крупные силы немцев и перебьют тех, кто оставался с ним, чтобы лично он мог сдать в плен. Ведь если рота НКВД выходила к своим, то она за ночь пешком и по бездорожью делала 50 км, а этот полководец на автомобилях и по дорогам – 11. Потому Кирпонос и не посылал связных к Баграмяну, что ожидал, когда тот от него уйдет и уведет с собой энкаведэшников и пограничников, и уведет для того, чтобы последний бой штаба фронта не принес немцам больших потерь. Но дадим слово Баграмяну.

«Позднее, когда мы встретились с моим заместителем подполковником И.С. Глебовым и другими товарищами по штабу фронта, стали известны печальные подробности. Я прежде всего спросил Глебова, почему колонна штаба фронта замешкалась в Городищах и не последовала за нашим отрядом. Глебов удивленно посмотрел на меня:

– А разве генерал Кирпонос не предупредил вас? Ведь он же рассчитывал демонстративной атакой вашего отряда в направлении Сенчи лишь отвлечь внимание противника. Колонна тем временем должна была двинуться на север и форсировать Многу у деревни Вороньки...

(Так вот в чем дело... Нет, я не мог обижаться на Кирпоноса за то, что он скрыл от меня свой замысел. Это право командующего – не раскрывать перед подчиненным всех карт, тем более когда тому поручается демонстративная атака, – пусть старается изо всех сил, как если бы действовал на направлении главного удара)».

Понимаете, даже если не смотреть на карту, то эти слова Баграмяна не убеждают: ну какого черта Кирпоносу надо было возвращаться опять на запад и искать мост у занятых немцами Чернух, если мост уже взят и дорога на восток открыта? А если посмотреть на карту, то это вообще выглядит идиотизмом: ведь колонна Кирпоноса проехала в 20 метрах от уже свободного моста только ради того, чтобы сделать крюк, проехать лишние 4 км с неизвестной перспективой (а вдруг в Вороньках были бы немцы?), и все для того, чтобы доехать до развилки дорог, до которой от свободного моста в Городище было всего 5 км. Давайте закончим цитирование Баграмяна вот такими фактическими сведениями.

«Далее Глебов рассказал, что начало было удачным. Скрытно прошли вдоль правого берега Многи, захватили Вороньки и переправились через реку. На рассвете 20 сентября оказались у хутора Дрюковщина – километрах в пятнадцати юго-западнее Лохвицы. Здесь, в роще Шумейково, остановились на дневку.

В колонне штаба фронта насчитывалось более тысячи человек, из них 800 офицеров. С ними по-прежнему находились генерал-полковник М.П. Кирпонос, члены Военного совета фронта М.А. Бурмистенко, дивизионный комиссар Е.П. Рыков, генерал-майоры В.И. Туников, Д.М. Добыкин, А.И. Данилов, В.В. Потапов, члены Военного совета этой армии дивизионный комиссар М.С. Никишев, бригадный комиссар Д.С. Писаревский, начальник ветслужбы А.М. Пенюжко и другие товарищи. С колонной следовали 6 бронемашин, 2 противотанковых орудия и 5 счетверенных зенитных пулеметных установок.

Рощу рассекал овраг. Транспорт и люди рассредоточились по его кромке. Боевые машины заняли позиции на опушке. К сожалению, по-прежнему давала себя знать недостаточная организованность отряда. Оборону заняла лишь охрана Военного совета фронта, которую возглавлял подполковник Глебов, и охрана штаба 5-й армии во главе с майором Владимир-

ским. Многие офицеры разбрелись по хатам хутора, чтобы умыться, раздобыть продуктов и немного отдохнуть».

Итак, из 3 тысяч человек к вечеру 19 сентября, к утру 20-го без всяких боев у Кирпоноса осталась тысяча, и это из примерно 15 тысяч, выведенных им из Пирятина в ночь на 18 сентября. Добился чего хотел, но не полностью – с ним все же оставались бойцы и командиры, которые собирались исполнить свой долг до конца. Поэтому когда к обеду 20 сентября немцы все же собрали достаточно сил, то часть солдат и командиров, оставшихся с Кирпоносом, открыла по немцам огонь, а те, само собой, подвезли артиллерию и начали перепихивать рошу снарядами, уничтожая и храбрецов, и трусов. Вот поэтому историкам до сих пор и не ясно, что же на самом деле произошло с Кирпоносом и Бурмистенко – действительно они погибли от осколков или их все же пристрелили солдаты НКВД, все еще остававшиеся при штабе и понявшие, в чем дело?

Давайте подытожим. Все советские генералы в целом восхваляют храбрость Кирпоноса, ставшего Героем Советского Союза на войне с финнами, но даже из этих панегириков выпирают странности. В частности:

1. Накануне войны Кирпонос попытался воспрепятствовать приведению войск Киевского особого военного округа в боевую готовность: начальник штаба округа генерал Пуркаев вспоминал, что Кирпонос запретил выводить дивизии на рубеж недостроенного и не имеющего оружия Владимир-Волынского укрепрайона.

2. Это Кирпонос с Бурмистенко убедили Сталина, что вопреки предложению Буденного не надо оставлять Киев и отводить войска Юго-Западного фронта на рубежи реки Псел.

3. Кирпонос проигнорировал приказ Тимошенко об отводе армий фронта за Псел, мотивируя этот отказ формальной причиной отсутствия письменного приказа, хотя тылы фронта уже были отведены на этот рубеж.

4. Когда Кирпонос все же отдал приказ о прорыве и отводе войск, то тут же обезглавил фронт, прекратив командовать им.

5. Кирпонос не выходил из окружения, а фактически ждал, когда в колонне штаба погибнет как можно больше вверенных ему людей, и этим фактически подставил их немцам для уничтожения.

Если последние три пункта можно как-то объяснить трусостью и подлостью Кирпоноса в условиях предстоящего поражения вверенных ему войск, то как понять первые два пункта – ведь Кирпонос вредил советскому народу и тогда, когда угрозы поражения вверенных ему войск еще не было. И остается вопрос: так это просто трусливая подлость Кирпоноса или еще довоенный замысел помочь немцам?

«Пассажиры» штаба 25-го стрелкового корпуса

Надо сказать, что в своей неудачной сдаче в плен по вине немцев, генерал Кирпонос не одинок. Вот прочтите такой документ, в котором я для краткости сокращу сведения о дислокации и перемещении корпуса, о входящих в него частях:

«ГЛАВНАЯ ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

Заместителю наркома обороны СССР,

Армейскому комиссару 1 ранга

тов. Мехлису Л.З.

27 сентября 1941 года

10–20 июля сего года части 25-го ск, занимавшие оборону в районе города Витебска, Сураж-Витебский, позорно разбежались, открыли дорогу противнику для продвижения на Восток, а впоследствии, попав в окружение, потеряли большинство личного состава и материальную часть.

Произведенным по поводу этого следствием установлено следующее: 25-й ск в составе 127-й, 134-й и 162-й сд в конце июня 1941 года из города Сталино – Донбасс был переброшен в район города Киева, куда прибыл к 1 июля.

Из Киева по приказу командующего 19-й армией корпус переброшен в район Смоленска для занятия обороны по реке Западная Двина в районе города Витебска и города Сураж-Витебский, протяжением около 70 километров.

...Днем 11 июля на участке обороны, занимаемой двумя батальонами 501-го сп, мотомехчасти противника неизвестной численности (разведка отсутствовала) прорвались через Западную Двину на шоссе Витебск – Смоленск и Витебск – Сураж. Указанные два батальона 501-го сп, не имея надлежащего руководства, в панике разбежались. Охваченный паникой «окружения», в ночь на 12 июля начал менять свое месторасположения штаб корпуса.

К 16.00 12 июля командир корпуса генерал-майор Честохвалов с группой штабных командиров и батальоном связи, бросив часть автомашин, прибыл на КП 134-й сд в село Прудники. Их прибытие сразу внесло панику в части дивизии, так как прибывшие, в том числе и сам Честохвалов, панически рассказывали о якобы нанесенных немцами потерях частям 162-й сд, бомбежке их с воздуха и т. п. К 17.00 в тот же день генерал-майор Честохвалов сообщил, что мехчасти противника прорвались в районе Витебска и движутся по шоссе Витебск – Сураж, «штаб окружен». Приказал корпусным частям отходить на восток, бросив на произвол находившиеся в обороне на западном берегу Западной Двины части 134-й сд. Только командир 134-й сд комбриг Базаров и комиссар дивизии Кузнецов, вопреки указанию командующего корпусом, остались на месте в районе села Прудники и руководили находившимися в обороне частями 629-го и 728-го сп, помогая им обратно переправиться через реку Западная Двина, а затем выходить из окружения.

После указания командира корпуса Честохвалова об отступлении началось паническое бегство на восток. Первыми побежали штаб корпуса и 2-й эшелон штаба 134-й сд, возглавляемый начальником штаба дивизии подполковником Светличным, который с 9 июля на КП отсутствовал – «отстал» и только к моменту отхода 12 июля прибыл в село Прудники.

Автомашины без руководства в панике неслись на восток на местечко Яновичи. Паническое бегство штабных командиров губительно отразилось на частях и местных советских органах, которые бросали все и бежали на восток, еще не видя никакого противника и даже не слыша стрельбы.

13 июля штаб корпуса остановился у местечка Яновичи, но 14 июля переехал в лес у села Понизовье, бросив всякое управление частями корпуса и потеряв связь со штабом армии. По примеру штаба корпуса разбежались воинские части, не оказывая никакого сопротивления противнику, бросая материальную часть и снаряжение. 14 июля, боясь дальше двигаться без прикрытия и охраны, командир корпуса Честохвалов выделил несколько командиров и приказал собрать хотя бы небольшую группу войск, разбросанных в округности по проселочным дорогам, чтобы под их прикрытием организовать дальнейшее отступление на восток.

К исходу дня 14 июля в лесу были сосредоточены: 515-й сп, 410-й лап, батальон 738-го сп 134-й сд, два дивизиона 567-го лап 127-й сд, один батальон 395-го сп 162-й сд и мелкие подразделения других частей, всего около 4000 человек, вооруженных винтовками, пулеметами, гранатами, артиллерией, минометами с запасами боеприпасов.

В штабе корпуса находились: 1) командир корпуса генерал-майор Честохвалов; 2) военком бригадный комиссар Кофанов; 3) начальник политотдела полковой комиссар Лаврентьев; 4) начальник штаба полковник Виноградов; 5) помощник начальника штаба полковник Стулов; 6) начальник особого отдела старший лейтенант госбезопасности Богатыко и другие, около 30 человек.

Из штаба 134-й сд – начальник политотдела батальонный комиссар Хрусталеv, начальник артиллерии подполковник Глушков и другие. Сюда же в лес 14 июля вечером прибежал переодетым в гражданское платье, без личного оружия начальник штаба 134-й сд подполковник Светличный.

Командир корпуса Честохвалов принял решение: не ожидая подхода остальных частей корпуса, продолжать отходить на восток, продвигаясь только лесами и только ночью, не входя в соприкосновение с противником, категорически запрещая стрелять в немцев. Трусость командования корпуса доходила до крайности. По приказанию командира корпуса полковник Виноградов пытался застрелить водителя одной из автомашин колонны, у которого случайно произошел гудок от замыкания. Тут же лично побил сигнальные рожки во всех автомашинах, чтобы не повторился случайный гудок и не выдать противнику местонахождение колонны штаба. Так двигались 14, 15 и 16 июля. Пройдя 60—70 километров, сосредоточились в лесу у села Букине.

16 июля в этом лесу командир корпуса Честохвалов провел совещание начсостава и приказал бросить все имущество, оставить только носимое при себе. Были брошены: личные вещи начсостава, две рации, смазочные материалы, масса противогазов, пулеметные диски и коробки, документы, часть обоза, лошади и другое имущество. Здесь же Честохвалов объявил дальнейший маршрут отступления на восток по направлению на село Овсянкино. Движение из Букине намечалось двумя колоннами в 20.00 16 июля, причем колонна 10–12 легковых автомашин штаба корпуса вместе с броневином охранения должна была двигаться в хвосте правой колонны. Для разведки по намеченному маршруту в 18.00 выслан конный отряд в 25 человек. Однако командир корпуса не стал ждать результатов разведки, изменил свое прежнее решение и в 19.00 приказал колоннам двигаться по намеченному маршруту, а сам с колонной штабных автомашин бросил части позади и уехал по направлению село Овсянкино. При въезде в село Рыпиево в 23.00 колонна штаба была встречена окриками: «Стой!» и беспорядочной стрельбой незначительного отряда немецкой разведки, по словам очевидцев, разведчиков было около 10 человек.

Возглавлявший автоколонну на первой машине начальник штаба корпуса полковник Виноградов, не останавливая машины, проехал и выскочил за село. Следовавший за ним во второй машине командир корпуса генерал-майор Честохвалов остановил автомашину, бросил личное оружие, поднял руки и пошел к немцам. Находившийся с ним в машине начальник инженерной службы штаба корпуса подполковник Егоров выскочил из машины и бросился в другую сторону, через огороды в лес. То же сделали остальные командиры и политработники

штаба корпуса; и стрелок автоброневика, и водители, следовавшие на своих машинах, бросили машины, документы и все, что было, без единого выстрела разбежались по кустам.

Полковник Виноградов, проехав 1–1,5 км за село, побоялся ехать дальше, бросил машину и с шофером ушел в лес, а оттуда одиночным порядком пробирался в сторону частей Красной Армии из так называемого «окружения». Разбежавшиеся от машин комиссары Кофанов и Лаврентьев, полковники Виноградов и Стулов и другие штабные командиры, зная, что по этой дороге движутся части корпуса и могут попасть в засаду немцев, не предупредили об этом командиров частей.

17 июля, когда части подошли к указанному месту, немцы, подтянув силы, встретили их сильным огнем. Командиры соединений по своей инициативе вступили в бой, длившийся 2–3 часа, потеряв 130 человек убитыми и ранеными, под прикрытием артиллерии 410-го и 567-го лап, вывели свои части обратно в лес.

18 июля группа командиров штаба корпуса, разбежавшихся у села Рыпицево от немецкой разведки, в количестве 12–13 человек под руководством помощника начальника штаба корпуса подполковника Стулова подошла к находившимся в лесу частям корпуса. Эти части возглавлял помощник начальника штаба 134-й сд подполковник Светличный и начальник политотдела дивизии Хрусталева. Подполковник Светличный обратился к Стулову и находившимся с ним командирам штаба корпуса с предложением присоединиться к частям и возглавить руководство по выводу их из окружения. Полковник Стулов и находившиеся с ним командиры штаба корпуса отклонили это предложение и заявили, что меньшей группой им легче будет пробраться на сторону советских войск, и через пару дней ушли одиночным порядком.

Находясь в окружении, под влиянием трусости, некоторые командиры и политработники, чтобы скрыть свою принадлежность к командному составу Красной Армии, посрыгивали знаки различия и петлицы, обменяли свое воинское обмундирование на гражданские костюмы, а часть из них даже уничтожила личные и партийные документы. Начальник политотдела корпуса полковой комиссар Лаврентьев уничтожил партийный билет, обменял свое комсоставское обмундирование на рваный костюм «заключенного», отпустил бороду, повесил котомку за плечи и, как трус и бездельник, несколько дней двигался за частями, ничего не делая, деморализуя личный состав своим внешним видом. Когда ему предложили военное обмундирование, он отказался и одиночным порядком в своем костюме «заключенного» пошел на восток.

Также одиночным порядком пробирались военком корпуса бригадный комиссар Кофанов, полковник Стулов, начальник особого отдела корпуса старший лейтенант госбезопасности Богатыко. Последний вместе со своей машинисткой, переодевшись в костюмы колхозников, выдавая себя за «беженцев», пробирался в город Вязьму.

Подполковник Светличный, возглавивший части 134-й сд после бегства работников штаба корпуса, несмотря на наличие достаточного количества огневых средств и людей, продолжая преступную «тактику» командования штаба 25-го ск, вел части только ночью и только лесами. Категорически запрещал вступать в соприкосновение с противником. Все время восхвалял мощь немецкой армии, утверждая о неспособности Красной Армии нанести поражение немцам. Боясь, чтобы стук повозок не демаскировал местонахождение частей дивизии, и столкнувшись с трудностями ночных передвижений, Светличный 19 июля сего года приказал бросить в лесу повозки, лошадей, другое имущество, как «ненужное».

В тот же день он разбил оставшиеся части на три отряда: 1-й отряд – из состава 515-го сп с батареей полковой артиллерии и артиллерии 410-го лап под командованием капитана Цуля; 2-й отряд – из состава 378-го сп с полковой артиллерией и дивизионом 567-го лап, командир отряда капитан Соловцев.

В 3-й отряд вошли остальные части дивизии с двумя батареями 410-го лап под командой подполковника Светличного.

По приказанию Светличного в ночь на 20 июля отряды выступили по намеченному им маршруту на восток: 1-й и 2-й отряды левой колонной под общим командованием начальника артиллерии дивизии подполковника Глушкова, а 3-й отряд под руководством Светличного – справа. Никакой разведки и связи между отрядами во время движения организовано не было.

Пройдя 10–12 километров правая колонна, заметив впереди выпущенную противником ракету, по приказанию Светличного повернула обратно к исходному положению. Сам подполковник Светличный уехал от частей.

Началась паника и бегство.

Весь день 20 июля части 3-го отряда находились без руководства и без связи с 1-м и 2-м отрядами. Только к вечеру из лесу явился подполковник Светличный и начали подходить одиночные бойцы и командиры из 1-го и 2-го отрядов без оружия.

По выяснении оказалось, что во время движения в ночь на 20 июля руководители 1-го и 2-го отрядов, услышав вдалеке шум моторов, посчитали их за танки противника. В испуге начальник артиллерии 134-й дивизии подполковник Глушков приказал бросить материальную часть отрядов, а людям спасаться, кто как может.

21 июля была выделена группа бойцов, одно орудие – вручены Глушкову, и приказано забрать оставленную им материальную часть. Однако и на сей раз он трусил, бросил людей и лошадей, а сам скрылся в лесу и больше к частям не подходил.

В результате преступной трусости подполковников Светличного и Глушкова в ночь на 20 июля сего года части 134-й сд, находившиеся в окружении, потеряли: около 2000 человек личного состава (разбежавшиеся из 1-го и 2-го отрядов), часть из них попала в плен к врагу; два дивизиона артиллерии, две батареи полковой артиллерии, много артиллерийских снарядов, более 10 пулеметов, около 100 лошадей и вооружение – оставлено немцам.

27 июля сего года подполковник Светличный с небольшой группой 60–70 человек прокрался на сторону частей Красной Армии, оставил в окружении 1000 человек личного состава, раненых и остатки имущества 134-й сд, которые возглавил начальник 5-го отдела штаба 134-й сд капитан Баринов и находился с ними в лесу до прибытия генерал-лейтенанта Болдина, под руководством которого они вышли из окружения 11 августа».

За допущенные преступления считаю необходимым предать суду военного трибунала

1. Бывшего командира 25-го ск генерал-майора Честохвалова как изменника Родины – заочно;

2. Начальника штаба корпуса полковника Виноградова;

3. Помощника начальника штаба корпуса полковника Стулова;

4. Военкома корпуса бригадного комиссара Кофанова;

5. Начальника политотдела корпуса полкового комиссара Лаврентьева

– за проявленные ими трусость, бездействие, паническое бегство от частей и запрещение частям оказывать сопротивление;

6. Начальника штаба 134-й сд Светличного;

7. Начальника артиллерии дивизии подполковника Глушкова

– за проявленную ими трусость, запрещение частям вступать в соприкосновение с противником и оставление врагу материальной части дивизии.

Главный военный прокурор **В. Носов**»

По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 5 мая 1942 года Честохвалов осужден по статье 58 п. 1б (измена Родине, совершенная военнослужащим, добровольная сдача в плен) и приговорен к высшей мере наказания. При Хрущеве определением той же коллегии, но от 11 августа 1956 года, дело прекращено «за отсутствием состава преступления».

Однако и в плену у немцев Честохвалову отсидеться не удалось – его пристрелили сами немцы из 7-й роты 112-го мотопехотного полка 20-й танковой дивизии. От них остались такие сведения об этом:

«11.45 Uhr wird Vormarsch fortgesetzt. Grundlose Wege, zerstörte Brücken, ausgefahrene Furten verzögern den Vormarsch so, dass mit Einbruch der Dunkelheit nur vorderste Teile Ripschowo erreichen. Beim Eindringen in Ripschowo lief 7.Kp. auf den Stab des XXV. russischen Korps auf. Der General wurde bei einem Fluchtversuch erschossen. Von 12 Fahrzeugen entkamen 3. Die anderen wurden sichergestellt, Insassen gefangen genommen».

И: «Dennoch gelang es, den Stab des 25. Sowjetischen Armeekorps gefangenzunehmen, deren Befehlshaber beim Fluchtversuch fiel.».

Перевод: *«11.45 продвижение вперед продолжается. Непроезжие (из-за распутицы) дороги, разрушенные мосты, разъезженные броды замедляют темп наступления так, что с наступлением темноты только передовые части достигли Рипшово. При входе в Рипшово 7-й корпус догнал XXV корпус русских. Генерал был застрелен при попытке к бегству. Из 12 автомобилей 3 скрылись. Другие были конфискованы, пассажиры взяты в плен». И: «Тем не менее удалось взять в плен штаб 25-го корпуса русских, командующий которого при попытке к бегству погиб». Переводчик сделал примечание от себя: «Обратите внимание, что в оригинале отсутствует слова «солдаты», «офицеры» или «военнослужащие» попавшего в плен штаба 25-го корпуса. Автор обозначил их как «пассажиры». Это не случайно. Немцы, в силу своего образа мышления, характера и особенностей грамматики немецкого языка, в историях своих полков очень точно подбирают слова в описаниях боевых действий, переплетая их с описаниями деталей, которые русскому не придут в голову. Например, глубина грязи в деревьях на дороге, точная высота снега в сантиметрах, расстояния в метрах до туалета, размер и внешний вид вшей, стертые на маршах в подробностях ступни ног из-за дырявых носков в сапогах и ботинках и др.».*

В Интернете, упирая на то, что Честохвалов, как бы, был убит при попытке к бегству, делают вывод, что он не сдался, так сказать, насовсем, а тоже пытался убежать. Однако мне такая версия не кажется убедительной потому, что прокурор очень уверенно описал этот эпизод, следовательно, имел несколько свидетельских показаний, подтверждающих друг друга.

Думаю, что здесь два варианта. Немцев был с десяток, и они сами оказались в окружении бегущего кадрового офицерства Красной Армии. Они должны были опасаться, что генерала у них отобьют, посему пристрелили его. А когда выяснили, что кадровое офицерство боится стрелять и просто убегает, для оправдания своей поспешности сообщили в штаб, что генерал, дескать, хотел убежать.

Второй вариант: Честохвалов действительно хотел убежать, когда немцы показали ему, как они его презирают. Ведь немцы эту трусливую кадровую сволочь, сдававшуюся им в плен без выстрела, откровенно презирали. Вот, скажем, адъютант фельдмаршала Паулюса полковник Адам, попав вместе с Паулюсом в плен и удивившийся, что их пригласили пообедать за одним столом с советским генералом, написал: *«Я подумал о нескольких генералах Красной Армии, которые проходили через штаб нашей армии как военнопленные. Ими интересовался только начальник разведотдела, ответственный за сведения о противнике. Мы, офицеры штаба, считали ниже своего достоинства сказать им хотя бы слово. Перед отправкой в тыл им давали порцию пищи из походной кухни».* Вполне могли и эти немцы из 7-й роты как-то выразить свое отношение к этой «руссиш швайн», что и подвигло Честохвалова на попытку побега.

(Не по теме, но все же в противовес отмечу, что в 25-м стрелковом корпусе заместителем Честохвалова служил комбриг А. Горбатов. Пытаясь восстановить порядок в войсках 25-го корпуса и прикрыть его открытый фланг, Горбатов оказался отрезанным от войск корпуса с мизерными силами в 60 человек пехоты. Собирая отступающих и грамотно используя собираемую по пути и выводимую из окружения артиллерию, сумел сколотить боевую группу и во главе ее в отчаянных боях длительное время удерживал Ярцево, вплоть до своего ранения. Как видите, под началом труса Честохвалова большинство офицеров в бою оказались трусами.

А будучи отрезанными от влияния труса, те же офицеры воевали и храбро, и эффективно. Яркое подтверждение поговорки: стая львов под командой барана слабее стада баранов под управлением льва.)

А вот еще документ, правда, не о генералах и на этот раз перевод с немецкого:

«Дело WF-03/26186. лл. 286–288

5 АК КП, 28.12.1943 г. Отдел разведки

Допрос перебежчика

23.12.1943 г. перебежавший в районе севернее Керчи разжалованный капитан 192-й штрафной роты 318-й стрелковой дивизии показал:

1. Личность. Мокин Василий, 1919 года рождения, уроженец г. Новгорода, русский, член партии. Закончил транспортный техникум в Новосибирске. Был капитаном, командиром батареи 122-мм минометов 1331-го стрелкового полка 318-й стрелковой дивизии. 12.12.1943 г. за дезертирство был разжалован, получил 10 лет с направлением на фронт искупать вину. Направлен был в 192-ю штрафную роту при 318-й стрелковой дивизии. 18.12.1943 г. эта рота в составе 180 чел. в Кротово была посажена на четыре катера для высадки на плацдарме у Еникале (Керченский полуостров). Немецкая артиллерия накрыла катер в 200 м от берега, часть людей спаслась. Катер с частью людей утонул. Командир роты погиб. Воспользовавшись создавшейся обстановкой, Мокин и еще три штрафника бежали.

При высадке десанта на плацдарме у Эльтигена 1.11.1943 г. катер перебежчика тоже был потоплен, но люди спаслись. Это было у Железного рога (мыс). Спасшиеся были направлены в населенный пункт Соленое озеро. Утром 2.11.1943 г. они снова были посажены на катер для десантирования, но высадка не удалась, и они снова возвратились в Соленое озеро. Оттуда он решил бежать и находился в бегах до начала декабря. В начале декабря он был арестован в Старотитаровской и 12.12.1943 г. предстал перед судом трибунала 18-й армии. Был осужден и оказался в 192-й штрафной роте.

Мокин затем рассказал, что он осенью 1941 г., с частью сил 176-й стрелковой дивизии, возле Большого Токмака (50 км севернее Мелитополя) попал в немецкий плен. С помощью своего брата, который уже работал на немцев, был привлечен к агентурной работе. В течение короткого времени его обучал один старший лейтенант.

Затем его в составе группы из шести чел. с рацией перебросили через линию фронта с целью разложения Красной Армии. Он получил документы на имя лейтенанта. Руководителем группы был майор Калягин. Немецкую службу, которой подчинялся, не знает. Через некоторое время он потерял связь со своей группой. Весной 1943 г. встретил в 796-м артиллерийском полку капитана Нестеренко, который входил в его группу, и стал вместе с ним работать. Руководил ими майор Зайцев – помощник начальника оперативного отдела штаба 18-й армии. Майора Зайцева перебежчик лично не видел.

Перед высадкой десанта на Эльтиген перебежчик получил от Назаренко задание: взорвать катер, на котором будет переправляться штаб 1331-го стрелкового полка. Это ему удалось. На борт судна было погружено четыре ящика с минами для минометов, туда он незаметно положил взрывное устройство. Катер взорвался во время переправы через Керченский пролив, и весь штаб полка утонул или погиб. Перебежчик слышал, что капитан Назаренко арестован, и это заставило его бежать из части».

Судьба Мокина неизвестна, известно только, что Мокин В.А. внесен в «Книгу памяти Новгородской области» (т. 19, стр. 292) как герой войны.

В немецком протоколе допроса Мокина упоминается, что капитан Назаренко приказал ему взорвать катер, на котором будет переправляться на Керченский полуостров штаб 1331-го стрелкового полка, и что Назаренко арестован. Действительно, капитан Назаренко Прокофий

Игнатъевич, 1907 г.р., 26 января 1944 г. осужден военным трибуналом Ростовского гарнизона на 15 лет каторжных работ с конфискацией имущества и последующим поражением в правах сроком на 5 лет.

Но вот следующему «ерою» явно повезло больше.

Вязьма

Хотя мне уже приходилось об этом писать, но в контексте этой главы будет уместным еще раз вспомнить окружение немецкими войсками советских армий под Вязьмой. Рассмотрим его в описании участников этого события генерал-полковника А.Г. Стученко, тогда полковника, командира 45-й кавалерийской дивизии, и генерал-лейтенанта И.А. Толконюка, в то время капитана, служившего в оперативном отделе штаба 19-й армии.

Итак, 7 октября 1941 года немцы замкнули кольцо окружения четырех советских армий (19-й и 20-й Западного фронта и 24-й и 32-й Резервного фронта). Через 5 дней Ставка дает приказ командарму-19 генералу Лукину возглавить все четыре армии и прорываться с ними к Москве. Но сначала дадим вспомнить о поведении генерала Лукина командиру 45-й кавалерийской.

«8 октября мы получили приказ командующего фронтом пробиваться из окружения. Войска сделали несколько попыток – ничего не получилось. 45-й кавалерийской дивизии приказано находиться в резерве командующего армией. Разместили нас в кустарнике к северу от Шutowo. Расположив там дивизию, я утром 9 октября прибыл на хутор у Шutowo. В крайней просторной избе за столом сидели генералы Лукин, Вишневский, Болдин и группа штабных командиров. Выслушав мой доклад, генерал Лукин приказал быть при нем. Сев на скамью и вслушавшись в разговор, я понял, что идет выработка решения на выход из окружения. Командармы решили в 18.00 после артиллерийской подготовки поднять дивизию в атаку. Прорываться будем на северо-запад на участке 56-го моторизованного корпуса. Наша 45-я кавалерийская дивизия будет замыкать и прикрывать войска с тыла.

Вечером после короткой артиллерийской подготовки над перелесками прозвучало мощное «ура», но продвинуться наши части не смогли. Повторили попытку на следующий день – результат тот же. Люди были измотаны, боеприпасы подходили к концу.

Автомашины, тягачи и танки остались без горючего. Чтобы боевая техника не досталась врагу, много машин и орудий пришлось уничтожить. Подрывая их, бойцы не могли удержаться слез.

В 19-й армии полностью сохранила свою боеспособность, пожалуй, только одна 45-я кавалерийская дивизия. Я убедительно просил командарма Лукина разрешить мне атаковать противника и этим пробить путь для всей армии. Но он не согласился:

– Твоя дивизия – последняя наша надежда. Без нее мы погибли. Я знаю, ты прорвешься, но мы не успеем пройти за тобой – немцы снова замкнут кольцо.

Этот довод, возможно, и был справедлив, но нам с ним трудно было согласиться. Мы, кавалеристы, считали, что можно было организовать движение всей армии за конницей. А в крайнем случае, даже если бы это не удалось, то сохранилась бы боеспособная дивизия для защиты Москвы».

Давайте оценим действия генерала Лукина. Немецкие дивизии, окружившие четыре наших армии под Вязьмой, сами стали на грань окружения и разгрома, если бы эти наши армии не ставили себе целью убежать от немцев, а ударили под основание немецких клиньев. Но у Лукина и мыслей таких нет, узнав, что он в окружении, он немедленно прекращает управление войсками – дезорганизует их – и, казалось бы, ставит себе одну цель – удрать! Но ведь и это он делает странно – точь-в-точь как Кирпонос.

Для того чтобы «выйти из окружения», нужно было пробить еще не организованный фронт немецкого кольца. А для прорыва любого еще не организованного фронта всегда используются наиболее подвижные войска, к примеру, немцы для этого использовали танковые и мотопехотные дивизии. Смысл в том, что если в месте прорыва противник окажется готов к обороне и неожиданно силен, то нужно быстро переместиться в другое место – быстро найти

такой участок, где противник слаб, с тем, чтобы прорвать фронт с минимумом потерь, а потом ввести в прорыв свою пехоту и поставить противника перед необходимостью самому атаковать эту пехоту, чтобы закрыть прорыв. Это главная оперативно-тактическая идея немецкого «блицкрига». Причем напомним, немцы позаимствовали эту идею у Буденного, изучив его опыт войны с Польшей в 1920 году, но Буденный в те годы делал полякам «блицкриг» кавалерией!

Вот и объясните, зачем Лукин самое подвижное соединение своей армии назначил в арьергард, т. е. поставил кавалерийской дивизии задачу, которую всегда ставили только пехоте (как наиболее устойчивому в обороне роду войск)?

Вот и объясните, почему Лукин считал, что если 45-я кавдивизия прорвет немецкое кольцо, то это плохо, так как 19-я армия может не успеть удрать из кольца в этот прорыв, а если не делать прорыв, то тогда будет лучше. Чем лучше? Для кого лучше?

Стученко над этими вопросами не задумывается, но дальше вспоминает следующее.

«Мысль о спасении дивизии не давала мне покоя. На свой страх и риск решил действовать самостоятельно. Так как северо-восточное направление уже было скомпрометировано неудачными атаками армии, было намечено другое – на Жебрики, почти на запад. К рассвету, расположившись вдоль опушки леса возле Горнова, дивизия была готова к атаке. Впереди конных полков стояли артиллерия и пулеметные тачанки. План был прост и рассчитан на внезапность: по сигналу на трубе «В карьер» пушки и пулеметные тачанки должны были галопом выйти на гребень высоты, прикрывавшей нас от противника, и открыть огонь прямой наводкой. Под прикрытием этого огня сабельные эскадроны налетят на врага и пробьют дорогу. Штаб дивизии, командиры, политработники разъезжали по полкам, проверяли их готовность, беседовали с бойцами, поднимая их боевой дух. Нужно было в каждого вселить твердую решимость прорваться или умереть – только в этом случае можно было надеяться на успех. Объехав строй дивизии, я обратился к конникам:

– Товарищи! Через несколько минут мы ринемся на врага. Нет смысла скрывать от вас, что не все мы пробьемся, кое-кто погибнет в этом бою, но остальные вырвутся из кольца и смогут сражаться за нашу родную Москву. Это лучше, чем погибнуть всем здесь, не принеся пользы Родине. Итак, вперед, и только вперед! Вихрем ударим по врагу!

По лицам всадников было видно, что они понимают меня, что они пойдут на все. Подан сигнал «Пушкам и пулеметам к бою». Они взяли с места галопом и помчались вперед на огневую позицию. После первых же их залпов у врага началось смятение. В бинокль можно было наблюдать, как отдельные небольшие группы противника побежали назад к лесу. По команде, сверкая клинками, дивизия перешла в атаку. До наших пушек осталось всего метров двести, когда мы увидели, что наперерез нам скачут на конях М.Ф. Лукин с адъютантом. Командарм что-то кричал и грозил кулаком. Я придержал коня. Полки, начавшие переходить уже в галоп, тоже придержали коней. Лукин подскочил ко мне:

– Стой! Именем революции, именем Военного совета приказываю остановить дивизию!

Чувство дисциплины побороло. Я не мог ослушаться командарма. А он боялся лишиться последней своей надежды и данной ему властью хотел удержать дивизию, которая армии уже не поможет, ибо армии уже нет... С тяжёлым сердцем приказываю трубачу играть сигнал «Кругом». А немцы оправившись от первого испуга и открыли огонь по нашим батареям и пулеметам, которые все еще стояли на открытой позиции и стреляли по врагу. От первых же снарядов и мин врага мы потеряли несколько орудий и тачанок. Снаряды и мины обрушились и на эскадроны, выполнявшие команду «Кругом». Десятки всадников падали убитыми и искалеченными.

Я с раздражением посмотрел на командарма и стал себя клясть, что выполнил его приказ. Не останови он дивизию, таких страшных потерь мы не понесли бы и, безусловно, прорвали бы вражеское кольцо. От близкого взрыва нас обсыпало землей и осколками, кони в испуге шарахнулись в сторону, а лошадь моего адъютанта повалилась с перебитыми ногами.

Полки на рысях уходили в лес, за ними тронулись и мы с командармом. М.Ф. Лукин продолжал доказывать мне, что так надо было, что он не мог лишиться нашей дивизии.

Подбираем раненых, хороним убитых. Надо скорее покидать этот лес, по которому уже пристрелялся противник. Дивизия «под конвоем» командарма Лукина и его штаба перешла на старое место – к хутору у Шutowo. Вечером на командном пункте Лукина собрались работники штаба, политотдела, трибунала, прокуратуры, тыла 19-й армии и штабов других армий. Здесь же были командарм Вишневский¹³ и Болдин¹⁴. Командный пункт, по существу, уже ничем не управлял. Связи с частями не было, хотя переносные радиостанции действовали в некоторых частях (мощные радиостанции пришлось уничтожить)».

А теперь прервем Стученко и прочтем воспоминания тогда капитана Толконюка. Напомню, что в этот день, 12 октября 1941 года, Ставка приказала генералу Лукину возглавить все четыре советские армии, попавшие в окружение. И.А. Толконюк пишет (выделено мною):

*«...Генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, получив указание, что на него возлагается руководство выводом всех четырех армий из окружения, собрал совещание командующих армиями, с которыми не было никакой технической связи, и прибыли не все для обсуждения положения и выработки решения. В этом совещании, проходившем в условиях строгой секретности и сильно затянувшимся, присутствовал и генерал-лейтенант И.В. Болдин. В результате родился приказ, исполнителем которого был начальник оперативного отдела полковник А.Г. Маслов. После неоднократных и мучительных переделок и поправок, вызывавших нервозность, приказ был подписан командармом и начальником штаба. Этот последний, отданный в окружении приказ имел важное значение, ибо он определил дальнейшую судьбу окруженных армий. Кстати сказать, **решение, выраженное в приказе, не было сообщено в Ставку.** Думается, что это случилось потому, что руководство окруженными войсками не ожидало его одобрения. Следует к тому же заметить, что **на последние запросы Ставки командование почему-то вообще не находило нужным отвечать.***

В приказе давался краткий и довольно мрачный анализ сложившейся обстановки и делалась ссылка на требование выходить из окружения во что бы то ни стало. Войскам приказывалось сжечь автомашины, взорвать материальную часть артиллерии и оставшиеся неиспользованными снаряды, уничтожить материальные запасы и каждой дивизии выходить из окружения самостоятельно.

В этот день я был оперативным дежурным и приказ, размноженный в нескольких экземплярах для 19-й армии, попал ко мне для рассылки в дивизии. Передавая его мне, полковник А.Г. Маслов был крайне расстроен: он, стараясь не глядеть никому в глаза, молча передал документ, неопределенно махнул рукой и ушел. Чувствовалось, что полковник не был согласен с таким концом армии. Через некоторое время он сказал мне по секрету: «Из всех возможных решений выбрано самое худшее, и армия погибла, не будучи побежденной противником. Правильно говорится, что армия не может быть побежденной, пока ее командование не признает свое поражение. В нашем случае командование признало себя побежденным преждевременно и распустило армию, предоставив ее непобежденным бойцам самим заботиться о своей участи».

*...Приказ был незамедлительно доставлен в дивизии нарочными офицерами. А когда его содержание довели до личного состава, произошло то, что должно было произойти. Нельзя было не заметить, что **задача понята своеобразно: спасайся кто как может.** Офицеры штаба, проверявшие на местах, как доведен и понят приказ, наблюдали неприглядную картину, поправить которую уже возможности не было, да никто и не пытался что-либо изменить. Всякая связь штаба армии с дивизиями прекратилась, вступили в свои права неразбе-*

¹³ Генерал-майор С.В. Вишневский командовал 32-й армией.

¹⁴ Генерал-лейтенант И.В. Болдин – заместитель командующего Западным фронтом.

риха и самотек. К вечеру 12 октября командование и штаб армии сложили с себя обязанность управлять подчиненными войсками. Командиры дивизии поступили так же. Командиры многих частей и подразделений выстраивали подчиненных на лесных полянах, прощались с ними и распускали. На местах построения можно было видеть брошенные пулеметы, легкие минометы, противогазы и другое военное снаряжение. Солдаты и офицеры объединялись в группы различной численности и уходили большей частью в неизвестность. В некоторых соединениях личный состав с легким ручным оружием начал поход в составе частей и подразделений, но с течением времени, встретившись с трудностями, эти части и подразделения также распались на мелкие группы.

...Это невольно способствовало тому, что из 28 немецких дивизий, первоначально окруживших наши войска, к началу второй декады октября было оставлено здесь только 14, а 14 дивизий смогли продолжить путь к Москве. Расчет нашего командования на то, что окруженные армии организованно прорвутся из окружения и будут использованы для непосредственной защиты столицы, не оправдался. Эти войска вынуждены были оставить в окружении всю материальную часть, все тяжелое оружие и остававшиеся боеприпасы и выходили из окружения лишь с легким ручным оружием, а то и без него. В итоге всего сказанного и многого несказанного, группировка из четырех, хотя и обескровленных армий, насчитывавшая сотни тысяч человек, с массой артиллерии, танков и других боевых средств, окруженная противником к 7 октября, уже 12 октября **прекратила организованное сопротивление, не будучи разгромленной**, и разошлась кто куда. Она, следовательно, вела бои в окружении всего каких-то 5–6 дней. Это кажется невероятным, этому трудно поверить. И тем не менее это так.

...В продовольствии нужды не ощущалось, потому что в окруженном районе продовольствие могло быть получено из местных ресурсов: местность была запружена угнанным из западных районов советскими людьми скотом, и созревший урожай, при определенной организации, мог обеспечить питание личного состава длительное время. К тому же не были полностью использованы и продовольственные запасы, находившиеся на складах и в железнодорожных эшелонах, которыми были переполнены железнодорожные станции. В общем, у нас не было крайней нужды в продовольствии. В боеприпасах ощущалась некоторая нужда, но и их мы полностью не израсходовали, вплоть до прекращения организованного сопротивления. Нужда ощущалась в горючем для машин, а главное – в эвакуации раненых. Так что не в материальном обеспечении в первую очередь нуждались окруженные войска. Они нуждались прежде всего в квалифицированном, **твердом и авторитетном руководстве, чего, по существу, не было**.

Ну и о том, как в тот же день 12 октября высокопрофессионально и талантливо распорядился Лукин 45-й кавалерийской дивизией, вспоминает Стученко.

«Лукин не отпускал меня от себя ни на шаг. Собрали скудные свои запасы, принялись за ужин. В это время в хату с шумом ворвался какой-то подполковник и доложил, что стрелковый полк, прикрывавший район Шutowo с запада, атакован немцами. Все вскочили. Лукин приказал мне остановить немцев, не допустить их продвижения к командному пункту.

Вскочив на коня, я помчался к дивизии. Эскадроны сели на коней и на ходу стали развешиваться для атаки.

Став перед 58-м кавалерийским полком (он был в центре), я подал команду «Шапки к бою!» и, не видя еще противника, повел дивизию рысью, выбросив вперед разъезды. Километра через два мы встретились с нашими отходящими стрелковыми подразделениями. Приказываю командиру резервного 52-го полка разомкнуть один эскадрон в одну шеренгу, остановить и собрать пехотинцев. В полукилометре от нас горел хутор. Особенно ярко пылал сарай, по-видимому, с сеном. Высокий столб пламени зловеще озарял окрестность. И тут мы увидели немцев. Шли они беспорядочной толпой, горланили что-то и не целясь палили из автоматов.

При виде наглого, самоуверенного врага, поганящего нашу землю, убивающего наших людей, знакомое уже чувство страшной ненависти охватило нас. Командую полкам: «В атаку!» Конники ринулись навстречу фашистам. Те увидели нас, но было уже поздно. Мы врезались в их толпу; удар был настолько неожидан, что гитлеровцы и не отстреливались, кинулись к лесу, начинавшемуся за догоравшим хутором. Немногим посчастливилось спастись, и то потому, что уже стемнело и гоняться за отдельными солдатами в темноте, да тем более в лесу, не имело смысла.

Надо было как можно быстрее организовать оборону. Сигналами «Стой» и «Сбор» приостанавливаю атаку. Командир резервного полка доложил, что собралось около 200 человек пехотинцев. Мы покормили их из запасов пулеметчиков (у них в тачанках всегда кое-что припрятано «на черный день») и помогли закрепиться у хутора.

В 23.00 дивизия получила приказ командующего армией: держать фронт до четырех часов утра, после чего отходить на юг, прикрывая войска, которые будут с рассветом пробиваться в район Стогово (южнее Вязьмы) на соединение с 20-й армией генерал-лейтенанта Еришакова.

Штабом посланы разъезды, чтобы связаться с соседями на флангах. Они вернулись с тревожной вестью: ни справа, ни слева наших частей нет, и противник обходит нас на обоих флангах. В ночной темноте не стихает треск немецких автоматов; спереди, справа, слева, сзади взвиваются осветительные ракеты. Пытаюсь связаться со штабом армии, но разъезды теряют людей, а пробиться не могут.

Подходя к делу формально, мы могли бы спокойно просидеть на месте до четырех часов утра. Но нас мучила мысль: что с командным пунктом армии? Может, командарму и штабу нужна наша помощь?

А разъезды все возвращаются ни с чем.

– Дай я попробую, – сказал комиссар дивизии А.Г. Полегин.

Обмотав копыта лошадей тряпками, Полегин и его товарищи скрылись в темноте. Я провел немало тревожных минут. Наконец послышался приглушенный топот и показались силуэты всадников. Комиссар все-таки пробился на хутор, где размещался штаб армии. Там уже никого не было. Удалось выяснить, что еще в полночь оба командарма и Болдин, собрав своих штабных работников и сколотив отряд, насчитывающий человек шестьсот, взяли радиостанцию и ушли в неизвестном направлении. Итак, мы уже около четырех часов сидим здесь неизвестно для чего, неизвестно кого прикрывая.

В пятом часу утра полки по моему приказу бесшумно снялись с места. Держа коней в поводу, конники начали движение на юг, как приказал нам еще вечером командарм.

На рассвете 13 октября дивизия подошла к деревне Житино. Разъезды, высланные нами, были встречены огнем: в деревне враг. Чтобы избежать ненужных потерь, я решил обойти ее с северо-запада и на рысях повел дивизию через лес на деревню Буханово. Но до нее мы не дошли. У узкого ручья головной эскадрон попал под ураганный автоматный-пулеметный огонь».

Вы видите, что и генерал Лукин, как и генерал Кирпонос, стремился уйти от сопровождающих его войск и остаться с как можно меньшей свитой. Добавлю, что доблестному генералу Лукину все же удалось сдаться немцам, правда, раненым, тем не менее на его примере имеет смысл отвлечься и поговорить о том, как вели себя наши генералы в плену.

Комсомолка и генерал

Со времени, когда в жизнь стали входить соглашения Женевские и Гаагские о законах ведения войны, было введено в закон, что военнослужащий, попавший в плен, обязан сообщить противнику свое имя и фамилию, личный номер, звание, часть, в которой он служил, и адрес семьи. Все! Все остальное – это уже помощь врагу, это предательство.

Вот теперь давайте с точки зрения поведения в плену рассмотрим то, что рассказали немцам попавшие к ним в руки комсомолка Зоя Космодемьянская и генерал-лейтенант М.Ф. Лукин.

О поведении Зои рассказал следователю ее товарищ по диверсионной группе В. Клубков, который смалодушничал, взялся служить немцам и выдал Зою – рассказал немцам, где ее искать. Потом немцы сделали из него своего разведчика, забросили к нам, но особысты быстро его вычислили и арестовали. На следствии Клубков показал:

«...Как меня только сдали офицеру и он увидел у меня бутылки с горючей жидкостью... он наставил на меня револьвер и потребовал, чтобы я выдал, кто вместе со мной прибыл поджигать деревню. Я при этом проявил трусость и рассказал офицеру, что нас всего пришло трое, назвав имена Крайнева Бориса и Космодемьянской Зои. Офицер немедленно отдал на немецком языке какое-то приказание присутствующим там немецким солдатам... послал в погоню за Крайневым и Космодемьянской. Солдаты быстро вышли из дома...»

Вопрос: Какие еще показания вы дали офицеру до тех пор, пока привели Космодемьянскую?

Ответ: Далее я показал офицеру, что я послан разведотделом Запфронта, расположенным около ст. Кунцево. Рассказал, что наша часть при разведотделе насчитывает человек 400 разведчиков и что она готовит и перебрасывает в тыл к немцам диверсионные группы по 5—10 чел... Называл своего командира и командиров групп по фамилиям, которые знал. Через несколько минут солдаты привели Зою Космодемьянскую. Задержали ли они Крайнева, я не знаю.

Вопрос: Что спрашивал офицер у Космодемьянской и какие она дала показания?

Ответ: Как только привели Зою Космодемьянскую, офицер спросил, кто она и зачем прибыла в дер. Петрицево? Зоя отвечать на вопросы отказывалась, офицер избил ее. Космодемьянская ответила, что она деревню не поджигала.

Вопрос: К вам офицер обращался за помощью в получении признания от Космодемьянской?

Ответ: После этого офицер обратился ко мне, и я уличил Космодемьянскую, что она пришла вместе со мной и подожгла южную окраину деревни. Я показал офицеру, что это действительно Космодемьянская Зоя, которая вместе со мной прибыла в деревню для выполнения диверсионных актов. Однако Зоя заявила, что она меня не знает.

Космодемьянская после этого на вопросы офицера не отвечала. Видя, что Зоя молчит, три офицера раздели ее догола и в течение 2–3 часов сильно избивали ее резиновыми палками, добываясь показаний. Космодемьянская заявила офицерам: «Убейте меня, я вам ничего не расскажу». Большие ее не видел. Несмотря на то, что я Космодемьянскую выдал, и избиения немецкими офицерами, все же она им ничего о себе и о Красной Армии не рассказала...»

А вот что рассказал немцам сдавшийся им в плен в октябре 1941 года командующий 19-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин. (Взято из Хрестоматии по отечественной истории (1914–1945 гг.) под редакцией А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1996.)

Протокол допроса военнопленного генерал-лейтенанта Красной Армии М.Ф. Лукина 14 декабря 1941 г.

Приведенный ниже текст допроса был отправлен с оккупированной германскими войсками территории СССР в Берлин для ознакомления Гитлеру. Давший показания М.Ф. Лукин (1892–1970 гг.), Герой Российской Федерации (1993 г.), генерал-лейтенант, командовал в ходе войны 16-й, 20-й и 19-й армиями. В октябре 1941 года в районе Вязьмы был тяжело ранен и захвачен немцами в плен, в мае 1945 года освобожден.

Генерал Лукин, тяжело раненный, был взят в немецкий плен. С ним уже несколько раз беседовали, но говорили немного, вследствие его тяжелого состояния. Теперь же генерал-лейтенант Лукин сказал следующее:

– Если Вы хотите, чтобы я ответил на Ваш вопрос: «Почему русский народ, несмотря на всю свою ненависть к **Сталину** и советской системе, продолжает их защищать?» – то могу ответить таким образом, чтобы быть очень честным в разговоре с Вами. Вы говорите об освобождении народов России от большевистской системы и о новом порядке для будущей Европы, но одновременно Вы говорите, что только русские являются носителями большевизма, а украинцы, например, нет. Это ерунда. Большевизм так же чужд русскому народу, как и украинцам. Вообще, это интернациональное учение. Большевики смогли победить в России только потому, что сельское хозяйство было ужасно запущено после 1-й мировой войны. Коммунисты пообещали крестьянам землю, а рабочим – фабрики и заводы, поэтому народ поддержал их. Конечно, это было ужасной ошибкой, поскольку сегодня крестьянин, по сравнению с прошлым, не имеет вообще ничего. В лучшем случае, колхозник в Сибири получает 4 кг хлеба в день, а средняя зарплата рабочего 300–500 рублей в месяц, на которую он ничего не может купить. Когда нечего есть и существует постоянный страх перед системой, то, конечно, русские были бы очень благодарны за разрушение и избавление от сталинского режима. Только очень высокие представители советского партийного аппарата сносно живут. Командир стрелковой дивизии, по сравнению с ними, живет плохо. Но я все равно не верю в то, что в нынешних условиях внутри СССР может произойти народное, антисталинское восстание. Слишком много крови пролили большевики за 20 лет своей власти, и все, кто бы мог поднять такое восстание, уже уничтожены. И даже если существует, к примеру, такой командир или генерал, который бы думал о таком восстании и о новой России, он все равно ничего не мог сделать, так как вокруг него слишком много комиссаров и чекистов. Даже если этот генерал только поговорит об этом со своими друзьями, он все равно ничего не сможет сделать, так как даже в среде военных очень много доносчиков и никому нельзя верить. Поэтому для осуществления антисталинского восстания нужен сильный толчок извне. Вы, немцы, можете сокрушить систему, но Вы не должны думать о том, что народ может это сделать сам, несмотря на свою ненависть к режиму. И Вы не должны упрекать или наказывать русских за то, что они не восстают.

Вы говорите об освобождении народов. Но мы ничего не слышали об освобождении Украины или Белоруссии, захваченных Вами, и у нас говорят, что и для России свободы не будет. Это порождает сопротивление агрессору. Конечно, партийный аппарат и чекисты – это не друзья, но вторгнувшийся враг – это агрессор, и с ним надо бороться. Начиная с сентября этого года, на Волге и восточнее Волги формируется 150 новых стрелковых дивизий, а возможно, и больше, но никак не меньше 150. Мы должны были сами отдавать из своей армии некоторых командиров и комиссаров для этих новых дивизий. Через 4–5 месяцев эти дивизии или закончат свое формирование, или уже будут на фронте. У них будут и танки. Один мой друг сказал мне, что ежедневно строятся 60 танков, позднее это число будет доведено до 80. Это, включая заводы Ленинграда и те заводы, которые были эвакуированы на Восток страны. Основные типы строящихся танков Т-34 и КВ. Так же строятся около 20 самолетов в сутки разных типов, но артиллерии и пистолетов-пулеметов будет немного. СССР помогают США и Великобритания, но я не думаю, что их помощь будет значительна. Нефти

и нефтяных запасов не так много, чтобы полностью удовлетворить потребности, и если вермахт дойдет до Кавказа, то их будет еще меньше.

Здесь генерал-лейтенант Лукин задал вопрос собеседнику о том, что не собираются ли немцы создать альтернативное русское правительство? На этот вопрос Лукина допрашивающий ответил, что создание такого правительства будет затруднительно, ибо генерал Лукин сам заметил, что все, кто бы мог войти в такое правительство, убиты большевиками. А в случае создания правительства из случайных людей русский народ будет думать, что это правительство лишь служит немцам. Лукин сказал: *«Может быть, это и правда. В этом году Вы создали Министерство по делам восточных территорий, которое помогает только Вам. Однако если будет все-таки создано альтернативное русское правительство, многие россияне задумаются о следующем: во-первых, появится антисталинское правительство, которое будет выступать за Россию, во-вторых, они могут поверить в то, что немцы действительно воюют только против большевистской системы, а не против России, и в-третьих, они увидят, что на Вашей стороне тоже есть россияне, которые выступают не против России, а за Россию. Также правительство может стать новой надеждой для народа. Может быть, так, как я, думаю и еще другие генералы; мне известны некоторые из них, кто очень не любит коммунизм, но они сегодня ничего другого делать не могут, как поддерживать его».*

На вопрос допрашиваемого, кого бы Лукин мог назвать в качестве альтернатив, Лукин ответил:

«Сегодня в СССР существуют только два человека, которые достаточно популярны, — это Буденный и Тимошенко. Буденный — это человек из народа, в 1938 г. Сталин его очень не любил, и многие это знают. Если бы Буденный и Тимошенко возглавили восстание, то тогда, возможно, много крови и не пролилось. Но и они должны быть уверены в том, что будет Россия и российское правительство. И Буденный, и Тимошенко не очень любят коммунистические принципы, и, хотя они и являлись продуктами большевистской системы, они могли бы выступить, если бы видели альтернативу. Новая Россия не обязательно должна быть такая, как старая. Она может даже быть без Украины, Белоруссии и Прибалтики, будучи в хороших отношениях с Германией. Вот и помочь в создании такой России и правительства только в Ваших силах, а не в наших. Жуков и Шапошников не являются такими популярными, но они очень хорошие солдаты. Правда, я не думаю, что новые сформированные дивизии смогут вести наступательные действия; они могут только хорошо обороняться. Очень многие не хотят воевать, и при наступлении наших наступающих часто брали в плен очень легко. В районе южнее Ярцево Вы имели 50 орудий на 1 км фронта, но наша пехота все равно должна была наступать три раза. Было очень много убитых, и очень многие не желали прорываться из окружения, а сдавались. Все-таки потери составили не менее 10 000 человек.

На фронт начинают поступать новые реактивно-пусковые установки, которые раньше имелись лишь у армий, но теперь будут и у дивизий. До сих пор существовал такой порядок, что ни одна установка не должна была быть захвачена Вами, и я сам отдавал приказ об их уничтожении, если они были в опасности. Сейчас их появится очень много. Если появится возможность более точной организации их стрельбы, то их значение резко возрастет. Поскольку они просты в изготовлении, то и на фронте установки появятся скоро. Вы должны обратить на них внимание. Я не думаю, что Красная Армия начнет вести химическую войну. Теперь я прошу Вас, чтобы Вы знали, что все это сказал россиянин, который любит свой народ, и я не хочу, чтобы было еще хуже. Я прошу Вас сохранить все это в секрете, так как у меня есть семья».

Сохранить в секрете предательство Лукина не удалось. Весной 1942 года 1-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерала П. Белова вместе с 4-м воздушно десантным корпусом под командованием генерала А. Казанкина дрался в окружении под Вязьмой.

26 мая генерал Казанкин в телеграмме Жукову, Булганину и Белову сообщил об уничтожении посланной немцами диверсионной группы, состоящей из предателей:

«Диверсионная группа численностью 300 человек почти полностью ликвидирована. Захваченный в плен майор 33-й армии Богатов Алексей Матвеевич бывшей 160 сд показал:

1. На ликвидацию нашей группировки привлечен 4 армейский резервный корпус, 43 корпус с Милятино, с Богатырей и др. направлений.

Танков для этой операции придается около 600 танков 20 тбр и 59 бронетанкового соединения, кроме того, привлекается корпус, сформированный из бывших военнопленных под командованием генерал-лейтенанта Лукина... командующего 16 или 20 армией. Наступление этого корпуса предполагается со стороны Дорогобуж.

Ликвидация всей группы намечена в 2–3 дня. Первая задача разъединить Белова с 4 ВДК и дальше уничтожить по частям.

Этой операции они придают большое значение, считая ее началом главного наступления.

Немцы готовят еще ряд диверсионных групп, в том числе десант из русских. Основной целью ликвидированной группы было поставлено захват штаба Белова.

В штабе Белова есть... работающие в пользу немцев.

Все наши шифры известны немцам, и наши радиogramмы они перехватывают. О наших планах немцам известно.

Опрос произведен ввиду сложной обстановки кратко.

...донесу дополнительно. Его показаниям в ночь на 26.5.42 г. должны пройти еще группы 400 человек между Богородицкое, Акулово.

Его показаниям командир 43 армейского корпуса высоко расценивает действия десантников. 1539Ш, Казанкин, Оленин».

Как вы поняли из этой телеграммы, генерал Лукин был предшественником генерала Власова и какое-то время возглавлял предателей на службе немцам. Почему это не вскрылось при проверке Лукина по возвращении его из плена, это вопрос...

Ну, а Советская военная энциклопедия сообщает о М.Ф. Лукине такие подробности: «14 окт. был тяжело ранен, попал в плен, мужественно и достойно держал себя в условиях фаши. концлагерей. В мае 1945 освобожден из плена. С ноября 1946 в отставке. Награжден орденом Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями».

До войны Лукин имел два ордена Красного Знамени, и мне было непонятно, за что он получил остальные ордена? А после прочтения протокола его допроса, после прочтения телеграммы Казанкина понял: за то, что сообщил немцам время формирования, численность и боеготовность советских резервов; за то, что сообщил им темп и места производства танков и их марку, за то, что сообщил немцам мощности авиапромышленности, за то, что проинформировал их об установках залпового огня («катюшах»), за то, что возглавлял русских предателей на службе у немцев, короче – за то, что сообщил немцам все, что знал, за то, что без колебаний предал и свою присягу, и свой народ. За что демократы присвоили ему звание Героя России, тоже стало понятно – за то, что соглашался на новую Россию без Украины, Белоруссии и Прибалтики, под немецким управлением, но с собою у бюджетного корыта.

Бросающаяся в глаза разница

Итак, генерал Лукин был ранен перед пленом, а вот его начальник штаба генерал В.Ф. Малышкин целым уже в ночь на 13 октября перебежал к немцам и служил им вместе с Власовым, надо думать, лучше, чем выкормившему его советскому народу.

Ко мне в руки попала одна из их книг «Немецкий плен и советское освобождение» (Paris, 1987 г.), в которой два бывших советских военнопленных сержанта, сбежавших после Победы в американскую зону оккупации Германии и оставшихся за рубежом, поливают помоями советскую власть, из-за которой якобы они и попали в плен. Оба яростно доказывают, что в том, что они сдались в плен, армия не виновата, а виноват только Сталин. Но, описывая обстоятельства сдачи в плен, оба, забыв про Сталина, вспоминают одно и то же. Ф. Черон, служивший в Белоруссии, пишет, что в день начала войны его полк в 4 часа утра подняли по тревоге и отвели в ближайший лес, чтобы спасти от авиационного удара немцев. И это была последняя команда полку, поскольку *«командного состава не было видно. До сих пор не представляю, что с ними случилось, куда делись старшие командиры полка. Словно их метлой смело. Красноармейцы бродили бесцельно и не знали, что делать. Разные слухи поползли, были преувеличенные, искаженные и часто неверные. Никто этих слухов не опровергал. Все принималось за чистую монету.*

Уже трудно было не поверить, что совершилось что-то страшное, с чем мы никогда не встречались. Война на самом деле? Куда же идут немцы? Куда нам идти или бежать? Что же делают наши войска на границе? Что означает «немцы перешли границу»?

Создавшийся хаос в нашей части перешел в неорганизованное бегство. Не нашлось ни одного командира, чтоб установить какой-нибудь порядок. Получалось так, что они убежали, оставив на произвол судьбы своих красноармейцев».

В толпах этих абсолютно дезорганизованных солдат Черон и сдался в плен на третий день войны. А сержант И. Лугин сдался в плен в 1942 году во время окружения под Харьковом. Но и он пишет то же самое: *«В окружении исчезли командиры особенно высоких рангов. Этим отчасти объясняется, что наши части не сопротивлялись. Только уже в последний день перед пленом появился какой-то храбрый капитан и начал сколачивать группу прорыва. Собрал он около двух сотен бойцов».* Но прорыв не удался, капитан исчез, и Лугин сдался немцам, зачищавшим местность.

Об этом же пытались писать и советские солдаты, но цензура ЦК КПСС была начеку. У маршала Рокоссовского из воспоминаний были убраны обширнейшие куски текста, не соответствовавшие «линии партии». В частности, маршал в этих кусках вспоминал о таких проявлениях лета 1941 года:

«А накануне в районе той же Клеваны мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спорили знаки различия.

В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому «окруженцу», велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово «полковник» он выдал из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кон-

читаться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло».

Судя по всему, немцы достаточно презрительно относились к советским генералам и офицерам, сдававшимся в плен, и не видели своих особых заслуг в пленении этого трусливого сброда. Пауль Карелл описывает историю одного, да и то попутно. Это командир 4-й танковой дивизии генерал-майор Потатурчев. Его дивизию немцы обошли, она практически не участвовала в боях, не считая бомбежек немецкой авиации, тем не менее она как соединение в несколько дней развалилась, а Потатурчев с несколькими офицерами, переодевшись в гражданское, бросил своих солдат и сбежал, сдавшись немцам в плен под Минском.

В ходе той войны на советско-германском фронте немецкие армии трижды попали в окружение советских войск: под Демянском около 100 тысяч немцев попали в окружение в январе 1942 года и больше года (до февраля 1943 года) сражались в окружении или полуокружении, пока не вырвались из мешка; в ноябре 1942 года 6-я немецкая армия попала в окружение под Сталинградом и больше двух месяцев сражалась как единое целое; под Корсунь-Шевченковским в январе 1944 года были окружены около 90 тысяч немцев, которые три недели сражались как единое целое, а затем пошли на прорыв и частично прорвались.

Немцы окружали советские армии, по моему счету, восемь раз: под Минском, под Смоленском, под Уманью, под Киевом, под Вязьмой в 1941 году; 33-ю армию в ходе Ржевско-Вяземской операции, войска Южного и Юго-Западного фронтов под Харьковом и 2-ю ударную армию под Ленинградом в 1942 году.

И только 33-я армия генерала Ефремова, отказавшегося бросить своих солдат, сражалась в окружении почти полгода, и 2-я ударная – три недели. Во всех остальных случаях, как только немцы окружали наши войска, кадровое офицерство практически немедленно прекращало управление ими, бросало солдат и сдавалось в плен либо пыталось удраить из окружения самостоятельно – без войск.

А немецкие офицеры своих солдат не бросали ни при каких обстоятельствах! Вот Пауль Карелл описывает отступление немецких войск после Сталинградской битвы. *«Они уже не являлись подвижными войсками, хорошо оснащенными моторизованными частями, это были лишь ослабленные маленькие танковые части 13-й танковой дивизии, а в основном – пехотные, стрелковые части, горные подразделения и артиллерия на конной тяге, которые за четыре недели прошли расстояние в 400 километров без машин, располагая только выючными животными и лошадьми, чтобы тащить орудия и снабженческие подводы. На большей части пути им приходилось вести бои. С ледяных склонов Эльбруса, Клухора и Санчара, из топей долины Гунайки они спустились в Кубанскую степь и повернули на северо-запад к «Голубой линии», последнему бастиону перед Кубанским плацдармом.*

Это отступление тоже представляет собой подвиг, практически не имеющий аналогов в военной истории. Этот период войны отмечен героизмом, верностью долгу и готовностью к самопожертвованию со стороны офицеров и рядовых и не только с оружием в руках, но и с лопатой, рядом с лошадьми и мулами.

Здесь больше, чем когда-либо, немецкий вермахт пожинал плоды своей прогрессивной, современной структуры, отсутствия социальных барьеров и классовых предрассудков. Германская армия была единственной армией в мире, в которой офицеры и рядовые ели одинаковую еду. Офицер был не только командиром в сражении, но также и «бригадиром», «солдатом в погонах», который, не колеблясь, брал на плечи груз или вытаскивал застрявшие машины, подавая пример, помогающий преодолеть усталость. Никаким другим образом успешно осуществить это великое отступление было бы невозможно».

Фельдмаршал Манштейн, высоко оценив выносливость и смелость румынского солдата, причины слабости румынской армии (помимо подготовки и оснащения) видел в том, что (выделено мною): *«значительная часть офицеров, в особенности высшего и среднего звена, не соот-*

ветствовала требованиям к военным этого уровня. Прежде всего, **не было тесной связи между офицером и солдатом**, которая у нас была само собой разумеющимся делом. Что касается заботы офицеров о солдатах, то здесь явно недоставало «прусской школы».

А.В. Невский был участником приема капитуляции немецких войск в Кенигсберге 9 апреля 1945 года. Немцы шли сдаваться нашим генералам колоннами в составе своих частей и подразделений. *«Когда немецкие офицеры получили приказ М.И. Первозникова построиться отдельной колонной, началось прощание немецких офицеров со своими солдатами. Все они целовались и плакали»*, – вспоминает А.В. Невский.

А как прощались со своими солдатами кадровые офицеры Красной Армии, можно узнать из докладов работников НКВД о положении на оккупированной территории Московской области: *«7. 1–2 ноября 1941 года вышедшие из окружения красноармейцы заявили, что в окружении в районе г. Вязьмы они были предоставлены сами себе. Находившиеся с ними командиры буквально приказывали, ругаясь матом, оставить их, командиров, одних и с ними не идти, предлагая им пробираться самостоятельно»*.

Да, вырастил советский народ генералов и кадровое офицерство на славу. А теперь это офицерство старательно нас уверяет, что немцев победили они – кадровые, а большие потери советского народа произошли потому, что:

- кадровыми офицерами командовал плохой главнокомандующий И.В. Сталин, и вообще начальники были плохие;

- у них, у кадровых офицеров, были плохие солдаты из крестьян;

- у них, у кадровых офицеров, был плохой советский народ, который не обеспечил их во время войны тем, чем им хотелось.

* * *

Все это, конечно, в среднем. И среди немцев было достаточно офицеров и генералов (и сам Манштейн в том числе), которые не так хороши, как Манштейну хочется их нам представить. И среди советских генералов и офицеров были герои, добросовестно и беззаветно исполнявшие свой долг. Но все же... В нашей армии эти-то, сдающиеся, зачем нужны?

Немецкий лейтенант Ганс-Вернер Вольтерсдорф в лагере военнопленных на вопрос о требованиях к немецким офицерам ответил: *«Обязательным требованием для получения офицерского звания был не диплом о высшем образовании, а наличие достойных подражания способностей, подлинного авторитета. Командир подразделения должен был стать и его лучшим солдатом; командира выделяла не форма, не должность, а способность служить примером»*.

Описанные выше лица начальствующего состава способны служить примером? Судя по тому, как из них сделали героев, ответ положительный. А зачем их героизировать? И тут ответ один – чтобы подобные «eroи» продолжали в нашей армии обжираться народом. А народу это надо?

Глава 4. Вопросы вопросов

В голове не укладывается

Вторая мировая война – это, конечно, выдающееся событие мирового масштаба, это, безусловно, очень интересно, но как США, не сделав ни одного пушечного выстрела, могли блицкригом уничтожить Советский Союз, да еще и руками его руководителей?? Вот это вопрос! Вопрос вопросов!

На круглом столе в Госдуме на тему: «Катынская трагедия: правовые и политические аспекты», который 19 апреля 2010 года провела фракция КПРФ, я получил и информацию, которую не ожидал получить, причем совершенно не по теме Катыни. Дал эту информацию А.И. Лукьянов, но чтобы вы поняли ее значение, я начну не с его информации.

Я уже в нескольких книгах, в которых уместно было об этом писать, рассказываю, что в 1991 году власть в СССР перешла в руки аппарата КПСС (не партии, а ее аппарата, и не всего аппарата, а некой избранной, в то же время наиболее подлой его части), причем перешла в тайном виде. Понятно было, что и деньги СССР перешли в собственность аппарата КПСС, и тоже через подставных лиц. Причем я пришел к этому выводу путем исключения всех возможных вариантов.

В кулуарах стола я разговорился с доктором исторических наук А.Н. Колесником, специализирующимся на сборе исторической информации путем опроса еще живых деятелей исследуемой им эпохи. Вот он и рассказал, что бывший начальник 5-го Управления (защита конституционного строя) КГБ, первый заместитель Председателя КГБ СССР, генерал армии Ф.Д. Бобков, который сегодня болен и находится в плохом состоянии, поведал, что все нынешние олигархи (Березовский, Гусинский, Абрамович и пр.) во времена СССР были его агентами, то есть агентами КГБ. Они сообщали КГБ о настроениях и разговорах в интеллигентской среде, и именно им была передана собственность СССР, причем по распоряжению с «самого верха». Под «самым верхом» надо полагать самого Горбачева, во всяком случае, какой-то очень узкий круг «посвященных» лиц. Рассказывая о своей работе с Волкогоновым и А.Н. Яковлевым, Колесник утверждал, что тот же Яковлев, ближайший соратник Горбачева по перестройке, совершенно осмысленно менял общественный строй СССР, причем в своем кругу, ставя задачи по фальсификации истории, даже не сильно скрывал, что эта фальсификация проводится именно для облегчения смены строя.

Такая информация на первый взгляд в голове не укладывается, поскольку Горбачев, Яковлев и некий узкий круг лиц вокруг них выглядят совершенными идиотами. Ведь при смене строя они из властных и публично прославляемых людей, руководителей огромной и славной страны, превращались в гнусные ничтожества, какими они на сегодня и являются в глазах подавляющей части населения бывшего СССР, да и думающей части мира. Понимаете, все эти нобелевские премии, эти встречи с «интеллигенцией» – это все для дураков. А я не верю, чтобы Горбачев и Яковлев были настолько дураками, что не понимали последствий превращения себя из руководителей мощнейшей державы в ничтожных и никем по-настоящему не уважаемых клопов. Не могли они по собственному желанию, добровольно на это пойти! После такого вывода следуют два первых вопроса – кто и чем их заставил?

Генералы и штрафная рота

На первый вопрос, чтобы отбросить инопланетян и расплывчатое слово «Запад», следует ответить – это те, кто реально руководит США, а посредством США и всем миром, – это некая элита банковского и связанного с ним промышленного капитала.

Мне скажут, что фактически я пишу о жидо-масонском заговоре, но я с этим не соглашусь, поскольку у масонов все же были нужные всему миру цели свободы и справедливости, а у этой элиты Запада ничего похожего не видно: их цель – это биологическое существование в качестве мировых (самых-самых) паразитов. И в осуществление этой цели они совершенно осмысленно ведут мир не к свободе, а к зверской и тупой диктатуре.

Да, судя по действиям этой западной элиты, она сильно еврейская, но я не стал бы на месте евреев сильно раздувать щеки – евреи для этой элиты являются еще большим мусором, нежели остальные национальности. Евреи для этой элиты не более, чем члены КПСС для Горбачева с Яковлевым, – некая толпа, которая нужна постольку, поскольку с ее помощью можно удовлетворить собственные интересы, и совершенно безразличная этой элите в иных случаях. И даже меньше, поскольку элита Запада евреями не избирается, посему вообще никак от них не зависит, а использует элита Запада мировое еврейство, большей частью, «втемную», давая евреям, конечно, устроиться в мире поудобнее, но оставляя им за это терпеть ненависть остальных народов.

Исследователи еврейского лобби в США, профессора Гарвардского и Чикагского университетов Стивен Уолт и Джон Миршаймер отмечают безусловное подчинение американского правительства лобби и безусловное следование его курсу Израиля, к примеру: *«Соединенные Штаты блокируют все усилия арабских стран поставить израильский ядерный арсенал под контроль МАГАТЭ»*, – и т. д. и т. п. При этом еврейское население США является армией для давления на политический истеблишмент США: евреи обязаны являться на демонстрации, писать письма протеста своим конгрессменам, вопить в прессе в случае, если это необходимо, как думают эти евреи, Израилю, а на самом деле – элите Запада. Но самой элите Запада на мнение этой еврейской массовки абсолютно наплевать, к примеру: *«Стремление неоконсерваторов и других лидеров Лобби как можно скорее начать вторжение в Ирак отнюдь не одобрялось широкой еврейской общественностью. Сразу же после начала войны Самуэль Фридман сообщил о результатах опроса, проведенного исследовательским центром «Рей» на всей территории страны. «Его результаты показали, что среди евреев война пользуется меньшей поддержкой (52 %), чем среди населения в целом (62 %)*». Совершенно очевидно, было бы глупо сваливать вину за развязывание войны на «еврейское влияние», – пишут профессора.

Совершенно наплевать элите Запада и на евреев Израиля, о которых она, якобы, так печется. Недавно я обратил внимание, что и в Израиле, как и в России, тоже есть некие «правозащитники», причем как и в России, эти «правозащитники» тоже называют себя евреями, как и в России, эти «правозащитники» тоже содержатся за счет иностранных государств, и, как и в России, деятельность этих «правозащитников» гражданами Израиля тоже расценивается как государственная измена. Только и разницы, что в России государственная измена этими «правозащитниками» ведется на деньги, скажем условно, Израиля, а в Израиле – на деньги европейских стран. Зачем европейским странам это нужно – понятно. Им совершенно не улыбается насмерть поспорить с нефтеносными арабами. Но почему это допускает международное еврейство, которое в других случаях за одно кривое слово против Израиля поднимает по тревоге всех шавок мировой прессы?

Ведь вы посмотрите, какие страны субсидируют деньгами в Израиле антиизраильские настроения. Ладно, Норвегия, чувствующая себя уверенно на своих нефтяных запасах, ладно хитрая Швейцария, хранящая деньги всего мира, но ведь дает деньги и бессловесная, мертво

лежащая под евреями и до сих пор оккупированная США Германия, и фактический израильский холуй – Голландия! Да в этих странах ни один политик слова против Израиля не имеет возможности сказать, а тут деньги на антиизраильскую пропаганду выделяют? А куда же смотрит элита Запада?

А элите Запада нужно, чтобы и евреи Израиля были покорны элите Запада. Еврейские диаспоры во всех иных странах мира эта элита держит в подчинении угрозой антисемитских погромов, а евреев Израиля – арабской угрозой. Для элиты Запада евреи – это такой же быдлак, как и остальные нации, и еврейский быдлак тоже обязан быть послушным.

Евреи – это не гвардия элиты Запада и даже не армия, это штрафная рота, которую в бой гонят силой, правда, командиров этой роты кормят до отвала.

Склонить к предательству руководителя

Возникает вопрос, а надо ли было мне и в этой статье напрашиваться на обвинения в антисемитизме и трогать евреев? Может, нужно было просто ограничиться словом «Запад»? Можно было, но при этом в уме читателей всплывут образы обам, бушей и всяких прочих блэров, а, на мой взгляд, эти сиюминутные (в масштабах истории) гномы вряд ли сами догадываются, что происходит даже в их странах.

Да, не исключено, что в недрах государственного аппарата США имеются некие засекреченные структуры для явной и неявной войны с СССР и со всем миром за право США быть гегемоном во всем мире. Но полагаю, что эти структуры, сами того не подозревая, работают сначала на помянутую элиту Запада, а уж во вторую очередь – на США. Этого легко добиться подчинением элите всего одного человека в этих структурах – их руководителя. Так уж устроена система бюрократического управления – всем кажется, что никто в США не служит этой элите и все в США исключительно патриоты и служат только Америке! Это заблуждение. При сегодняшнем устройстве систем управления, в том числе и в США, надо только подготовить американскому президенту план действий, который в первую очередь будет выгоден элите, президент этот план примет, и вся Америка будет служить элите Запада, в уверенности, что служит Родине. При этом даже самого президента не надо покупать, а иногда его и информировать нет смысла, просто нужно купить того, кто готовит президентам США речи и планы, и достаточно. Сейчас в мире президенты в умственном отношении столь убогие, что вряд ли понимают, что именно они делают.

Вспомним: нынешний мировой экономический кризис был вызван непомерной алчностью американской (подчеркну – американской) банковской системы. Даже Медведев это подчеркивал. Правительства всех стран, включая американское, напрягли население и за счет собранных с этого населения налогов стали бороться с этим кризисом, казалось бы, на благо самих народов своих стран. Опять же, исходя из того, кто именно был виновником обнищания избирателей этих правительств, в первую очередь должна была быть наказана банковская система, в первую очередь американская. Но вот сегодня (апрель 2010) смотрю по телевизору, как ликующая комментаторша сообщает о тысяче самых процветающих корпораций мира (по версии журнала «Форбс»). «Газпром» со своей нужной всем продукцией, к тому же резко поднявшейся в цене, получивший в прошедшем году 24 миллиарда долларов прибыли, в этом списке на 16-м месте. Китайский банк – банк страны, поставляющей реальные товары всему миру, – на 4-м месте. А первые три места занимают три американских банка. Так во чье благо направили налоги своих стран правительства сего мира, и в первую очередь правительство США? Во благо своих избирателей или во благо тех, кому эти правительства реально служат?

Да и зачем нам, собственно, чужие примеры того, что значит предательство руководителей организации? Вспомните, разве 18 миллионов коммунистов СССР, поддерживая Горбачева, служили делу уничтожения СССР? И кем, по сравнению этими 18 миллионами членов КПСС, клявшимися в верности СССР, была жалкая кучка диссидентов-либералов, из которых половина была агентурой КГБ? А ведь СССР был уничтожен, и уничтожен, по меньшей мере, при непротивлении членов КПСС! Поймите, бессмысленна многочисленность организации, если во главе ее предатель, а строгая дисциплина в такой организации только способствует предательству ее главы. Я не снимаю вины ни с одного члена КПСС, но ведь нужно понимать и механизм того, как, кем и каким способом эти 18 миллионов были превращены, используя тюремный жаргон, в «петухов» СНГ.

Не буду спорить с теми читателями, кто не согласен с моим видением тех, кто правит миром. Просто прошу со мною согласиться в том, что если в мире осмысленно уничтожаются государства, то не так важно, кого именно мы считаем руководителями этих операций по их

уничтожению. Важно то, что существует некий, пусть нам и неизвестный, центр, осмысленно планирующий и осмысленно осуществляющий такие операции, как с применением оружия и войск, так и без их применения. А из кого именно состоит этот центр – только из евреев или он интернациональный, где именно он находится – в недрах аппарата США или в ином месте, – это вопросы уже второго плана. Хотите видеть в роли руководителей этого центра Тэтчер или президентов Рейгана, Клинтона или Буша-юниора – пожалуйста. Я этих деятелей в такой роли не вижу.

Не в первый раз

Если вы согласились с тем, что существует некая внешняя сила, заставившая президента СССР и чуть ли не небожителей – членов Политбюро ЦК КПСС – самих себя превратить в грязь, то следующий вопрос – как и чем эта сила заставила этих могущественных людей работать себе во вред?

Для ответа на этот вопрос, требуется предварительное обдумывание вопроса – а было ли это в истории СССР в первый раз? Были ли до перестройки случаи, когда элита СССР действовала себе во вред? Подчеркну – себе, элите, во вред, а про вред гражданам СССР я уже и не говорю.

Вот давайте в этом плане вспомним некоторые события отечественной и мировой истории, а начнем с XX съезда КПСС.

В 1956 г. КПСС собралась на очередной XX съезд, и в конце съезда вдруг прозвучал доклад тогдашнего первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева, смыслом которого было, что Сталин – негодяй, который вместе с Л.П. Берией держал в страхе весь советский народ и убивал невинных людей, и убивал. Это было настолько несуразно, что делегатам съезда не дали этот доклад обсудить – сразу после доклада съезд был закрыт. После этого вся пресса СССР, полностью находившаяся в руках номенклатуры КПСС, стала навязывать и навязывать народу и миру миф о тиране Сталине и его «культе личности».

Дикость и подлость этого мифа заключалась в том, что вся верхушка партии и государства были соратниками Сталина, при его жизни неимоверно хвалили и возвеличивали его и, главное, это они все делали в стране своими руками. Если что-то и совершалось в стране преступное или нехорошее, то делалось это не Сталиным, а руками этой верхушки, и она, видя, что делает, могла этого не делать. Но делала! А потом вдруг обвинила во всем этом Сталина?!!

Поразительно то, что к тому моменту не прошло и 10 лет после того, как Нюрнбергский трибунал осудил и приговорил к повешению номенклатуру фашистской Германии, хотя она на процессе доказывала, что только исполняла приказы Гитлера. А советская номенклатура вдруг сама объявляет те приказы Сталина, которые она исполняла, преступными. Но ведь эта номенклатура не была сумасшедшей, и раз она на это пошла, то, значит, ей это было нужно.

Зачем?!! Ведь те, кто обвинял Сталина (тогдашнее руководство страны и партии), представляли в образе каких-то мелких и подлых тварей, которые готовы на любые преступления по приказу одного-единственного человека! Зачем было так унижать себя? Вот, к примеру, член Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян, полагая, что оправдывается очень убедительно, пишет в Китай Пэн Дэхуаю: *«Проговорись кто-нибудь из нас раньше времени, и мы бы все отправились на тот свет»*. На что ему китайский маршал презрительно бросает в ответ: *«Какие же вы коммунисты, если так боитесь смерти?»* И ведь элита СССР понимала, что выставляет себя трусливыми подонками перед всем миром, и тем не менее выставляла!

XX съезд вызвал за границей бурю. Резко ухудшились отношения не только с уже пришедшей к власти компартией соседнего Китая, сотни тысяч коммунистов во всех странах мира стали покидать свои компартии.

К примеру, в начале 50-х сенатор Франции, генеральный секретарь французской коммунистической партии Морис Торез мог на всю страну заявить, что если правительство Франции попытается начать войну против СССР, то французские коммунисты начнут партизанскую войну против такого правительства, и французы относились к таким заявлениям коммунистов с пониманием. После XX съезда КПСС тираж газеты французских коммунистов «Юманите» упал с миллиона в 1956 г. до 80 тыс. в 1957 г., а число коммунистов во французском парламенте – со 150 до 7. Спецслужбы Запада тут же спровоцировали антисоветское восстание в

Венгрии, престиж СССР – победителя фашизма резко упал. И организаторы борьбы с «культом личности» не могли не предвидеть этого и тем не менее на это пошли. Зачем?!

Официально было объявлено, что это сделано для того, чтобы исправить ошибки и преступления «культа». Какие?

Перестройка Сталиным управления партией была ликвидирована, структурно управление страны и партии не изменилось ни на грамм, ни на миллиметр.

Стали выпускать из заключения людей, осужденных за измену Родине. Но если так уж приспичило их выпустить, то кто мешал это сделать без «разоблачения культа»?

Кто мешал исправить судебную систему так, чтобы исключить или затруднить вынесение ошибочных или заведомо неправосудных приговоров? Но ведь именно это и не было сделано – наоборот! Начиная с генерального прокурора Руденко (1953 г.), правосудие стало комплектоваться мерзавцами, исполняющими не волю закона, а волю ЦК КПСС, чего и близко не было при Сталине. Так зачем же к этому беззаконию надо было добавлять позор «разоблачения культа»?

И ведь посмотрите, как подло это делалось и делается до сих пор. На процессе по защите чести и достоинства Сталина против радиостанции «Эхо Москвы» ответчиком был некий выпускник циркового училища Ганопольский, после подготовки к делу он разразился истерикой в эфире, и один из радиослушателей ему сообщил: *«Вы знаете, ну, тема очень интересная – я сам русский немец. У меня в 1937 году застрелили деда, просто за то, что у него нашли Библию на немецком языке. Самое смешное в том, что я написал, через «Мемориал» это нашел, прислали приговора копию. Вы знаете, самое смешное, что фамилии тех людей, которые его расстреливали, так называемая «тройка», были заштрихованы».*

Обратите внимание, и Хрущев тогда, и этот пресловутый «Мемориал» сегодня прекрасно знали и знают, что отца этого радиослушателя, если он действительно был казнен невинно, убил не Сталин, – его убили трое судей. Но и Хрущев, и «Мемориал» их фамилии тщательно скрывают, хотя для предотвращения вынесения неправосудных приговоров именно об этих судьях и надо было кричать, начиная с XX съезда, и именно их, для примера нынешним судьям, и надо было примерно наказать. Но и Хрущев, и сегодняшние «борцы против незаконных репрессий» лгут и лгут, обвиняя не истинных убийц, а Сталина. И этой ложью защищают подонков-судей, давая им возможность и сегодня выносить неправосудные приговоры.

Считается, что с 1956 года началась «хрущевская оттепель», под которой имеют в виду некую свободу слова. Но эта свобода была дана только писакам, льющим грязь на Сталина, т. е. по сути это была все та же пропагандистская кампания «разоблачения культа». Остальным нагло заткнули рот.

Свобода слова по сравнению со временами Сталина была пресечена самым жестоким образом. При Сталине свободно велись дискуссии по всем основополагающим вопросам бытия: по основам экономики, общественной жизни, науки. Критиковалась вейсмановская генетика, теория относительности Эйнштейна, кибернетика, устройство колхозов, жесточайшим образом критиковалось любое начальство страны. Достаточно сравнить, о чем писали сатирики тогда и о чем начали писать после XX съезда.

Если мнение человека предлагалось обществу не для подрыва советской власти в СССР, то это мнение высказывалось абсолютно свободно, даже если оно было глупым. Такой пример. Кораблестроитель, дворянин, академик А.Н. Крылов, выступая в поддержку терпящего научный крах академика из дворян Н.И. Вавилова и против набиравшего авторитет ученого из крестьян Т.Д. Лысенко, на заседании одной из комиссий Академии наук СССР в 1938 г. откровенно врал: *«Так Н.И. Вавилов творит в этой области (вейсмановской генетике. – Ю.М.) изумительные вещи, разводя, например, пшеницу за полярным кругом или картофель на Кировском полуострове (Кольском. – Ю.М.) и в Мурманске».* И эта брехня без изменений вошла в сборник его очерков, изданный в 1945 г., хотя на тот момент Т.Д. Лысенко был уже прези-

дентом академии сельхознаук, а Н.И. Вавилов умер в тюрьме, осужденный за измену Родине. Почему такое разрешалось? Потому что это был пусть и лживый, но довод научной дискуссии, а в научных дискуссиях никто и никому рот не затыкал.

После смерти Сталина положение со свободой слова резко ухудшилось, никто не смел и строчки написать с сомнением в линии ЦК КПСС, и «на ура» проходил любой научный и экономический бред: ликвидация МТС, безумие Целины, посадки кукурузы, реорганизация министерств в совнархозы и обратно, ликвидация приусадебных участков и т. д. и т. п... В науке официально была запрещена критика теории Эйнштейна, обанкротившейся вейсмановской генетики (то, что называется генетикой сегодня – это совершенно не те представления о наследственности, которые назывались моргановской и вейсмановской генетикой до 1955 г.) и бесславно сдохшей, никому не нужной кибернетики.

Положим, верхушке государства и партии очень надо было заткнуть людям рот. Ну и сделали бы это, раз очень захотелось, Сталина-то зачем для этого поносить?

Сегодня те, кто понимает убийственность для страны решений XX съезда, говорят, что Хрущев-де был западным агентом, троцкистом-изменником и вообще евреем по фамилии Перлмутер. Да пусть хоть трижды еврей, Сталина-то зачем трогать?! Кроме этого, ведь не в одном Хрущеве дело: попытки измазать Сталина и Берию грязью были почему-то нужны, по меньшей мере, всей или большинству правящей элиты страны, и она, как мы видим, ради этого была готова на любые моральные и политические потери. Почему? Что заставило парт- и госноменклатуру на это пойти, кто их заставил и каким образом заставил?

Но не менее поразительна и реакция Запада. Нам внушают, что в то время шла яростная идеологическая борьба двух систем – советской и западной – и все, что признавалось в одной системе с плюсом, в другой оценивалось с минусом и наоборот. У нас бесплатная медицина, а у них она качественнее. У нас бесплатное образование, а у них оно тоже почти бесплатное, но лучше. У нас нет безработицы, а у них пособие по безработице больше, чем у нас зарплата. У нас Гагарин в космос полетел, а у них автомобиль в каждой семье, они на Луну высадились, а мы людей бережем. И так во всем.

И по формальной логике пропагандистской борьбы, если КПСС на XX съезде начала борьбу со сталинизмом, то Запад обязан был поддерживать мертвого, а посему и безопасного, Сталина против живого и, казалось бы, опасного для Запада Хрущева. Но Запад формально не поступил – Запад радостно поддержал Хрущева и его «шестидерастов». Почему?

В отношении Запада ответ очевиден, но я его повторю, чтобы читатели не искали.

Давайте все разложим по полочкам. Запад враг? Да. А кто был самый страшный наш враг на Западе? Гитлер. Что он о нас внушал «цивилизованным»? Я много раз цитировал Гитлера, но есть вещи, которые нужно вбивать в русские головы. Гитлер писал, сам выделяя:

«Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

Остановимся, чтобы осмыслить сказанное. Гитлер решил завоевать Россию (СССР). А почему? Что, у нас есть какие-то земли, прекраснее, скажем, соседних Германии земель Франции или Голландии? Или у нас климат лучше и оливы с миндалем растут, как в Греции или Италии? Или у нас подмосковные крестьяне выращивают такие же прекрасные виноград и

апельсины, как Испания и Португалия? Какого черта он к нам поперся? И Гитлер поясняет, что толкает его в сторону России не алчность, а... жалость к нам, русским.

«Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства». Если вы считаете, что Гитлер под интеллигенцией считал каких-то гумилевых-бунинных, то ошибаетесь. Этих Гитлер и в грош не ставил. Он поясняет, кого лишилась Россия из-за большевиков.

«Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель».

Суть идеи Гитлера: мы, русские, – недочеловеки, мы не способны не то что изобрести что-нибудь полезное, мы не способны на элементарное – на то, на что способны были, скажем, эфиопы уже 2,5 тысячи лет назад, – на создание собственного государства. И если государство у нас и было, то только потому, что мы, русские, догадались попросить немцев нами править. Немцев большевики выбили из России, и русский народ вынужден был просить евреев им править. Ну, а что взять с русских – с рабов, недочеловеков? Хамы, быдло, ни на что не способны! И Гитлер вел немцев осчастливить нас: он начал против нас войну с гуманитарными целями – чтобы спасти нас, несчастных, заменив немцами евреев.

Вы, скажете, что немцы были больны расизмом, а я спрошу – а что, они уже выздоровели? Кто это сказал? Да и разве одни немцы больны? А англосаксы? Надо просто посмотреть, как в их фильмах изображены русские, и умному этого будет достаточно. А евреи? У них же расизм в самой тяжелой форме – они только сверху бело-голубые, а внутри коричневые.

То, что Гитлер смотрел на нас как на рабов, это не пропагандистский прием – это его, немца, суть – немцу не надо доказывать и объяснять, что он имеет от рождения право стоять над русскими. Немец знает, как и еврей, что он самый умный, что ему русские должны, поскольку они только на роль рабов и годятся. Да, конечно, если расистам что-то надо, то они тебе польстят в глаза, назовут «культурным человеком», но они-то знают, кто ты, русский, на самом деле.

Вот, скажем, завизжал на советских ветеранов А. Подрабинек. Ну, чего? Что ветеранам Подрабинек, что Подрабинеку ветераны? Откуда эта тупая злоба: *«Презрение потомков – самое малое из того, что заслужили строители и защитники советского режима»*? Эта злоба все отсюда: не могут простить подрабинеки «советскому режиму», что это русские (советские), неся огромные потери, на которые оказался не способным ни один народ в Европе, в мае 1945-го вошли в Берлин и этим всей Европе показали, кто в мире на самом деле сверхчеловеки. И ведь особенно обидно расистам, что в это время, словами поминальной молитвы равината Израиля, сами подрабинеки *«...или, как овцы, на убой»*.

В минуты опасности (если ее осознают) любой умный народ выдвинет вождем самого умного, самого справедливого вождя и с ним победит и возвысится. А под чьим руководством мы, русские (советские), стали сверхчеловеками? Под чьим руководством возвысились? Заду-

майтесь об этом, и станет понятно, откуда ненависть к Сталину у Запада. Не Сталин страшен расистам, а мы, русские, когда мы становимся сверхчеловеками. Не Сталина поливают дерьмом свои и импортные хулители. Что Сталину до их помоев? Кто они и кто Сталин? Это же даже не смешно...

Клеветой на Сталина опускали и опускают наших предков, а посредством этого и нас. Запад нас, тогдашних, сегодняшних, убеждает – не были наши предки сверхчеловеками, не были!!! Рабами были. Должны были быть рабами немцев или евреев, да тем при Сталине не обломилось. Ну, так рабами Сталина были – все равно рабы! Рабы, рабы, рабы!!! Быдло! Ну, в самом деле, если 170 миллионов русских (советских) выполняли волю маленького, кровожадного, гнусного диктатора, то кто они? Правильно, рабы!

А на самом деле что такое сталинизм для нас, для русских (бывших советских). Сталинизм – это мы можем сами! Можем все! Драматург Корнейчук в 1952 году водил по Киеву итальянскую делегацию, и когда те увидели телевышку и узнали, что на Киев регулярно вещает телевидение, они опешили – в это время в Италии о телевидении еще и не помышляли. Откуда телевидение в СССР? Да оттуда, что при Сталине учили, что изобретателем радио был не итальянец Маркони, а русский Попов. И учили не потому, чтобы воспитать патриотизм, а чтобы внушить – ты, русский (советский), сам можешь все! И самого страшного врага победить, и создать все что угодно. Сталинизм – это уметь все самому! Сталинизм – это быть сверхчеловеком.

И вот это Запад пугало, вернее, пугало то, что осененные коммунистическими идеями люди становятся сверхчеловеками. И именно из-за этого Западу нужна была клевета на Сталина, поскольку этой клеветой подрывались моральные силы и советского народа, и коммунистического движения. Выгода Запада очевидна.

Элита СССР пошла не только на свое унижение, но и на это. Почему?? Чем элита Запада заставила элиту СССР пойти на такое унижение?

Да, XX съезд – это вопиющий пример унижения элиты СССР, но ведь это не единственный пример того, как элита СССР унижалась сама и сдавала интересы СССР. Давайте вспомним.

После своего провозглашения с помощью СССР Израиль очень быстро показал свое гнусное антикоммунистическое и антисоветское нутро. Помогать Израилю для элиты СССР не было никакого государственного и политического смысла, и, действительно, формально СССР как бы помогал врагам Израиля. Но как! Во-первых, в критические для Израиля моменты войны начинались переговоры, спасавшие Израиль, и СССР в этот момент вдруг начинал вместе со всеми говорить о мире, а не помогать арабам добиться победы. Мало этого, основой существования Израиля как государства являются деньги, поскольку Израиль до сих пор не способен себя прокормить, и после XX съезда КПСС огромные деньги Израиль начал снимать с Германии под соусом холокоста – под соусом того, что немцы убили 6 миллионов евреев. При этом из этих 6 миллионов убитых евреев 4 миллиона числятся за концентрационным лагерем Освенцим на территории Польши. Этот лагерь был освобожден советскими войсками, и все его документы попали в СССР и хранились в Москве, но элита СССР о том, что ей известно, сколько на самом деле евреев погибло в Освенциме, молчала. А в перестройку в этот архив допустили журналистку Э. Максимову из «Известий», и она в статье «Пять дней в особом архиве» в номере 49 за 1990 год успела сообщить: *«Но дожили мы, слава богу, до гласности. Прошлым летом были извлечены из недр архива, правда, с превеликим трудом, освенцимские Книги смерти с фамилиями семидесяти тысяч узников из двадцати четырех стран, погибших в лагере уничтожения»*. Вопрос: почему СССР не использовал эту ложь о 4 миллионах для компрометации сионизма, почему заставил руководство Польской Народной Республики повесить на освенцимском мемориале табличку о том, что в Освенциме якобы погибло 4 миллиона евреев?

Вопиющим является молчание пропаганды СССР о том, что американцы не слетали, а только сфальсифицировали полеты на Луну. А ведь тут самим и делать ничего не надо было, следовало просто перевести на русский язык и издать книги и статьи американцев Рене или Кайзерлинга, да публиковать в научно-популярных изданиях побольше фото об этом «лунном подвиге». И Америка была бы насмерть дискредитирована в глазах народов СССР и мира, причем самими же американцами.

Но ведь не только ничего не сделали сами, но и наглухо перекрыли поступление в СССР информации о том, что в США есть люди, которые разоблачают несуразности лунной аферы. Вот пример. В начале этого тысячелетия мне случилось беседовать на экономические темы с выдающимся советским инженером Г.В. Костиным. Он является конструктором целого ряда двигателей к нашим космическим и боевым ракетам, а накануне развала СССР работал директором завода, строившего эти двигатели, т. е. он человек в космических делах далеко не посторонний. И когда я в разговоре случайно упомянул о том, что «высадка американцев на Луну» является аферой, он глубоко и искренне изумился. Оказывается, в СССР даже его, человека, который по положению обязан был бы знать все о космических делах, никто не информировал, что даже в США в лунную аферу верят далеко не лучшие умы нации. Костин даже не знал, что такая проблема вообще существует!

А случай с корейским авиалайнером, якобы сбитым в районе Сахалина советской ПВО? Ведь на самом деле 1 сентября 1983 года подполковник Осипович, выпустивший по нему две ракеты, явно недостаточные для «Боинга-747», только подбил этот сарай. Об этом свидетельствуют и отсутствие надлежащих обломков в море в районе Сахалина, и то, что самолет не падал, а снижался, что командир этого «Боинга» связался с авиадиспетчерами в Японии через 50 минут после атаки, и то, что обломки «Боинга» были выброшены на берег Японии с застрявшим в них оперением американской ракеты, и многое другое. Даже иностранные исследователи приходят к выводу, что этот лайнер с почти тремя сотнями человек на борту, подбитый советским истребителем в районе Сахалина, был добит самими американцами в районе японских островов Кюросимо и Садо. Так почему Андропов вину за его гибель возложил на СССР?

Это только крупные и известные примеры того, как элита СССР сдавала позиции Западу не только без боя, но и без атаки на эти позиции. И это все больше выпячивает вопрос, угрозой чего элита Запада заставляла элиту СССР сдаваться и предавать и коммунизм, и СССР? Что было орудием шантажа?

Ответ на этот вопрос нужно искать в конце 1952 и начале 1953 годов.

Дефект власти большевиков

Сталин был коммунистом («большевиком»), а само слово «коммунист» происходит от слова «коммуна» – общий. Соответственно, коммунистическая власть – это власть всех членов общества, а не власть членов коммунистической партии. Когда коммунисты взяли власть в России, то они так власть и задумывали – как власть всего народа. Эта власть состояла из местных и союзного законодательных органов, называемых Советами, в которые избирались депутаты на основе общего, прямого и тайного голосования. Эта коммунистическая идея и этот принцип советской власти нашли свое окончательное решение в Конституции 1936 года («сталинской конституции»).

Высший законодатель страны, Верховный Совет СССР в полном составе (все депутаты) собирался на свои сессии не реже двух раз в год, в промежутках законодательную власть осуществлял (менял министров, издавал указы и т. д.) Президиум Верховного Совета СССР. Председателями Президиума (одно время – Центрального исполнительного комитета) были: Я.М. Свердлов – по 1919 г., М.И. Калинин – по 1946 г., М.К. Шверник – по 1953 г., в 1953 г. – К.Е. Ворошилов.

Законодатель избирал правительство страны – Совет Народных Комиссаров (с 1946 г. – Совет Министров). Правительство руководило страной: организовывало всех на исполнение Законов и Указов Верховного Совета, т. е. «Советской власти».

Правительство состояло из народных комиссариатов (министерств), руководили ими народные комиссары (министры), их всех возглавлял председатель Совета Народных Комиссаров (председатель Совета Министров) – глава страны. Персонально главами СССР от Октябрьской революции по смерти Сталина были: В.И. Ленин – по 1924 г., А.И. Рыков – по 1930 г., В.М. Молотов – по 1941 г., И.В. Сталин – по 1953 г.

Однако осуществить этот самый демократический замысел в чистом виде не удавалось. К 1936 году стало казаться, что вот, наконец, можно установить и коммунистическую власть (уже были даже отпечатаны образцы бюллетеней для выборов, в которых был не один, а несколько кандидатов в депутаты), но надвинулась война, потом она началась, потом потребовалось восстанавливать страну из послевоенной разрухи.

А в такие угрожающие периоды общество спасает только диктатура.

Здесь необходимо остановиться и специально оговорить вот что. Есть состояния мира и войны, эти состояния настолько различны, что различаются и становятся несовместимыми ценности этих периодов. Для мира высшей ценностью является человеческая жизнь, а для войны высшая ценность – смерть врага, что в мирное время совершенно недопустимо. Такое же различное положение и со способом управления страной. В мирное время максимальный прогресс дает демократия, поскольку способствует отбору талантливых руководителей (я, в данном случае, имею в виду теорию вопроса, а не нынешние фашистские (диктаторские) власти, прикрывающие свой фашизм как бы «свободными выборами»). А диктатура в мирное время – это регресс, поскольку в мирное время диктаторы, оставаясь без критики даже врагов, быстро загнивают – тупеют, ленятся, окружают себя льстивой и глупой челядью, а преемники диктаторов вообще превращаются в раковую опухоль страны.

Тем не менее в тяжелое для страны время ее спасает диктатура, и эту диктатуру в СССР осуществляла партия. Но это громко и неправильно сказано, на самом деле эту диктатуру осуществляла партийная номенклатура – руководители, или, как их называли тогда, вожди партии, а рядовые члены партии к управлению страной не имели ни малейшего отношения (хотя их роль на местах была достаточно значительна).

Вот тут всплывает очередной важный вопрос: а как осуществить диктатуру, если конституционная организация управления страной никакой диктатуры не предусматривает? Если по

Конституции и в стране нет должностей ни диктаторов, ни вождей? Если Конституция СССР не предусматривала, чтобы даже самый незначительный чиновник советской власти исполнял приказы не своих начальников, а каких-то партийных вождей?

Нужно понять, что для диктатуры (между прочим, для любой диктатуры, включая жидо-масонскую) главное, чтобы приказы диктатора исполнялись, а вот от чьего именно имени будут эти приказы – непосредственно от диктатора или кого-то по его поручению – не имеет значения. (То есть если президент США от своего имени дает приказ и добивается исполнения воли элиты Запада, то это и будет диктатура этой элиты, хотя публика самой этой элиты не видит и не слышит).

Так вот, и большевики осуществляли свою диктатуру не явно, а через конституционные органы советской власти. И для того, чтобы свою диктатуру осуществлять, в структуре ВКП(б) был создан специальный орган. Но сначала несколько слов об организации и управлении самой партии большевиков – ВКП(б).

Реальная элита СССР, ее лучшие люди, готовые на труд и бой за страну и ее идеальное справедливое будущее – коммунизм, вступали в ВКП(б). (Мерзавцы тоже вступали ради карьеры, но речь пока не о них.) Эта элита избирала себе руководителей первичных, районных, областных, республиканских организаций и всей партии прямо или через делегатов съездов. Формально высшими руководящими органами партии были собрания или съезды, но фактически партией (и страной) руководили избираемые этими собраниями и съездами постоянно действующие органы: парткомы, райкомы, обкомы, центральные комитеты. Центральные комитеты (ЦК) избирались республиканскими компартиями и всей ВКП(б), но постоянно действующими они были формально, поскольку фактически они в лучшем случае собирались на пленумы три раза в году. А непрерывно партией коллегиально руководили 4–5 секретарей партии (одного из секретарей ЦК назначал «генеральным», в республиках – «первым», хотя при Сталине начиная с 1934 года генеральных секретарей уже не было – была чистая коллегиальность).

Это абсолютно достаточная структура управления любой партией, и если вы посмотрите, то сегодня во всем мире и у нас в России именно такими структурами все партии и управляются, но ни одна из таких партий не имеет диктаторской власти в своих странах. А как же тогда и при помощи чего большевики осуществляли диктатуру? При помощи создаваемого на съезде партии специального органа – Политического бюро (Политбюро).

Диктатура партии осуществлялась так.

Любой мало-мальски важный государственный вопрос, контролируемый партией, поступал сначала к секретарям ЦК ВКП(б), и если они считали необходимым принять по нему решение, которое исполнял бы весь народ, то от них этот вопрос поступал в Политбюро. А персональный состав Политбюро имел принципиальную особенность – официальный глава страны, председатель Совнаркома (Совмина) всегда был членом Политбюро, и, кстати, именно он и председательствовал на его заседаниях. Глава Советской власти, председатель Президиума Верховного Совета СССР, также был членом Политбюро. Членами Политбюро при Сталине, как правило, были и наиболее выдающиеся на тот момент государственные деятели (поскольку в то время партийных и государственных деятелей невозможно было разделить – это было практически одно и то же).

Итак, поступая в Политбюро, вопрос рассматривался, и если он мог быть решен Политбюро на основании действующих законов, то Политбюро находило решение и передавало его для исполнения находившемуся в составе Политбюро Председателю Правительства СССР. Таким образом получалось, что глава СССР, перед тем как рассмотреть вопрос со своими министрами на заседании Совета Министров, сначала рассматривал его с товарищами по партии на Политбюро.

А если вопрос требовал изменения законов Советского Союза, то решение, найденное Политбюро, передавалось для исполнения председателю Президиума Верховного Совета, и Президиум издавал соответствующий указ либо изменял или принимал новые законы, утверждая их впоследствии на съезде Верховного Совета.

Решения Политбюро оформлялись протоколами, выписки из них посылались исполнителям, но исполнители не имели права ни хранить эти выписки при себе, ни сообщать об их содержании кому-либо. Исполнители действовали на основании своих должностных полномочий не партийных, а государственных деятелей, и действовали от своего имени. Таким образом, партия руководила всем, но формально была как бы ни при чем, и формально Конституция страны не нарушалась.

Но что нужно четко понять – органом государственной диктатуры ВКП(б) в СССР было Политбюро! Есть у партии Политбюро – есть диктатура партии, нет Политбюро – нет диктатуры!

XIX съезд

Но к 1952 году развитие страны было столь успешным, а ее безопасность столь обеспеченной, что пора было делать власть в стране по-настоящему коммунистической. А для этого нужно было закончить с диктатурой ВКП(б) и отстранить партию от государственной власти, оставив ей идеологию (пропаганду идеалов коммунизма) и подбор кадров советской власти (подбор кандидатов в депутаты). После этого государственная власть должна была полностью перейти в руки Советов и их исполнительных органов.

Что нужно получить, было ясно, но вот как это получить? Объявить, что ВКП(б) нужно устранить от власти? За что? Партия потеряла половину своего состава в боях на фронтах. За что же ей такое недоверие? Более того, ведь это плохой пример для тех стран, где коммунисты еще не пришли к власти, там-то ведь власть надо захватывать! Поэтому операцию по отсечению партноменклатуры от непосредственного руководства государством надо было произвести без боли и без большого шума. Процесс должен был пройти естественно. И Сталин взял в руки скальпель. Этим скальпелем был XIX съезд ВКП(б), прошедший осенью 1952 г.

Съезд этот интересен тем, что, начиная от Хрущева, любую память о нем партноменклатура старалась тщательно уничтожить. При Брежневе начали выпускать стенограммы всех съездов ВКП(б) и КПСС и следующих за ними пленумов ЦК, на которых происходили выборы руководящих органов. Выпуск стенограмм начали интересно – со стенограмм I-го и сразу XX съездов партии. А когда издание этих документов довели до материалов XVIII съезда ВКП(б), то на нем печатание стенограмм и прекратили. Почему? Ведь XIX съезд – это публичное мероприятие, парадное. На нем присутствовали делегации всех зарубежных компартий, масса журналистов. Что же здесь скрывать? Мало этого, уничтожена стенограмма пленума ЦК после этого съезда, на котором Сталин выступал полтора часа. Мало этого, как пишет Ж. Медведев: *«...личный архив Сталина был уничтожен вскоре после его смерти...»* Но если так скрывали даже память об этом съезде, значит, было что скрывать!

Уверен, что для 99 % членов партии, рассматривавших Устав, новый текст не представлял ничего интересного или особенного. Речь шла о каких-то естественных (увеличение количественного состава руководящих органов в связи с резким ростом рядов партии), либо, на первый взгляд, косметических изменениях (новых названиях партии и ее руководящих органов).

Название «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)» менялось на «Коммунистическая партия Советского Союза». Первое название объявляло всем о независимости партии от государства, от Советской власти. Слово «всесоюзная» обозначало просто территорию, на которой действует эта часть всемирного коммунистического Интернационала. До роспуска Коминтерна в 1943 г. на титульном листе членского билета ВКП(б) сверху было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В середине: «Партийный билет», и в самом низу: «ВКП(б) – секция Коммунистического Интернационала». С безбрежным интернационализмом, вернее, космополитизмом, закончили.

Новое название намертво привязывало партию к государству, партия становилась как бы собственностью СССР, структурным подразделением Советской власти. Было Правительство Советского Союза, Министерство обороны Советского Союза, теперь вместо ВКП(б) стала и Коммунистическая партия Советского Союза.

Дальнейшие изменения были уже кардинальными. Вместо Политбюро ЦК партии полагось сформировать только Президиум. Полагаю, что многие считали или считают Политбюро и Президиум одним и тем же руководящим органом. Действительно, убив Сталина, номенклатура не дала этому органу изменить суть, а в 1966 году вернула ему и прежнее название

– Политбюро. Но мы ведь рассматриваем не то, что сделала партноменклатура после смерти Сталина, а то, что хотел сделать Сталин.

Бюро – это суверенный руководитель, состоящий из нескольких человек, бюро свои решения ни с кем не согласовывает, это диктаторский орган. А президиум (от латинского *praesidare* – сидеть впереди) – это всего лишь представители другого руководящего органа, и президиум лишь часть вопросов может решать самостоятельно, а крупные вопросы, даже если он их и принял, обязан после этого утвердить у того, кого он представляет. Скажем, Президиум Верховного Совета СССР мог сам заменить министра СССР, но впоследствии обязан был это новое назначение утвердить на ближайшей сессии Верховного Совета.

И эта замена Политбюро на Президиум означала, что партия лишается органа своей диктатуры, непосредственно руководящего всей страной, и ей создается орган, который руководит только партией и то – в перерывах между пленумами ЦК.

Повторю, что Конституцией диктатура партии и ее вмешательство в дела Советов не предусмотрено, и осуществлялось на практике только потому, что в Политбюро всегда входили оба высших представителя Советской власти – Председатель Президиума Верховного Совета и Председатель Совета Министров. От руководителей партии – ее секретарей (5–6 человек) – в Политбюро всегда входил генеральный секретарь и еще один-два секретаря, которые менялись в зависимости от их личного авторитета. А от правительства входило еще несколько министров. Таким образом, как я уже писал, Политбюро было неким междусобойчиком высших должностных лиц государства, которые одновременно являлись товарищами по одной партии. И решения Политбюро были обязательны для исполнения каждым именно потому, что они, по сути, исходили от главы советской власти и главы советского правительства. И для партии они были обязательны, поскольку исходили от секретарей партии.

Сравните, согласно Уставу, принятому в 1939 г. (на XVIII съезде ВКП(б)), высший руководящий орган партии *«ЦК ВКП(б) организует для политической работы Политическое бюро, для общего руководства организационной работой – Организационное бюро, для текущей работы организационно-исполнительного характера – Секретариат, для проверки исполнения решений партии и ЦК ВКП(б) – Комиссию партийного контроля»*.

А в докладе на XIX съезде о новом Уставе говорилось: *«В проекте измененного Устава предлагается преобразовать Политбюро в Президиум Центрального Комитета партии, организуемый для руководства работой ЦК между пленумами»*.

...Текущую организационную работу Центрального Комитета, как показала практика, целесообразно сосредоточить в одном органе – Секретариате, в связи с чем в дальнейшем Оргбюро ЦК не иметь».

Таким образом, функции *«политической работы»*, как в старом Уставе (диктаторские функции партии), исчезли, Президиум должен был руководить только организационной работой в партии в промежутках между пленумами ЦК, таким образом Президиум фактически стал преемником не Политбюро, а Оргбюро, которое упразднили.

Состав Президиума был определен в 25 членов и 11 кандидатов (имеющих совещательный голос). По сравнению с 9—11 членами Политбюро это получился очень многоголосый колхоз. Однако не надо думать, что Сталин не понимал, что делает. Большинство из этих 25 человек были не партийные, а государственные деятели, которые подчинялись Председателю Совета Министров и, соответственно, Верховному Совету. Таким образом, власть в партии перешла от партийной номенклатуры к советской власти (строго говоря – ее номенклатуре). То есть теперь не партия руководила советской властью, а советская власть – партией.

Сталин, подчинив партию советской власти, восстановил действие Конституции СССР в полном объеме. Сделал, по сути, то, что и Петр I, который русскую православную церковь сделал структурой государственного аппарата управления.

Давайте прикинем, как бы выглядел СССР, если бы Сталин не был убит или Берия сумел бы расправиться с его убийцами и довести до конца преобразования, намеченные XIX съездом КПСС?

В СССР вся власть принадлежала бы только Советам, формируемым прямым и тайным голосованием на альтернативной основе, то есть избиратели выбирали бы в депутаты одного из нескольких кандидатов. В дополнение к КПСС, возможно, появились бы еще партии, имеющие свой взгляд на пути построения коммунизма, напомним, ведь КПСС до самого своего развала так и не сообщила народу, как этот самый коммунизм выглядит. И на разнице в этом видении коммунизма вполне могли появиться новые коммунистические идеологии. Ведь если нормальным считается иметь в стране несколько буржуазных партий, в никакое будущее свои страны не ведущие, то почему нельзя было иметь несколько коммунистических, имеющих задачу привести свои страны в пока еще непонятный коммунизм? При этом СССР оставался бы социалистическим и плановым, но со всеми теми демократическими атрибутами, за отсутствие которых его попрекали.

Но! Но при этом все вожди (руководители, управленцы) в партии и структурах советской власти отбирались бы по принципу ума и трудолюбия, что для вождя очень не просто, а не по принципу услужения начальству, что очень легко. Надо ли это было уже успокоившейся от бурь и тревог и начавшей зарастать жиром партноменклатуре КПСС? Надо ли было ей умом и трудолюбием непрерывно доказывать, что она занимает свои места по праву?

Думаю, не все члены ЦК в 1953 году догадывались или хотя бы подозревали, что Сталин убит, а не умер своей смертью, но вот то, что Берия был убит, а дело против него сфабриковано и, чтобы придать видимость заговора, убиты невинные люди в качестве пособников Берии, понимали все члены ЦК. И они одобрили Хрущеву это убийство по одной-единственной причине – Хрущев ликвидировал решения XIX съезда. Он действовал для их, партноменклатуры, пользы, он их оставлял у государственной власти и, соответственно, у государственных кормушек.

И уже сталинской партноменклатуре было, как елей на раны, когда на пленуме, посвященном «делу Берии», Хрущев прямо обвинил Берию в том, что тот собрался добиться внедрения решений XIX съезда в жизнь: *«Помните, тогда Ракоши сказал: я хотел бы знать, что решается в Совете Министров и что в ЦК, какое разграничение должно быть... Берия тогда пренебрежительно сказал: что ЦК, пусть Совмин решает, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой»*.

Вот это, главное обвинение Берии поддержал и Каганович: *«Партия для нас выше всего. Никому не позволено, когда этот подлец говорит: ЦК – кадры и пропаганда. Не политическое руководство, не руководство всей жизнью, как мы, большевики, понимаем»*.

То, что со смертью Сталина убивались решения XIX съезда КПСС, видно по тому, как быстро партноменклатура, поправ Устав, ликвидировала все то основное, что произвел в Уставе Сталин. Он еще дышал, когда партноменклатура сократила Президиум до 10 человек, восстановив под этим названием Политбюро. Сократила число секретарей до 5 и назначила секретаря ЦК Хрущева пока еще «координатором» среди секретарей. Через 5 месяцев Хрущев был назначен Первым секретарем (вождем партии), и пресса кинулась нахваливать «дорогого Никиту Сергеевича».

ЦК совершил преступление против рядовых коммунистов. Еще раз вспомним, что высшим руководящим органом партии был съезд, на который рядовые коммунисты избирали делегатов, и этот высший орган дал приказ ЦК – уйти от государственной власти и заняться пропагандой и подбором кадров. ЦК цинично не выполнил этот приказ.

Да, к сожалению, ни рядовые коммунисты, ни народ этого тогда не увидели. Но это увидела элита Запада. И это стало поводом для грандиозного шантажа элитой Запада элиты СССР.

Представьте, что тогдашние радиостанции Запада, от еще оставшихся «Свободы» и «Би-би-си» до ныне закрытого «Голоса Америки» начали бы объяснять народу СССР, что произошло. Даже народ не потребовался бы, поскольку от того, что партноменклатура фактически руководит государством, рядовым коммунистам было не жарко и не холодно. Но сам факт, что эта партноменклатура пограла коммунистические принципы, привело бы к тому, что сами коммунисты смели бы партноменклатура с ее постов и заменили на тех, кто руководствуется сталинскими принципами. Номенклатура КПСС пошла на очень большой риск и этим подставила себя под угрозу уничтожения самими же коммунистами и, соответственно, подставила себя под шантаж Запада.

Разумеется, со стороны Запада угроза рассказать народу СССР об измене партии ЦК КПСС была блефом, поскольку не в интересах Запада были сталинские преобразования СССР, но даже если Хрущев и видел этот блеф, то он лично ничего не мог поделать, поскольку на нем лежала вина за смерть Сталина и Берии. Его с позором бы расстреляли, если бы Запад, не трогая XIX съезд, начал бы рассказывать то, что он знает об убийстве Сталина и Берии. А Запад знал и молчал о многом, ведь всего лишь несколько лет назад были частично рассекречены архивы ЦРУ, из которых стало ясно, что агентура ЦРУ сразу же, еще в 1953 году, сообщала в Вашингтон, что Сталин не умер своей смертью, а убит.

Впоследствии, по мере того, как элита СССР стала все больше и больше предавать СССР, ей уже некуда было деваться. А Запад ждал, пока ключевые должности партноменклатуры КПСС и руководящие должности КГБ заполнятся алчными и подлыми мерзавцами, которые своими руками уничтожат социализм и СССР строго под контролем Запада и уничтожат именно так, как Западу и надо.

Однако тут же всплывает вопрос: а как этот шантаж можно было делать тайно при коллективном руководстве, как это сделать, если управление партии – Центральный комитет КПСС – состояло из нескольких сот человек, и даже Политбюро в конце своей истории состояло из трех десятков человек? Как можно было их шантажировать так, чтобы почти за сорок лет никакая информация об этом не просочилась? Ведь и двадцать лет спустя после открытия всех архивов и предательства вождей КПСС никто даже не задумывается и не говорит ни о каком шантаже, и не говорит потому, что даже при наличии явных признаков шантажа совершенно непонятно, как его технически можно было осуществить при коллективном руководстве страной?

Поэтому необходимо отвлечься на этот сопутствующий, но очень важный, ввиду его непонимания, вопрос.

Коллективное руководство

Любое мало-мальски сложное понятие потому и сложное, что имеет много аспектов, выходящих за рамки слова, описывающего это понятие. Особенно если это иностранное слово, не имеющее корней в родном языке.

Скажем, понятие «демократия» описывает государственные органы, над которыми народ имеет власть (демос – народ и кратос – власть) и которые по этой причине служат только интересам народа. Пока демократия существовала в пределах греческого полиса в несколько тысяч человек, это было очевидным. По мере внедрения этого понятия в практику многомиллионных государств смысл демократии начисто утерян и заменен понятием «выборы государственных органов». Смысл утерян до такой степени, что когда АВН говорит, что для получения власти (создания демократии) народ должен получить право поощрять и наказывать власть, то против этого выступают те, кто искренне считает себя демократом. И это при том, что именно избранные всеобщим и тайным голосованием на альтернативной основе органы власти в России так издевались и издеваются над народом (тем самым, который как бы имеет власть), что трудно найти прецеденты во всей мировой истории. Дело дошло до того, что «первому демократическому президенту» потребовался специальный закон для защиты его от уголовной ответственности.

Похоже обстоит дело и с понятием «коллективное руководство». Под этим понимается некий руководящий орган, состоящий более чем из одного человека, и в котором все члены имеют равное право голоса. Но дело не в голосовании, поскольку оно к управлению не имеет никакого отношения. Управление – это область знаний, поэтому голосующий член коллективного органа является управленцем только тогда, когда ясно понимает, как принимаемое решение скажется на управляемой организации. Если он этого не понимает, то он балласт, не имеющий никакого значения.

Возьмите барана, выпишите на него документы депутата Госдумы и научите его тыкать копытом в ту кнопку, на которую укажет пастух. И этот баран будет управленцем?

Это плохо понимается, поэтому я прошу читателя: сбросьте шоры с глаз и поймите: управленец – это не голосователь, управленец тот, кто умеет управлять. И коллективный орган управления, чтобы соответствовать этому понятию, должен состоять только из тех, кто умеет управлять. В противном случае даже при формальном наличии коллективного органа, состоящего из голосователей, управлять будет не коллектив, а либо те в нем, кто умеет это делать, либо люди вне этого органа, которые будут готовить от его имени решения, а голосователи за эти решения будут голосовать. При таком балласте управляющий орган может состоять и из тысячи человек, а управлять все равно будет кто-то другой.

Хорошим примером идиотизма является Дума, в которой голосователи открыто занимаются тем, что голосуют за то, что скажут их начальники, а начальники – за то, что скажут те, кто дает им деньги или имеет над ними власть. И реально руководят эти последние, находящиеся вне Думы, а «коллективное руководство» под вывеской «Дума» является дорогостоящей фикцией.

Идеальным коллективным органом является собор, широко распространенный в русской общине еще в прошлом веке, на котором решения принимались единогласно. В связи с единогласным правилом для принимаемых решений большинство в соборе не давило меньшинство своим количеством, а объясняло меньшинству, почему это решение надо принять. И наоборот, даже один человек имел возможность объяснить остальным членам собора суть своего варианта решения, и все обязаны были его слушать, поскольку без его голоса решение не состоится. Каждый член собора действительно был управленцем, поскольку голосовал за лично осмысленное решение, и поэтому собор действительно является коллективным руководящим органом.

Однако особенностью собора является явно выраженная коллективная ответственность этого коллективного органа. Скажем, русская община несла коллективную ответственность деньгами за ошибки всех своих решений, а кардиналам, соборно избирающим папу римского, зримую коллективную ответственность создают, запирая их в комнату, в которой они безвыходно находятся до тех пор, пока единогласно не проголосуют за одну кандидатуру. Без зримой ответственности соборность превращается в польский сейм, уничтоживший Польшу как великое государство.

Однако и при наличии ответственности коллективный руководитель не будет таковым, скажем, сталинское Политбюро ЦК ВКП(б) до войны несло коллективную, причем серьезнейшую ответственность за последствия своих решений, несло тем, что в случае потери большевиками власти членов Политбюро, скорее всего, уничтожили бы. Но и это не сделало Политбюро по-настоящему коллективным руководителем. Почему?

Если в коллективном руководящем органе наличествуют малокультурные люди, не имеющие достаточных знаний для управления и надеющиеся на то, что какие-то другие члены этого органа найдут нужное решение, то такие «члены руководящего органа» за это решение просто тупо проголосуют. И объяснят, что проголосовали так потому, что «верят вождю». Но управление и вера – это разные вещи, поскольку управленец управляет своим умом, а верующий в вождя – это голосовательный балласт коллективного органа. Что верующий есть, что его нет, а на содержание вариантов решения это не повлияет.

Однако прерву начатую тему вождя, чтобы рассмотреть тему малограмотности до конца.

Усугубляет положение с участием в управлении членов руководящего органа и их специализация – они как бы получают оправдание своей низкой культуре – они-де в этом вопросе не специалисты, а специалисты в других вопросах. Но и как от специалистов от них бывает мало толку, поскольку они уверены, что раз они большие начальники, то могут не знать подробности даже своего дела – это обязан знать их аппарат. Таким образом, вместо такого начальника решения принимает аппарат, поскольку аппарат эти решения готовит начальнику на подпись. Но и чиновники аппарата, при малокультурном, малознающем начальнике, тоже быстро становятся уверены, что подробности обязан знать кто-то другой. В результате даже при большом количестве членов «коллективных руководящих органов» на самом деле руководить, даже в непродажной и некоррупцированной системе управления, может черт знает кто.

Поскольку я исследую проблему СССР, то приведу из своей тогдашней практики пример того, во что с точки зрения знаний превратилось «коллективное руководство» СССР как руководитель страны. В конце 80-х мне приходилось работать «с газет», то есть начинать действовать, как только какое-то постановление Совмина появилось в печати, поскольку в дальнейшем оно могло быть изменено. И вот было опубликовано совместное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о расширении самостоятельности в области внешнеэкономической деятельности, а в нем глаз зацепился за слово «бартер». Что такое «бартер», я понятия не имел, а просмотрев все словари, не нашел этого слова. Во время очередной командировки в Москву в свое министерство, зашел в Управление внешнеэкономических связей выяснить, что же такое бартерные операции, и прошу мне, парню из захолустья, объяснить, что это такое. Работники Управления сначала меня вообще не поняли, начали выяснять, откуда я узнал это слово и какое оно имеет отношение к ним? Я объяснил, и народ засуетился, сообразив, что это, оказывается, по их специальности, побежал выяснять у начальства, но безрезультатно, подтвердив мое невысокое мнение и о Минчермете, и о московской интеллигенции, которая в газете «Правда» привыкла читать только фельетоны. Но меня так просто не выпроводишь, поэтому меня связали с тем отделом Совета Министров СССР, который готовил текст этого постановления.

И дело приняло вид скверного антисоветского анекдота, поскольку и в Совмине никто не знал, что означает слово «бартер» в постановлении Совмина и ЦК КПСС, текст которого сами

клерки Совмина и написали. Но там тоже поняли, что это нехороший анекдот, и тут же дали мне телефон человека из Министерства иностранных дел, который непосредственно написал этот пункт постановления. Я позвонил, объяснил, что мне нужно, и почувствовал, что человек на другом конце провода явственно обрадовался моему звонку. Он тут же заказал мне пропуск и предложил приехать на Смоленскую площадь. Принял радушно, объяснил, что бартер – это товарообменная операция, что он ожидал бурной реакции от всей промышленности СССР на введенное им право заводов проводить бартерные операции, но почему-то все молчат, и я вообще первый позвонил...

Вот и оцените, что из себя представляли члены коллективных руководящих органов СССР – Совмина и Политбюро, – если даже члены их аппарата не знали, о чем написано в мудрых указаниях этих руководителей.

Но вернемся к потребности верить вождям. Описан, возможно, реальный случай, который является хорошим примером, даже если он выдуман. В понедельник некто потребовался Сталину, но этот некто был пьян и через секретаря сообщил, что он якобы на охоте. Говорят, что во вторник во время встречи Сталин посоветовал ему брать пример с члена Политбюро товарища Ворошилова, который на охоту ходит по субботам, в воскресенье похмеляется и в понедельник уже свежий как огурчик.

А как отдыхал сам Сталин? А вот прочтите его письмо жене, Надежде Аллилуевой (Татьке), написанное им во время лечения на Кавказе 14 сентября 1931 г. (выделения в тексте сделаны Сталиным).

«Здравствуй, Татка!

*Письмо получил. Хорошо, что научилась писать обстоятельные письма. Из твоего письма видно, что внешний облик Москвы **начинает** меняться к лучшему. Наконец-то!*

*«Рабочий техникум» по **электротехнике** получил. Пришли мне, Татка, «Рабочий техникум» по **черной металлургии**. Обязательно пришли (посмотри мою библиотеку – там найдешь).*

...Продолжай «информировать».

Целую. Твой Иосиф.

P.S. Здоровье у меня поправляется. Медленно, но поправляется».

Представляете, как хорошо было быть членом коллективного руководящего органа, если в нем был Сталин? Допустим, поступил к тебе как к члену коллективного руководящего органа вопрос по металлургии (а Политбюро решало практически все вопросы страны), тебе нужно учебники брать или на заводы ехать разбираться с подробностями, чтобы принять нужное решение, а это время тратить, умственные извилины напрягать. А тут берешь и посылаешь вопрос Сталину – пусть он разбирается, пусть он тратит время, он же вождь, а ты в субботу – на охоту. А потом голосуешь за предложение Сталина, поскольку «веришь вождю», и, кстати, веришь не без оснований, поскольку Сталин действительно разобрался с твоим вопросом. Представляете, как удобно иметь вождя? Сколько сил это экономит и сколько славы приносит: мы! Члены Политбюро! Решили!

В 1927 году Сталин попросил пленум ЦК освободить его от этого счастья – быть вождем, – попросил освободить себя от должности секретаря ЦК, а когда пленум категорически отказался отпускать Сталина, то попросил хотя бы упразднить должность Генерального секретаря. Пленум категорически отказался удовлетворить даже эту просьбу. И пленум можно понять, и Сталина. Если Сталин будет просто секретарь, как и четверо других секретарей, то кто же из них будет вождь? Как же тогда будет с «я верю вождю»? Ведь тогда самим придется работать! А Сталин хотел, чтобы и остальные работали – тоскливо ему было в ситуации, когда по-настоящему и посоветоваться не с кем – никто не хочет знать тонкостей решаемых вопро-

сов, все хотят обойтись скороспелым умствованием, все хотят вопросы решать без предварительного их обдумывания – проголосовал, и все!

Вывод: в коллективном руководящем органе, даже при наличии коллективной ответственности, будут приниматься решения того, кто обладает максимальным авторитетом, а в органе, члены которого ленятся или не способны разбираться во всех возникающих вопросах, максимальный авторитет будет у того, кто обладает знаниями для решения этого вопроса. Итак, сначала авторитет, потом знания.

Чтобы напомнить, откуда у Сталина взялся авторитет, еще раз сообщу, что в его библиотеке было 30 тысяч томов книг, из которых 5,5 тысячи были им изучены и исчерканы его пометами. Прикиньте, сколько вы прочитали книг за свою жизнь, чтобы понять, насколько энциклопедическими знаниями обладал Сталин. Полагалось бы, чтобы все члены Политбюро обладали такими же знаниями, тогда Политбюро действительно было бы коллективным руководящим органом и вождями были бы все члены Политбюро. Однако они ленились эти знания приобретать, поэтому Политбюро было коллективным руководящим органом лишь номинально – основную массу решений давал Сталин, остальные за эти решения голосовали. Кстати, по простым вопросам, в которых члены Политбюро разбирались и сами, решения Сталина иногда и не проходили, как было в случае с Бухариным и Рыковым, которых Сталин предлагал всего лишь выслать из Москвы, но остальные члены ЦК настояли на отдачу их под суд.

Обратите внимание, что у Сталина не было секретов от членов Политбюро – у него не было тайных знаний, Сталин обладал открытыми знаниями, то есть такими, которые могли знать и другие члены Политбюро, да они не хотели трудиться и этими знаниями овладевать, или им ума не хватало для их понимания. Но уже это обладание открытыми знаниями, не известными другим, дает знающему члену коллективного органа теоретическую возможность провести через этот орган любое решение – как полезное организации, так и вредное.

В качестве примера рассмотрим гипотетический случай манипулирования членами коллективного руководящего органа на конкретном примере.

СССР в августе 1939 года заключил с Германией договор о ненападении под условие, что Германия предоставит СССР кредит на закупку в Германии образцов оружия, боевой техники и оборудования для их производства и заключит торговое соглашение для этих же закупок. В ответ СССР обязался поставлять Германии сырье, в том числе и железную руду, но в договоре о поставках немцев «обули». Суть вот в чем. Из железной руды в доменных печах получают чугуны, но чтобы его получить, нужно иметь в руде не менее 50 % железа, иначе чугуны выплавить невозможно – доменная печь выйдет из строя. Но в договоре с немцами этот нижний предел содержания железа не оговорили – немцы полагали, что мы будем поставлять им железную руду такую, как используем в доменных печах сами, то есть не менее, чем с 50 % железа. А цену назначили за тонну железа в руде, то есть две тонны руды с 50 % железа содержали в себе одну тонну железа, вот за эту одну тонну железа и брали деньги. Но при добыче руды получается и много руды с содержанием железа менее 50 %, эта руда шла в отвалы, поскольку, повторю, в доменную печь ее давать нельзя. А если поставлять немцам руду с более чем 50 % железа, то самим не будет хватать, поэтому им начали поставлять отвалы с низким содержанием железа. Скажем, отгрузит СССР им четыре тонны руды с 25 % железа, в этих четырех тоннах содержится одна тонна железа, вот «по-честному» и брали с немцев, как за одну тонну.

Немцы, когда поняли, что их «обули», прислали в Москву министра внешней торговли с претензиями, Сталин с ним лично переговорил и отбил претензию тем, что у немцев есть обогатительные фабрики, которые построены специально для переработки такой руды – для повышения содержания железа в рудном сырье, поступающем в доменную печь. На этих фабриках немцы могут руду с низким содержанием железа размолоть, потом флотацией отделить железо, это железо окомковать и дать в доменную печь, то есть немцы все же могут эту руду использовать. А СССР не может, поскольку у него нет обогатительных производств, и, кстати,

эти производства у немцев как раз и закупались. Поэтому, сказал, Сталин, вы сначала поставьте нам обогатительные фабрики, мы их запустим, начнем обогащать руду сами, вот тогда и будем поставлять вам то, что можно грузить в домны без обогащения. Немец пробовал продолжить возмущение, однако Сталин начал возмущаться со своей стороны: немцы обязались поставить образцы артиллерийских орудий, перископы для советских подводных лодок, поточные линии для производства снарядов – почему задерживают поставки? Немец начал оправдываться, что им самим не хватает, а Сталин – ничего не знаем! Мы вам руду поставляем без задержек, и вы не срывайте поставки!

Почему Сталин смог так четко отбить немецкие претензии? Потому, что он на отдыхе не на охоту ходил и в воскресенье не опохмелялся, зато он изучил подробности черной металлургии, и это позволило ему лично «обуть» немцев так, что СССР получил от немцев современное вооружение почти задаром – за сырье, которое СССР выбрасывал. Это реальный случай.

А теперь предположим, что Сталин на Политбюро обсуждает, какую руду поставлять немцам. Теоретически Сталин мог сообщить остальным членам Политбюро об обогатительных фабриках у немцев и предложить поставлять им породу с отвалов под видом железной руды. А мог и не сообщать этого, а предложить поставлять немцам руду с 60 % железа, уменьшив этим поставки богатой руды на доменные печи СССР и уменьшив производство чугуна в стране. Поскольку ни у кого из членов Политбюро не было таких знаний по металлургии, как у Сталина, то прошло бы любое из предложенных им решений. Конечно, реальный Сталин никогда ничего не сделал бы во вред СССР, но я дал этот гипотетический пример для показа того, как с помощью знаний можно сделать из коллективного органа управления послушный инструмент, даже без пресловутых угроз «стереть в лагерную пыль».

Давайте подведем итоги. Управление – это знания, вернее умение применить знания. Государственное управление – это практически энциклопедические знания. Члены коллективного органа управления, не стремящиеся такими знаниями овладеть, всегда будут не управленцами, а марионетками в руках тех, кто такие знания имеет. Поэтому коллективного руководства не будет. Что делать, чтобы коллективное управление было?

Конечно, надо объяснять тем, кто стремится в политику, что они обязаны лично овладевать всеми подробностями вопросов, по которым они будут голосовать, что им нужно стать самыми знающими людьми в стране. Но сами понимаете, что от подобных объяснений толку ноль. Скажем, из нынешних депутатов вообще мизер поймет, о чем это вы говорите, но и этот мизер не почешется – зачем? Что, им без этих знаний плохо? Аппараты Думы и президента какие-то там законопроекты пишут, а депутаты свои карточки для голосования бригадирам сдают, и бригадиры за всех скопом голосуют. Ну, что еще нужно такому «государственному деятелю» для счастья?

(Вот поэтому АВН и предлагает свой закон, главная цель которого – угрозой возможного тюремного наказания отпугнуть от государственных выборных должностей тупых уродов, а толковых людей, ставших депутатами, заставить вникать во все вопросы. Но это кстати.)

В коллективном управляющем органе, укомплектованном малокультурными людьми (в смысле – не умеющими пользоваться теми знаниями, которые требуются для личного решения всех государственных вопросов), диктатором автоматически становится самый авторитетный, а при равном исходном авторитете – самый знающий.

Вот теперь давайте вернемся к шантажу элиты СССР элитой Запада.

Куда девались «закрытые пакеты»?

Сомневаюсь, чтобы все 110 членов ЦК КПСС, избранные на XIX съезде КПСС, ясно представляли, что они совершили преступление, ликвидировав решения этого съезда. Но и те, кто понимал это, рассчитывали, что в крайнем случае разоблачения этого преступления они прикинутся ничего не понявшими дураками, «поверившими старейшему члену Политбюро Хрущеву», а вот сам Хрущев ответит по полной программе. И это понимание подсказывало, что Хрущев во имя собственного спасения вник во все подробности и лучше всех знает, что нужно делать, чтобы расплата не наступила. Таким образом, Хрущев стал авторитетом в вопросе спасения от этого наказания, ему верили остальные. Поэтому Западу не было необходимости шантажировать всех членов ЦК или даже Политбюро. Достаточно было шантажировать одного Хрущева, а он убедит остальное «коллективное руководство» СССР принимать решения нужные Западу. Напомню, Хрущев тем более поддавался шантажу, что элита Запады шантажировала еще и убийством Сталина.

Нравилось ли это Хрущеву? Безусловно, нет! Кому может понравиться нахождение под шантажом? Но, что ему оставалось делать?

Разумеется, Хрущев не мог объявить всем членам ЦК, что он вынужден исполнять требования Запада, думаю, что даже самым доверенным, таким, как Микоян, Хрущев не сообщал всего. Скорее всего, как-то в курсе дела были министры иностранных дел, через которых, похоже, и велись секретные переговоры, да о чем-то могли быть информированы председатели КГБ, да и то не исключено, что им сообщалась всего лишь правдоподобная легенда. А те, кто догадывался о чем-то, предпочитали молчать, понимая, что чем меньше знаешь об этом, тем дольше живешь.

Хрущев, безусловно, был большим диктатором, нежели Сталин, но и Хрущев не мог всего, поскольку пока партия состояла из еще сталинских кадров, Хрущев находился в состоянии Штирлица – ему нужно было легендировать любую уступку Западу так, чтобы в глазах даже партноменклатуры эта уступка выглядела как политика, а не как предательство. «Разоблачение культа личности Сталина» для непонимающих легендировалось «восстановлением ленинских принципов коллективного руководства», а для понимающих – необходимостью так подорвать авторитет Сталина, чтобы никому не пришлось в голову задуматься о решениях сталинского XIX съезда. Уступка сионизму в вопросе холокоста легендировалось несвоевременностью ссоры с международным еврейством. Однако нечем было легендировать сдачу американцам Кубы, и Кубе пришлось помогать. Запад понимал проблемы Хрущева, и понимал, что этот решительный и храбрый человек может пойти и на сумасбродный поступок, если его сильно загонять в угол.

Точно так же Брежнев мог легендировать пресечение сообщений о фальсификации высадки американцев на Луну тем, что, дескать, СССР обвинят в зависти, мало этого, мог вообще объяснять это необходимостью шантажа самих США с целью покупки в США 10 миллионов тонн зерна по дешевым ценам. Но Брежнев не мог запретить построить станцию слежения за «Аполлонами», не мог отказать военным послать разведывательные суда к мысу Канавэрал. И американцам самим приходилось решать вопросы обмана военных СССР имитациями на трассе «полета «Аполлонов» к Луне» и на старте. Брежнев не мог предать Вьетнам, и американцы это понимали, правда, самой элите Запада эта война была выгодна даже без победного итога – слишком хорошо на ней заработали и банки, и военно-промышленный комплекс.

То есть до момента, пока партноменклатура КПСС не сгнила в полной мере, генсеки КПСС и сами сопротивлялись шантажу и шли на уступки Западу только по возможности.

(Не хочется излишне драматизировать, но ведь внезапная смерть Брежнева вызвала и вопросы, а смерти Андропова и Черненко, которые не пробыли на своем посту и полутора лет, можно, конечно, списать на волю божью, но можно и не списывать.)

Следующий вопрос: как передавались эти знания о шантаже Запада от генсека к генсеку? Ведь не передать их было невозможно. Представьте, что Брежнев бы после Хрущева начал игнорировать шантаж, не зная о нем, и Запад начал бы, пусть и частичное, разоблачение преступления партноменклатуры. Тут же бы вскрылась роль Хрущева в этом преступлении, и его достали бы соратники даже на пенсии. Разумеется, что после снятия с должности Хрущев мог лично проинформировать Брежнева. Однако память слаба, а количество дел, связанных с шантажом, должно было нарастать, и преемнику, чтобы не ошибиться, нужно было знать не просто эти дела в общих чертах (как я их в этой работе описал), а знать в подробностях. Кроме того, генсек мог внезапно умереть в должности, что и случилось с Брежневым.

Получается, что в ЦК должен был существовать довольно приличный архив дел, связанных с шантажом, и должен был быть предусмотрен механизм их передачи от генсека к генсеку.

Интересно, что слух об этом впервые появился в связи с катынским делом на процессе «по делу КПСС» в 1992 году. Именно тогда, вручая суду фальшивки по катынскому делу, Шахрай заявил, что они находились в «закрытом пакете», который передавался от генсека к генсеку. Адвокат КПСС на этом процессе Ю.М. Слободкин тогда Шахрая высмеял – как умерший генсек мог передать этот пакет, если он не знал, кого изберут генсеком после его похорон? Я до последнего времени разделял сарказм Слободкина, но, оказывается, мы с Юрием Максимовичем недооценили генсеков. Кстати, после этого фальсификаторы опомнились и стали утверждать, что и катынские документы были найдены просто в архиве и что они хранились в личном сейфе Горбачева – версий их находки достаточно, и все разные. То есть про то, что генсеки передавали друг другу некие пакеты, сегодня стараются забыть.

Вот теперь, когда мы рассмотрели все предшествующие обстоятельства, вернемся к рассказу А.И. Лукьянова на «круглом столе», который 19 апреля 2010 г. провела фракция КПРФ. Анатолий Иванович говорил о катынском деле максимально осторожно, неконкретно и «политкорректно». Фактически он лишь выразил некие неопределенные сомнения в том, что поляков в Козьих Горах расстрелял НКВД. По мнению Стрыгина, Лукьянов специально говорил не откровенно и не сказал ничего существенного по политически острой теме Катыни, чтобы не портить отношения с нынешними российскими властями. Хотя в личном разговоре со Стрыгиным несколько лет назад Анатолий Иванович был значительно более конкретен и сообщил гораздо больше фактической информации, сильно помогшей в расследовании истинных обстоятельства катынского дела.

Опять отвлекусь. Для карьеры в СССР нужно было иметь опыт руководства, и совершенно естественно смотрятся карьеры первого секретаря компартий союзных республик, а потом и председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева, секретаря ЦК, председателя КГБ Ю.В. Андропова или секретаря обкома и секретаря ЦК Горбачева. ЦК КПСС возглавляли секретари ЦК, а у них в помощниках был аппарат, состоявший из 27 отделов ЦК. Заведующие этими отделами были руководителями второго плана, скорее, конторскими бюрократами, нежели руководителями. Среди отделов ЦК были даже на слух авторитетные, скажем, «Военный отдел», «Оборонный отдел» или «Международный отдел». И заведующие отделами ЦК тоже делали карьеру, но, что удивительно, это были не заведующие авторитетными отделами, а заведующие очень незаметным отделом – «Общим». Многолетний заведующий Общим отделом ЦК К.У. Черненко стал генсеком, а заведующий Общим отделом при Горбачеве А.И. Лукьянов стал последним Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Так вот, на «круглом столе» Лукьянов рассказал следующее. Общий отдел ЦК по своей сути является канцелярией ЦК, и только. В этом отделе находился архив документов ЦК раз-

ной степени секретности, о существовании которого знали все члены и работники ЦК (большинство этих документов теперь переданы в Архив Президента РФ). Но в кабинете заведующего Общим отделом стоял большой сейф. О его предназначении и о том, что надлежит делать с хранящимися в этом сейфе документами, полагалось знать только заведующему отделом и всего одному особо доверенному работнику архива. Лукьянов поведал, что в сейфе хранились пронумерованные закрытые пакеты желтого цвета. Количество их я не уточнил, поскольку Лукьянов, закончив свое выступление, куда-то быстро исчез. Однако из неофициальных источников у «закрытых пакетов» известен № 34.

Когда умирал генсек и в должность вступал новый, то заведующий Общим отделом обязан был ознакомить нового генсека с содержимым этих «закрытых пакетов». Лукьянов о механизме этого ознакомления рассказал так. Он брал из сейфа очередной пакет, нес его Горбачеву и клал перед ним на стол, а сам отходил в другой конец кабинета и садился там на стул. Горбачев вскрывал пакет, читал находящиеся в нем документы, после чего вновь заклеивал пакет и расписывался на нем в том, что он ознакомился. После чего Лукьянов относил пакет в уже запечатанном виде в сейф и приносил новый. Таким образом, никто, кроме генсеков, не знал содержания этих пакетов, и никто, кроме них, заведующего Общим отделом и еще одного работника, не должен был знать, что эти пакеты вообще существуют. Еще Лукьянов сказал, что ни на одном из «закрытых пакетов» не было росписи Сталина, то есть при Сталине этих пакетов вообще не существовало.

* * *

Итак, вы можете разделять мое мнение о том, что элита СССР находилась под шантажом элиты Запада, а можете и не разделять, но вряд ли вы не согласитесь с моим вопросом по поводу «закрытых пакетов». Прошло уже 22 года после того, как сейф с «закрытыми пакетами» достался победившей в СССР пятой колонне Запада, а почему мы ничего не знаем не только о содержимом этих пакетов, но и вообще о существовании этого сейфа?

Не потому ли, что я прав и что в этом сейфе находились документы, подтверждающие шантаж элиты СССР элитой Запада именно в связи с убийством Сталина и с ликвидацией решений XIX съезда КПСС?!

Вместо послесловия

Надо бы сделать в конце какие-то выводы по теме книги, но если читатель их до сих пор не сделал без меня, то я ему уже ничем не помогу. И вместо послесловия я хочу дать материал Валерия Морозова на тему качества советской элиты. Материал прекрасно объясняет, почему и за что перед Великой Отечественной войной был расстрелян целый ряд генералов Красной Армии. Текст большой, и я не буду выделять его курсивом.

«Завещание телохранителя»

О Валерии Павловиче Горелове я упомянул несколько раз в прошлых своих материалах. Напомню кратко историю нашего знакомства.

Познакомился я с ним в 1994 году. Тогда он занимал пост заместителя коменданта Московского Кремля. Горелов отвечал за хозяйство и техническое состояние объектов Кремля. Именно Горелов курировал контракт, который был заключен между Главным управлением охраны РФ (ныне Федеральная служба охраны) и компанией «Йорк Россия», филиалом американской корпорации «Йорк Интернэшнл». В то время я был генеральным директором «Йорк Россия» и курировал страны бывшего СССР. В соответствии с контрактом «Йорк» проводил реконструкцию систем вентиляции и кондиционирования Большого Кремлевского Дворца.

Часть денег, от 3 до 8 миллионов долларов США, была переведена по нашему контракту со счета ГУО РФ без актов выполненных работ. Счетов «Йорк» не выставял, денег мы не просили, о переводе некоторое время я ничего не знал. Деньги поступили в банк, но сразу же исчезли и на счет «Йорка» зачислены не были. Информация о переводе денег пришла ко мне случайно. Именно Горелов, не участвовавший в хищении этих денег, сказал мне об их переводе со счета ГУО.

Когда в Кремле узнали о том, что мне стало известно о перечислении средств в банк и об их исчезновении до зачисления на счет компании, руководство ГУО (начальник ГУО РФ Крапивин и два его первых заместителя, Никитин и Соколов) попыталось заставить меня прикрыть хищения поставками оборудования «Йорк Интернэшнл». Я отказался это сделать. Тогда командование ГУО попыталось повесить эти деньги на меня и «Йорк». Сделать это у них тоже не получилось¹⁵.

Горелов попал в опалу, и через пару лет после выполнения нами контракта он был отправлен в отставку, на пенсию. Выглядело все прилично: руководство ГУО устроило ему большой банкет, на котором выступали Коржаков, тогда начальник Службы безопасности Президента, и Барсуков, бывший Комендант Кремля, а в то время Председатель ФСБ. Горелов с ними был в большой дружбе.

Хотя Горелова отправили на пенсию с почетом, наградив Знаком «Почетный чекист», руководство ГУО затаило на него обиду и внесло его в свой «черный список». Куда бы Горелов ни пытался устроиться работать, ГУО делало все, чтобы Горелова на работу не принимали¹⁶. В итоге на работу Горелова взял я, уже в свою личную компанию ООО «Системы кондиционирования, автоматизации, теплоснабжения (СКАТ)», на базе которой впоследствии было создано ОАО «Москонверспром».

Горелов занимался вопросами эффективности котельных и систем теплоснабжения, их окупаемости. Кроме этого, он занимался поиском новых контрактов.

Компания была молодая, нераскрученная. После дефолта и кризиса 1998 года контракты добывались с трудом. Почти год Горелов не мог найти заказов. ГУО отслеживало не только

---

¹⁵ Подробнее см. <https://valerymorozov.com/news/767>.

¹⁶ Подробнее <https://valerymorozov.com/news/1565>.

его, но и меня и мою компанию, лишая возможности получить контракт с государственными структурами. Мне предлагали Горелова уволить. Я отказался, надеясь прорваться, не желая под давлением каких-то воров во власти выбрасывать человека на улицу.

Ситуация изменилась, когда Ельцин ушел с поста Президента РФ. Путин в первый же день уволил руководство ГУО/ФСО. Конфликт между ГУО и «Йорком» был Путину известен: ФСБ была втянута мною в тот конфликт, что создало определенный противовес ГУО и снизило мои риски. В Конторе имелось целое дело на руководство ГУО (подробнее об этом в «Enter the Kremlin»). Со сменой руководства ФСО изменилось и отношение к Горелову. К этому времени лишились своих постов Коржаков и Барсуков. Коржаков перешел в депутаты и стал писать книги о Ельцине. Барсуков остался в ФСБ, начальником Управления по охране подземных объектов и коммуникаций.

После прихода к власти Путина Горелов приободрился, нашел свои старые связи, которые его несколько лет избегали, и добыл первый большой заказ: на поставку и монтаж систем вентиляции, кондиционирования и отопления для крупнейшей в Москве типографии, которая тогда строилась. Принадлежала типография какому-то ООО, реальным хозяином которого был Тельман Исмаилов, хозяин Черкизовского рынка. Была в типографии, по словам ее директора и самого Исмаилова, и доля сына вице-премьера Правительства Москвы Малышкова. Генеральным директором типографии был назначен только что перед этим ушедший в отставку... ну, это естественно, заместитель руководителя Налоговой службы РФ. Кто еще может прийти на работу к хозяину Черкизовского рынка, где доход налом в день составлял 200 тысяч долларов США? Только высокопоставленный налоговый!

Горелов налогового знал. Знал он и начальника охраны хозяина Черкизовского рынка, действующего полковника ФСО Авакумова, который вместе с Тельманом базировался в принадлежавшем тому здании ресторана «Прага». Кто еще может быть начальником охраны выходца с Кавказа, азербайджанского еврея, хозяина Черкизона и «Праги»? Только действующий полковник Федеральной службы охраны, отвечающей за безопасность «охраняемых лиц государства», включая президента.

Контракт мы заключили и даже почти выполнили, но тут налоговый, перешедший в гендиректоры, решил заказать дополнительное оборудование для «особой зоны» типографии (VIP, баня, отдых и застолье). Подписали дополнение к контракту, мы заказали оборудование у американской компании «Трейн» (руководителем службы продаж был мой бывший подчиненный Игорь Левин). Оборудование было изготовлено и готово к отправке на заводе во Франции. И тут Тельман Исмаилов отказался оборудование оплачивать. С ним, якобы, дополнение к контракту не согласовали. Возник конфликт.

По поведению Горелова я понял, что он считает или знает, что это был не просто отказ платить, а давление на компанию и меня с целью убрать Горелова. Фактически это была подстава. Бывшее руководство ГУО/ФСО сохранило свои связи и свое влияние и, узнав о контракте, сумело его сорвать.

К Горелову я претензий не предъявлял, не требовал, чтобы он сам решал созданную им проблему. Я понимал, что ничего он решить не сможет. Разрешением конфликта занимался я сам и несколько сотрудников фирмы, бывших сотрудников ФСБ, которых мы тогда срочно взяли на работу для решения конфликта.

Горелов стал часто выпивать, приходить на работу с сильного похмелья. Работа у него не ладилась. Меня он избегал. Я понимал, что он ищет другое место работы.

Перед уходом Горелов сделал две вещи. Во-первых, он застраховался на очень большую сумму. Тогда это было редкостью. Личное страхование жизни у нас принято не было. А тут вдруг мне сказали, что к Горелову приходил страховщик из немецкой фирмы и Горелов застраховал свою жизнь, заплатив очень большой страховой взнос.

Я поинтересовался у него, зачем он это сделал. Горелов ответил, что «так, на всякий случай», и рассмеялся.

Потом он уволился. Он перешел работать в фирму «Фромм», которая в Кремле во времена Горелова занималась сканированием, обследованием подземных сооружений. С уходом Горелова «Фромм» из Кремля убрала.

Перед увольнением Горелов зашел ко мне в кабинет. Он сел передо мной, по другую сторону стола, и рассказал, что написал заявление, куда уходит. Я не возражал. Все было ясно.

– Палыч, ты помнишь, я как-то сказал тебе, что меня они не задавят... Крапивин, Никитин, Коржаков, Барсуков, Соколов? – спросил он, наклонив голову набок и, с хитринкой в глазах, смотря в сторону мимо меня.

Я понял, что он вспоминает наш разговор во время конфликта с его руководством. Тогда мы пытались оценить наши шансы: его – остаться на должности, мои – остаться живым. Он меня спросил, устою ли я, сохраню ли я пост гендиректора «Йорка России»? Я сказал, что устою, хотя в Кремле и в компании ходили упорные слухи, что меня за конфликт с Кремлем должны из компании убрать. В свою очередь я поинтересовался у Горелова, выдержит ли он? Не задавят ли его командиры-генералы? Горелов зло и уверенно сказал: «Не задавят! У меня такое на них есть, что они меня зае...т давить. Я их сам скорее задавлю, урою гадов!»

– Да, – сказал я. – Помню.

– Я вот теперь решил тебе рассказать... одну историю, – сказал Горелов. Лицо у него было красное. Он как-то по-птичьи склонил голову набок, глядя в сторону мимо меня. При этом, казалось, он ничего не видит, а смотрит внутрь себя самого.

– Какую историю? – спросил я.

Не скажу, что я был заинтригован. Меня удивляло необычное поведение Горелова.

– Ты знаешь такого Варшавского?

– Нет. А кто это?

– Эмигрант. Бывший, из наших. В Америку уехал еще при Советской власти.

– Нет. Не знаю. И не слышал о нем.

Горелов помолчал. Потом он посмотрел внимательно на край моего стола, словно там что-то было написано, и, с силой надавливая, начал водить пальцем по темной полированной поверхности стола, стирая то, что там видел.

– Мы американцам продали установку С-300, – сказал он. – Полный комплект. С ракетами. Одну установку. За три миллиона долларов. Наличными.

Мы помолчали.

– Зенитный ракетный комплекс? – спросил я.

– Да, – сказал он.

– С системой «свой-чужой»? – спросил я.

– Да, – сказал он, прекратив протирать стол и смотря куда-то за меня.

– Кто это мы?

– Коржаков, Барсуков и я.

– Кто?!

– Коржаков и Барсуков. И я.

Передо мной сидел бывший прикрепленный (начальник охраны) члена Политбюро ЦК КПСС Лукьянова. Бывший заместитель начальника охраны Ельцина. Бывший заместитель коменданта Московского Кремля. Бывший мой заместитель. И он сказал о том, что он сам, начальник Службы безопасности Президента РФ и руководитель Федеральной службы безопасности (почти КГБ), а до этого бывший комендант Московского Кремля, а теперь начальник Управления ФСБ, которое отвечает за секретность и безопасность всех подземных коммуникаций, объектов, в том числе центров управления и связи всей России (15-е Управление КГБ), два генерала армии, два первых руководителя главных спецслужб постсоветской России,

совершили преступление, которое называется «предательство Родины», продав в начале 90-х годов через посредника американским разведслужбам секретный, по тем временам новейший, комплекс противовоздушной и противоракетной обороны С-300. Продали его вместе с системой опознавания объектов «свой-чужой». То есть оставив Россию без системы ПВО. За три миллиона долларов наличными.

– Валерий Павлович, – спросил я, – ты понимаешь, что ты говоришь?

– Да.

Мы молчали.

– Я сам принес в Кремль чемодан с тремя миллионами долларов, – сказал он, словно вспоминая что-то. – Принес в кабинет к Коржакову. Там они меня ждали. Коржаков и Барсуков... Коржаков взял чемодан. Мы пересчитали пачки долларов. Коржаков говорит: «Ты, Палыч, сейчас иди к себе, а завтра придешь, мы тебе твою долю отдадим». Я ушел. – Горелов улыбнулся. – Прихожу на следующий день в кабинет к Сашке Коржакову. Они с Барсуком меня обнимают, говорят, молодец, Палыч, мы тебя благодарим... И достают ружье ижевского завода... Красивое такое ружье, с инкрустациями... Вот, говорят, Палыч, тебе за службу! И дарят мне ружье. Торжественно... Ты, говорят, оружие любишь, собираешь. Потом опять обнимают... Все, говорят, иди... Я вышел из кабинета с ружьем. Пришел к себе... Ну, думаю, суки! За ружье заставили... Я тогда решил, что никогда не забуду и не прошу им этого!

Я смотрел на Валерия Павловича, а он, приблизив красное лицо к поверхности стола, опять тер пальцем, будто пытался стереть написанное там.

– Палыч, ты зачем мне это сейчас сказал? – спросил я его.

– Так решил. Мало ли что... Кому-то сказать надо. Решил, что тебе...

Я не знал, что сказать. Я не мог никуда пойти. Не мог никому рассказать. Он передал мне секрет, за который убьют быстро и без сомнений. Но я понимал, что ему нужно было кому-то этот секрет передать.

– Я тебе рассказал, а дальше... жизнь сама все разложит по местам. Может быть, когда-нибудь ты это вспомнишь... может, ты сможешь... Извини, Палыч. Прощай.

Он вышел из моего кабинета, а я остался сидеть, думая над тем, что мне только что рассказал Горелов.

Больше я Валерия Павловича Горелова не видел. Он погиб в автомобильной аварии через пару месяцев после этого разговора. На его похороны я не попал...

Прошло несколько лет.

Мы сидели на веранде в ресторане «T-bone Steak» у Воронцовского парка. Я не знаю, как сейчас, но несколько лет назад мясо готовили в этом ресторане лучше, чем в каком-либо другом месте в Москве. И сидеть на улице осенним вечером на свежем воздухе было очень приятно.

– Ты слышал, что сын Барсукова застрелился? – спросил меня генерал.

– Да, слышал, – сказал я.

О смерти сына Барсукова я услышал в Сочи от бывшего заместителя начальника сочинского ФСО, но деталей не знал. Бывший сочинский фэсэшник рассказал мне о смерти младшего Барсукова в надежде, что я знаю детали. Но я ничего не знал. Детали я решил узнать в Москве.

– А что с ним случилось?

– Застрелился.

– Такой парень был красивый, хороший! Такое несчастье! – сказала супруга генерала.

– Да, странная история, – сказал генерал. – Парень закончил Академию ФСБ с отличием. Был направлен на службу в разведку. В американский департамент. Должен был от СВР ехать в США. Отличный офицер, патриот. И вдруг, перед самой командировкой, перед самым отъ-

ездом... застрелился! Никакого повода, никакой причины, ничего... Никто ничего не понял! Вся карьера впереди... Отличный был офицер, честный...

– Такое несчастье! А отцу каково? Единственный сын. Гордость, надежда! – сказала супруга генерала.

Я молчал. Одну из возможных причин трагедии я знал. Сына Барсукова, перед отъездом в США по линии внешней разведки, могли попытаться завербовать, используя компромат на отца. Выбор был стать предателем Родины или позор. Парень выбрал третий вариант. Он был патриотом и офицером с честью.

Я промолчал и выпил за упокой души младшего Барсукова.

P.S. Первое. Я рассказал эту историю, потому что время пришло. Надо понимать, кто руководил российскими спецслужбами, создавал их после развала КГБ. Именно тогда была заложена та гниль, которая теперь охватила Россию и разлагает страну и народ.

Второе. Я прошу Президента РФ В.В. Путина и Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайку рассматривать мой материал как официальное заявление о преступлении. Надеюсь, что оно не будет зарыто, как это случилось с моими заявлениями и уголовным делом № 355516 в отношении чиновников Управления делами Президента РФ Лещевского, Шаболтая, Чауса и других, а также руководства ДЭБ МВД и СК РФ (соответствующие материалы можно найти на ValeryMorozyov.com).

«И да будет каждому по делам его».

Какой-то этот Морозов наивный – эта власть должна сама себя повесить?